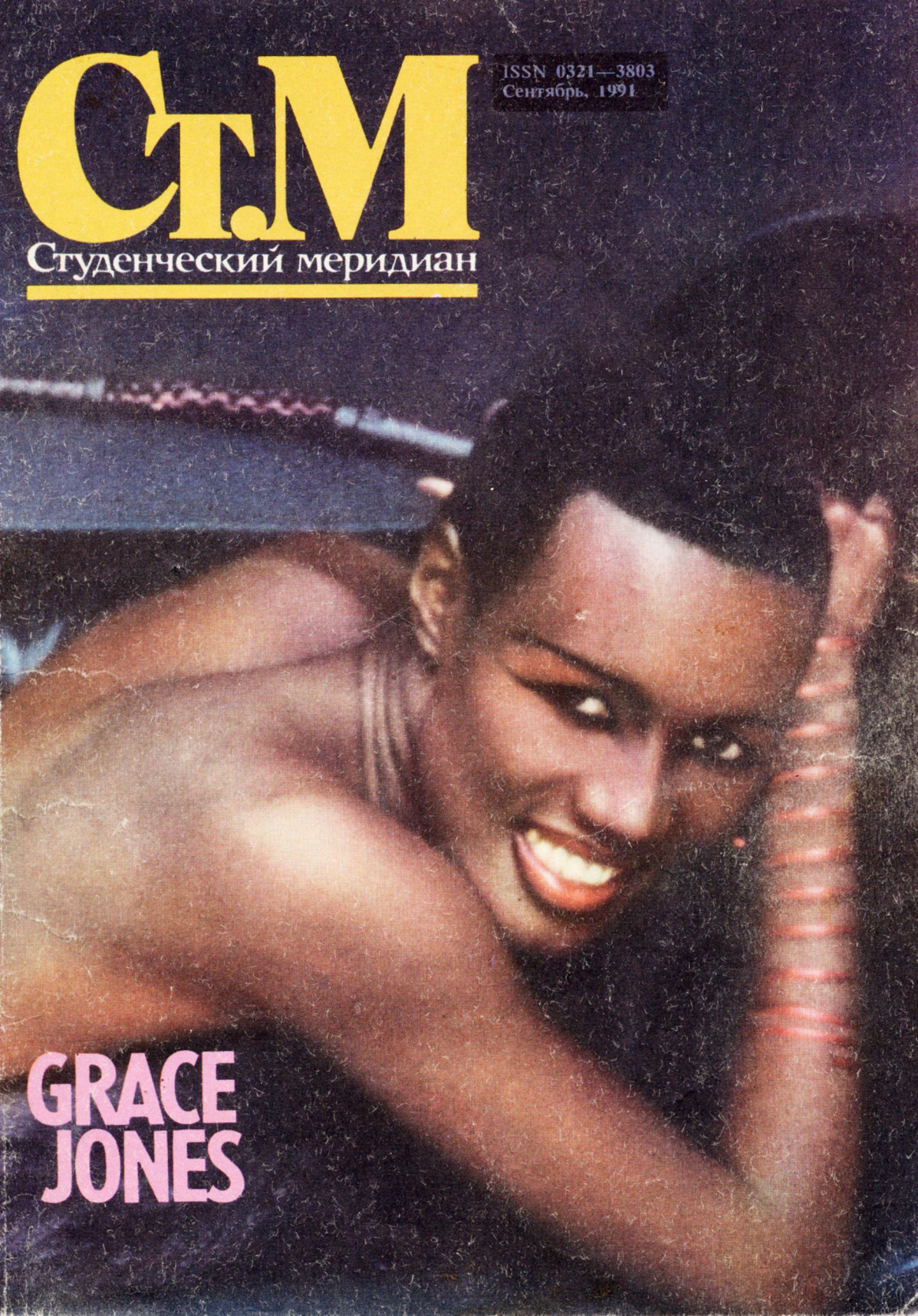

Ст.М

Студенческий меридиан

ISSN 0321-3803
Сентябрь, 1991

GRACE
JONES

СПЕЦ

По фельетону
М.Булгакова
„Целитель”

СТУДЕНЧЕСКИЙ КАПУСТНИК

Анзельмас Каткус

Веселые диалоги

— Ваше лицо где-то я видел.
— О нет, профессор, мое лицо всегда на том же месте.
— Вижу, мой вопрос вас утомляет?

— Не вопрос, профессор, а ответ.

На экзамене по архитектуре профессор спрашивает студентку, зачем в домах лестницы.

— Ох, профессор, зачем такие интимные вопросы...

— Так чему сегодня научила вас учительница? — спрашивает сына папа.

— Что там выучишь, если учительница все время спрашивала и спрашивала. Видимо, она сама ничего не знает...

Студент объясняет своему пятилетнему сыну:

— Ты уже достаточно большой, поэтому должен знать,

что нет никакого Деда Мороза. Это был я.
— Знаю, знаю... И аист был ты...

— Как поделикатнее сообщить родителям о провале на экзамене?

— Телеграфируй: *ничего нового.*

Внимательно оглядев полки в магазине хозяйственных товаров, студент просит самую дешевую вешалку.

— Пятьдесят копеек.

— А дешевле нет?

— Пожалуй: гвоздь.

— У профессора отвратительная память.

— Все забывает?

— Наоборот, все помнит.

— На вашем месте я не бегал бы с лекций! — говорит профессор студенту.

— Бегали бы.

— Почему?

— Иначе не были бы на моем месте.

— О чем вы думаете, ничего не делая весь семестр?

— О том, профессор, как поскорее сдать экзамены и перейти на другой курс.

Встретились два студента-сувалькица (наподобие габровцев).

— Веришь ли ты в перевоплощение души?

— Да! Я, например, был ослом.

— Когда?

— Когда одолжил тебе три рубля.

— Знаешь, мне Аудроне надоело. Посоветуй, как от нее избавиться.

— Попроси одолжить денег.

— Почему учишься с закрытыми глазами?

— От удовольствия!

Профессор, не удовлетворенный ответом студента, в зачетке пишет: «Осел». Студент с грустным лицом уходит, но вдруг возвращается веселый: «Профессор, вы подписались, а оценку написать забыли!»

— Вам надо больше работать. Берите пример со старших друзей!

— Много работает тот, у кого нет таланта.

Разговаривают два студента:
— Представь себе, моему другу Альгису точно предсказали его будущее на пять лет вперед.

— Интересно, кто был этот пророк?

— Судья, который читал приговор.

— Приближается сессия, — говорит преподаватель.

— Ничего, — говорит студент, — я хороший бегун!

— Что тебе нравится: филология или право?

— Филология.

— Почему?

— Потому что я занимаюсь на юридическом.

Профессор: «Так что сказал твой отец, узнав о результатах сессии?»

Студент: «Он покачал головой».

«Своей или твоей?»

«Сначала своей, а потом — моей».

Образовалась молодая студенческая семья. Он спрашивает ее:

— Как сейчас будем жить?

— А как до сих пор жил?

— Сидел у родителей на шее.

— Тогда потеснишься.

Будущий педагог Думчюс после учебной практики сообщил коллегам об обнаружении им «Закона Думчюса»: если учитель девять раз назовет ученика «свиньей», то последний в десятый раз начинает на самом деле хрюкать.

Студент в столовой:

— Эй, сударыня, подайте антрекот!

— С удовольствием.

— Можно и без удовольствия, только обязательно с картошкой и побольше лука!

СтМ

Студенческий меридиан

Ежемесячный общественно-политический, научно-популярный и литературно-художественный иллюстрированный журнал

Учредители — ЦК ВЛКСМ, ИПО «Молодая гвардия», коллектив «Ст. М.»

Издается с января 1974 года 1991, № 9, 1—80

Главный редактор Юрий Ростовцев

Редколлегия:
Виктор Астафьев,
Анатолий Богомолов,
Феликс Волков,
Екатерина Гордеева,
Владимир Грошев,
Егор Исаев,
Анатолий Карпов,
Константин Лебединский,
Ярослав Микуляк
(зам. главного редактора),
Олег Михайлов,
Владимир Плаксин,
Ирина Репина
(ответственный секретарь),
Александр Селянов,
Станислав Смирнов,
Людмила Третьякова,
Ольга Чистенкова,
Андрей Шаронов,
Михаил Щипанов

Главный художник
Александр Архутин
Художественный редактор
Константин Кухтин
Технический редактор
Галина Белова

Наш адрес: 125015, Москва, Новодмитровская ул., д. 5а. «Студенческий меридиан».

Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на «Студенческий меридиан» обязательна. Телефон для справок: 285-80-71.

Сдано в набор 27.05.91. Подп. в печ. 26.06.91. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 27,28. Уч.-изд. л. 9,9. Тираж 870 000 экз. Заказ 2100. Цена 1 руб. (по подписке 60 коп.).

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес: 103030, Москва, Сушеская ул., д. 21.

© «Студенческий меридиан», 1991 г.

— Можно ли так ничего не знать?

— Простите, профессор, я думала, что экзамен будет завтра...

Во время экзамена преподаватель спрашивает студента:

— А что в ваших карманах?

— Цитаты ваших произведений.

— Что бы ты делал, став деканом?

— Серьезно подумал бы о кресле ректора.

Разговаривают два студента.

— Слыхал новость? Думчюс за поцелуй Агне в городском парке получил трое суток!

— Чепуха! Я за такую же шутку получил жену пожизненно.

— Ну, ты молодец! Как тебе удалось так далеко бросить ядро?

— А я представил, что это учебник по политэкономии...

На экзамене литературы про-

фессор спрашивает студента:

— Что вы, любезный, знаете о Джоне Мильтоне?

— Когда он женился, написал: «Потерянный рай», а после смерти жены написал: «Возвращенный рай».

Студент после длительного изучения вопросов по билету спрашивает профессора:

— Нужно углубляться в суть или в смысл вопроса?

Доверчивость:

— Думчюс, у вас шпаргалка есть?
 — Есть.
 — Значит, ничего не знаете. Идите — «неуд».

Вероломство:
 — Думчюс, у вас шпаргалка есть?
 — Нет!
 — Есть!
 — Нет, нет!
 — Значит, списали! Идите — «неуд».

— Что бы вы могли сказать о знаменитых физиках XVIII века?

— Все они давно вымерли.

В лагере СО мастер возмущается, видя бездельничающего студента:

— Что ты стоишь на крыше и нос ковыряешь?

— А что, — возмущается студент, — на носу стоять и крышу ковырять?

Во время лекции профессор

обращается к студенту:

— Разбудите своего соседа, пожалуйста.

— Лучше вы сами, ведь вы его и усыпили.

Идет экзамен. Входит студент. Профессор его спрашивает:

— По какому учебнику вы готовились к экзамену: Петraitиса, Йонайтиса или Казайтиса?

— Петraitиса, — не моргнув

глазом, твердо отвечает тот.

— Идите, «неуд»!

Входит второй, тот же вопрос, но «потерпевший» предупредил друга, поэтому на вопрос профессора отвечает:

— Йонайтиса!

— «Неуд»!

И вдруг с широкой улыбкой на лице входит третий студент (третий!!!) и на вопрос профессора игриво отвечает:

— Казайтиса!

— Двойка и вам, мой дорогой: учебника по этому предмету вообще нет!

— Что за знаки на моем пиджаке? — спрашивает бабушка своего внука.

— Это значит, что я окончил два института! — гордо отвечает тот.

— Неужели ты такой никчемный, что тебя не могли в одном институте выучить?

— Дорогая, мне трудно найти слово...

— Ничего, милый, главное, найти денег.

— Я давно мечтаю побывать в дальних странах. Интересно, сколько стоило бы путешествие, например, по Европе?

— Ни копейки!

— ???

— Мечтать можно бесплатно.

Сын решил учиться на кардиолога, а отец с этой идеей не согласен.

— Дурак, — кричит отец, — будь лучше стоматологом: у человека только одно сердце, а зубов — целых тридцать два.

— Вы должны сдавать экзамен по английскому, а сдаете, насколько я понимаю, по испанскому языку.

— Простите, профессор, неужели я этой ночью перепутал конспекты?

Профессор спрашивает студента:

— Почему вы спите на лекциях?

— Жаль попусту ночное время терять.

— Неужели вы за три месяца не успели написать курсовой работы?

— Ошибаетесь, доцент, я не успел за три дня...

— Почему этот студент отвечает с закрытыми глазами?

— Чтобы не видеть, как преподаватель мучается.

— Можно ли пить вино, если, напившись вина, люди превращаются в свиней?

Мудрец ответил:

— Тем, кто превращается, — нельзя!

— Опять не готовы к экзамену? Ведь обещали стать другим человеком.

— Я и стал другим, профессор! Но и он оказался лентяем...

Из аудитории выбегает веселый студент и кричит:

— Ура, сдал!

— Подождите, — говорит профессор, — надо отметить в книжке...

— Вечером отметим, — слышится уже за дверью.

— Что делать, Пятрас, не успеваю на лекции?

— Ночуй в университете.

Студент в поликлинике. Врач спрашивает:

— На что жалуетесь?

— Физика, математика, химия.

— Что такое экзамен?

— Это беседа двух умных людей.

— А что будет, если один из них окажется не совсем...

— Другой не получит стипендии.

— Век живи, век учись!

— Согласен. Только кто так долго будет стипендию платить?

— Экзамен — это спектакль: вы — актеры, я — зритель!

— Прекрасно, профессор! Можно ли пригласить суфлера?

— Вы не имеете никакого представления о химии, уважаемая!

— Неправда, профессор! Тогда бы я не была блондинкой.

— Ваша фамилия? — спрашивает доцент.

— Йонайтис, — улыбаясь отвечает студент.

— Чему улыбаетесь?

— Рад, что ответил на первый ваш вопрос.

ФОТОКОНКУРС

Париж у ваших ног!

Понимаем, что читатели «Ст. М.» избалованы международными конкурсами, но отказаться в еще одном шансе съездить на каникулы в Париж, право же, мы не в силах. Один удачный «блиц» — и Париж у ваших ног!

Впрочем, вынуждены предупредить — шансом на победу никто, кроме постоянных читателей «Ст. М.», воспользоваться не сможет. И мало того, вам совершенно необходимо быть стопроцентным студентом. Ну, пожалуй, и все ограничения. Дальнейшее же зависит от вашего умения фотографировать.

Итак, «Ст. М.» и наш партнер — журнал Международного союза студентов «Student Life» объявляет фотоконкурс. Мы намеренно не определяем его содержание. Пусть это будет ваш выбор. Ваша тема. Ваш взгляд...

Фотоработы (черно-белые снимки форматом 18×24 или цветные слайды — стандартных размеров) должны попасть в редакцию до 1 марта 1992 года с пометкой «Фотоконкурс». Имейте в виду, каждый участник может представить на суд жюри не более трех работ либо один фоторепортаж до 10 снимков. На обороте каждого снимка укажите фамилию, имя, отчество, возраст, полное название вашего учебного заведения, факультет, курс, подробный (с почтовым индексом) домашний адрес. Дополнительно продублируйте эти данные на почтовой карточке и вложите ее и ваши фотоработы в конверт.

О наградах. Абсолютный победитель («Гран-при»), как обещано, получит путевку в летний студенческий спортивно-туристический лагерь в живописных окрестностях Парижа. Другие лауреаты (три первых места) будут представлены на престижный международный конкурс-выставку «World Press-Photo».

И, разумеется, лучшие фотоработы попадут на страницы «Ст. М.» и «Student Life», авторы их получат специальные награды редакций и право на творческую командировку.

Дорогие наши читатели! Еще раз благодарим всех, кто прислал нам свой поцелуй. Честно говоря, мы сбились со счета, а мешки с поцелуями все поступают и поступают. Так что мы просто все зацелованы. Сегодня мы знакомим вас лишь с малой толикой тех писем, что пришли в редакцию. Как видите, жизнь ваших поцелуев продолжается!

Кража и подделка поцелуев карается законом!!! Месячник весенней любви под девизом — «Звонкий чмок — каждому номеру «Ст. М.»!» Самый конвертируемый поцелуй в мире. «Сдадим 1 килограмм губной помады в редакцию «Ст. М.» бесплатно!» Поцелуй — пейзаж души. Предлагаю занести в книгу Гиннеса «Ст. М.», как единственный журнал в мире, имеющий обширную коллекцию поцелуев своих подписчиков.
Москва, Марина, 18 лет

Прочитала и чуть не умерла от смеха. Надо же было такое придумать — насчет поцелуев! Ну и прикольные вы! В общем, посылаю поцелуй.
Москва, Татьяна, 17 лет

Можно, я попробую расшифровать ваш образчик поцелуя из № 3? «Ст. М.», во-первых, кокетка (губки «бантиком»), во-вторых, веселый журнал (уголки губ раздвинуты), и, в-третьих, он любит сенсационные новости или просто удивительные факты (белый кружок в центре рисунка). И еще мне почему-то кажется, что «Ст. М.» любит музыку. Может быть, потому, что весь рисунок поцелуя в целом похож на губы человека, поющего звук «у-у».
Москва, Татьяна, 16 лет

Представляю, сколько к вам придет поцелуев. Как же я вам завидую!
г. Киев, Людмила, 22 года

г. Созрань

Таллина Хотова, 21 год

Не подумайте, что четыре поцелуя от избытка губной помады. Просто я так люблю ваш журнал, что одним поцелуем ограничиться не смогла!
Москва, Елена, 24 года

Вы такие приколы иной раз выдаете, что слов нет. Вот как с этим поцелуем. Еще не знаю, зачем вам это надо, но сердцем чувствую — затеяете что-то интересное. Бог в помощь!
г. Рязань, Наталья, 17 лет

Готова приехать и перецеловать всех (в щечку!).
г. Брест, Жанна, 18 лет

В следующий раз напишите, как быстро смывать губную помаду.
г. Липецк, Константин, 22 года

Может быть, это все очень большая авантюра, но мы с подружкой по натуре тоже авантюристки. Высылаем поцелуи.
г. Челябинск, Света и Наташа, 20 и 19 лет

Я бы поцеловала вас и без посредника в виде письма, но пока, к сожалению, не имею такой возможности. Только не подумайте, что целоваться для меня пустяковое дело и что я разбрасываюсь поцелуями направо и налево. Ваш журнал повышает мое настроение, он почти идеальный для молодых людей.
Москва, Татьяна, 19 лет

Ну, господа, с вами не соскучи-

Серге, 18 лет

чисься. Так и до отпечатков пальцев дойдем. А вообще здорово!!!
г. Тверь, Елена, 18 лет

Конечно, ваша затея больше смахивает на первоапрельскую шутку, но хочется шутить и делать глупости, и поэтому с радостью и любовью шлю вам свой поцелуй. Пусть вам пришлют много-много поцелуев.
Москва, Татьяна, 20 лет

В наше неоднозначное время я отказалась от всей прессы, но не выписать «Ст. М.» не могла. Огромное спасибо людям, дарящим каждый месяц радость в виде «Ст. М.». Люблю ваш журнал, цветы, кошек. Но больше всего люблю людей и жизнь. Еще хочу, чтобы наши (советские) замечательные люди на деле, а не на словах жили лучше всех в мире. Не знаю, какую «долгую жизнь» вы обещали «поцелую», но вы заинтериговали. Хорошо, что стараетесь развеять черноту вокруг нас. Спасибо!!!
Москва, Вера

Для тебя я ни капельки не пожалела помады производства ФРГ за 12 рублей. У меня принцип: не любишь — не целуй.
г. Ульяновск, Маргарита, 20 лет

Никогда не смогу остаться равнодушной к журналу. Если это со мной случится, я буду даже не больна, а мертва! Движимая желанием сделать хоть что-то полезное, я говорю вам: «Я вас

г. Москва

Шудбина Жаня

люблю!» До этого я держала это в голове, но там любви, на мой взгляд, не место.
г. Нижний Ломов, Светлана, 20 лет

Чего не сделаешь ради любви... Завабно, хотя и глупо. Интересно все же, что из этого всего получится?
г. Ровно, Татьяна, 19 лет

Пыталась вытянуть поцелуй у своего брата, но безуспешно. Он ни в какую не хочет красить губы помадой.
г. Пермь, Татьяна, 19 лет

Я очень рада за журнал — в наше время это большая редкость, когда для полного счастья не хватает всего какой-то тысячи-другой поцелуев! В этом году заканчиваю институт, но, несмотря на это, буду выписывать «Ст. М.». Хочу чувствовать себя студенткой до седых волос, с твоей помощью это вовсе не сложно.
Москва, Наташа, 22 года

Ты помогаешь выжить своим оптимизмом, это главное в нашей нелегкой жизни, в общем, ты — друг. Меня не смутило порождение подписки, есть за что платить!
г. Ульяновск, Светлана, 20 лет

В наше время критики и ругани вы остались единственным журналом, который сохранил «свое лицо». Молодцы!!! Желаю вам вдумчивых и умных читателей.
г. Лидя, Алла, 23 года

Э П О Х А Н Л О

Ведущий рубрики Павел Губанов

Невероятное — очевидное!

Сегодня можно считать твердо установленным фактом существования предмета изучения феномена НЛО и полтергейста. Однако его интерпретация часто страдает от субъективизма.

Необоснованной представляется точка зрения на проблему НЛО как на проблему встречи человека с инопланетянами, подобными людям. При оценке возможности появления разумных существ на других планетах нельзя рассматривать ее в отрыве от условий, в которых такие существа возникают. На нашей Земле люди появились в определенных физических условиях, атмосфера планеты имеет свой химический состав и давление. В пределах Солнечной системы и в ближайшем космосе челове-

чество не знает планет с условиями, сходными с земными. Поэтому вряд ли стоит ожидать появления на них форм жизни нашего биологического типа. В то же время наблюдений НЛО становится все больше.

С чем же мы имеем дело? Исследования великих ученых Вернадского, Флоренского, Циолковского приводят к выводу, что земная биологическая форма жизни не является единственно возможной в космосе. Работы русского физика Пригожина позволили понять физи-

ческие процессы, приводящие к появлению в космосе сложно организованных структур на принципах, отличных от белково-нуклеиновых. Профессор Нью-Йоркского университета Р. Шапиро предложил классификацию возможных форм жизни на плазменном состоянии материи. Это может быть совершенно непохожий на человеческий разум. Мы не понимаем его устройства, и возможности контакта с ним крайне ограничены. Именно на эти факты совершенно справедливо указывает председатель семинара «Экология неопознанного» А. Кузовкин (Москва).

Более того, имеющий высочайшую научную репутацию академик АМН СССР С.О. В. П. Казначеев высказал точку зрения о том, что вокруг нас постоянно присутствуют невидимые и малоощущаемые полевые формы (имеется в виду силовое поле) жизни, и человек, и любое другое живое существо — симбиоз различных видов живого вещества.

Тут уместно привести гипотезу

тезу, которая была выдвинута в 20-х годах нашего века Николаем Рерихом. Тогда она выглядела сверхфантастично, но теперь... Впрочем, судите сами.

Рерих этой проблеме посвятил много лет жизни, и он исколесил Гималаи и Тибет, ища там перевалочную базу НЛО на Земле. Между прочим, говорят, что какие-то следы «этой базы» он разыскал. Сам Рерих считал, что каждый человек является генератором особого вида энергии, еще до конца не познанной нашей наукой. Он называл ее «психической энергией». (Сейчас нам уже известны телепатия, телекинез и т. п. Многие ученые считают, это не что иное, как излучение человеком какой-то неизвестной пока, но очень сильной энергии). Причем Рерих полагал, что эту энергию человек излучает всегда.

По-видимому, это более тонкие поля энергии, возможно даже, что те поля энергии, о которых говорит член-корреспондент АН БССР А. И. Вейник, — поля наномира, феномира или аттомира. Структура эта еще не познана. Но главное, что это очень сильный, страшный по своему заряду вид энергии, который не уничтожается, а накапливается в околосемном пространстве. Причем этой энергии накапливается тем больше, чем выше растет численность населения земного шара. И к тому же человек выделяет больше этой энергии в стрессовом состоянии. К стрессовому состоянию Рерих отнес любые эмоциональные возбуждения — неустроенность, неуверенность, страх и т. п. Причин стресса на нашей Земле в избытке. Особенно сильно эта энергия излучается в моменты таких всечеловеческих напряжений, как военные конфликты или ожидание оных. Накапливаясь в околосемном пространстве, энергия диффузируется в космос, засоряя его и мешая жить в нем. Вот с этой целью, говорил Рерих, инопланетяне и участвовали свои прилеты к нам, чтобы найти гуманный способ нейтрализации такого положения...

Итак, в наши дни происходят явления, которые земными причинами объяснить не удастся. Одновременно с этим современная наука уже не отри-

цает возможности появления разума на других планетах, в том числе разума, опередившего нас на миллионы лет. Допускается также возможность существования на земле параллельного мира. Попытка совместить эти предположения приводит к логическому выводу, что наблюдаемые нами странности — следствие действий вышестоящего разума.

А теперь перейдем к событиям, о которых действительно можно сказать: невероятное — очевидное! С ноября 1989 года десятки тысяч бельгийцев стали свидетелями полетов НЛО, причем около тысячи наблюдений велось с расстояния порядка 200 метров. Так, 29 ноября 1989 года с 17.30 до 21.00 тридцать групп очевидцев в разных точках на участке площадью в 800 квадратных километров между городами Льеж и Эйпен видели одни и те же объекты. Полное совпадение свидетельских показаний позволило восстановить траекторию полета этих двух НЛО. Интересная деталь: все отмечают, что полет НЛО проходил с предельно низкой скоростью, на малой высоте и практически бесшумно. Между прочим, в числе свидетелей — люди разных убеждений и профессий: есть среди них и майор бельгийской армии, и физик-теоретик, и известный профессор.

Министерство национальной обороны Бельгии начало тогда расследование. И это было только начало большого «парада летающих тарелок» над Бельгией, который продолжился и в 1990 году. Среди специалистов, устремившихся на место событий, был профессор Жан-Пьер Пэти. Заметим, что профессор склоняется сейчас к гипотезе о внеземном происхождении НЛО.

Жан-Пьер Пэти — физик, специалист в области физики плазм и космологии, автор вышедшей в прошлом году на Западе книги «Расследование по НЛО». Появление этой книги — уже событие, поскольку маститые ученые редко принимают всерьез феномен НЛО. Работы же Жан-Пьера Пэти в области теоретической физики публикуются в крупнейших мировых изданиях, а репутация его как ученого в научных кругах безупречна. И в своей книге

он рассматривает феномен НЛО исключительно с позиций современной науки. Причем отдельным аспектам проблемы дается исключительно убедительное объяснение. Хочу остановиться на таком прикладном примере: очевидцев, которые снимают НЛО с малого расстояния, ждет всегда разочарование при проявлении пленки. Сейчас не существует ни одного кадра «тарелки», снятого с расстояния до 100 метров, так как НЛО просто не фиксируется на пленке.

Во время массовых наблюдений полетов НЛО над Бельгией было сделано множество снимков с близкого расстояния, но после проявления на них не оказалось следов того, что видели фотографы. Физики, похоже, нашли объяснение. Дело в том, что при определенных условиях инфракрасное излучение, источником которого является какой-нибудь объект, имеет способность полностью затормозить химическую реакцию, позволяющую фиксировать этот объект на пленке. И это отнюдь не теоретический вывод. Факт проверен на практике, однако раньше о нем не говорили. Возможно, что инфракрасное излучение — результат нормального функционирования неопознанных летающих объектов. Обойти такую преграду можно, считает профессор Пэти, если использовать пленку, чувствительную к инфракрасным лучам.

В отечественных публикациях на эту же тему давалось такое объяснение: НЛО появляется в пространстве дискретно, то есть на короткие моменты, в пульсирующем режиме. Получается, что глаз в силу своей инерционности видит объект, а фотоаппарат снимает его в тот момент, когда его нет. Поэтому тем, кто хочет снять НЛО, можно посоветовать поставить выдержку не меньше $\frac{1}{8}$ секунды. Используя эти рекомендации, фотолюбители могут попытаться счастья при съемках НЛО с близкого и дальнего расстояний, если такое randevu состоится.

Теперь вернемся к тому, как же представляет себе профессор Пэти НЛО. Его ответ категоричен: сейчас можно со всей ответственностью заявлять, что НЛО — материальный объект!!! Подтверждают это сенсационные документы, передан-

ные Бельгийскому обществу изучения космических явлений с разрешения министерства национальной обороны. А в июне 1990 года уже в распоряжение прессы были предоставлены уникальные материалы бельгийских военно-воздушных сил. Это видеозаписи показаний пяти радаров, из которых три находились на земле, а два других соответственно на борту двух истребителей F-16 ВВС Бельгии, стартовавших для перехвата НЛО. В ходе охоты, которая продолжалась 75 минут, истребители сумели три раза перехватить цель, то есть она была зафиксирована на бортовых радаров перехватчиков, и оставалось только выпустить ракеты для ее поражения. Были четко зарегистрированы все параметры полета объекта. Тщательное исследование, проведенное бельгийскими специалистами, прежде чем предать гласности этот фантастический материал, показало, что любая возможность неполадок с радаром или компьютерами исключена. Впервые в мире военные передали подобные данные в руки гражданских специалистов и журналистов!

Сама охота развернулась в ночь на 30 марта 1990 года. Что же зафиксировали радары в ходе перехвата?

НЛО буквально за секунду развил скорость с 280 км/ч до 1800 км/ч, снизившись с высоты в 3000 метров до 1700 метров. Это фантастическое ускорение соответствует 40 g (g — символ ускорения; 1 g соответствует ускорению в 9,8 метра в секунду), оно повлекло бы мгновенную смерть живого в нашем понимании существа, если бы оно находилось на борту НЛО. Для сравнения: предел, который может вынести пилот перехватчика, исчисляется 8 g. Достигнув 1700-метровой высоты, объект ринулся к земле. Опустившись чуть ниже 200 метров над поверхностью Земли, он ускользнул из «поля видимости» наземных радаров и радаров F-16. Перехватчики просто не могли уже преследовать НЛО на столь малой высоте (предел их скорости на высоте 200 метров исчисляется 1300 км/ч). Все происходило так, словно таинственный объект, раз зафиксированный бортовыми радаром, выбирал са-

мый разумный путь, чтобы ускользнуть от перехватчиков. Тот же самый сценарий повторился еще два раза, в ходе которых F-16 вновь находили и теряли НЛО.

Это напоминало игру в прятки, которую в течение 75 минут с земли наблюдало большое количество людей. Все свидетели видели и НЛО, и два истребителя, но никто не слышал взрыва, который должен был бы произойти, когда НЛО преодолевал звуковой барьер. Учитывая же скорость НЛО и высоту полета, переход звукового барьера должен был по законам земной технологии и техники вызвать взрыв, в результате которого во множестве домов вылетели бы стекла.

Военным был задан ряд вопросов: мог ли быть этот объект метеорологическим шаром-зондом, или метеоритом, или обломком ракеты, или образцом новейшей военной техники других стран? На каждый вопрос представители ВВС ответили — нет. Этот объект двигался совершенно независимо от направления ветра и воздушных потоков. Объект не был ни метеоритом, ни обломком ракеты, так как траектория его движения в атмосфере многократно резко менялась. Кроме того, военные провели целое предварительное исследование данных компьютеров и видеокассет с перехватчиков, воссоздали полную картину метеорологических условий. Их вывод: атмосферные условия на ту ночь полностью исключают возможность любого феномена электромагнитной природы. Что касается новейшей военной технологии, то ничего подобного в земной технологии сегодня не существует.

Интереснейшая информация бельгийских военных означает конец шарлатанству и дилетантизму в деле исследования феномена НЛО, на сцену выходят ученые. И у них есть свои соображения на этот счет. Итак, слово профессору Пэти и его коллегам.

Продолжение следует

НА НАШЕЙ ОБЛОЖКЕ

Певца, актриса, фотомодель и манекенщица Грейс Джонс родилась 17 мая 1952 года на Ямайке, откуда в возрасте 12 лет переехала в Нью-Йорк. Богатые родители воспользовались своими связями, и чернокожая девушка получила блестящее образование в одном из самых престижных частных колледжей Америки. Однако барышня плюнула на перспективную карьеру менеджера и отправилась с «другом» в Париж, где приобрела репутацию одной из самых эффектных манекенщиц Франции.

Там же, во Франции, Грейс Джонс начала записывать пластинки — преимущественно в стиле диско, — здесь же завязалась ее дружба с Дэвидом Боуи и актером Роджером Муром. Пластинки пользовались успехом, карьера манекенщицы способствовала становлению имиджа, и если учесть, что дамочка все время «косила» на бисексуальность, то вполне понятно, почему журналисты присвоили ей титул «Марлен Дитрих нового поколения», а фотографии дивы не сходили с обложек самых шикарных журналов для модниц и модников.

А потом была блистательная актерская работа в «бондовском» фильме «Лицензия на убийство» (в паре с Роджером Муром) и альбом-мегаселлер «Пуленепробиваемое сердце».

Сергей Кастальский

Агата Кристи

КОЛЛАЖ АЛЕКСАНДРА АРХУТИКА

Хикори - дикори - док

Роман *

Эркюль Пуаро нахмурился.

— Мисс Лемон,— сказал он.

— Да, мсье Пуаро?

— Я обнаружил в письме три ошибки...

Мисс Лемон взяла письмо. Просмотрела его. Впервые в жизни Пуаро увидел, как она краснеет.

— О господи,— сказала она,— сама не понимаю, как это... Впрочем, причина есть. Это из-за сестры.

— Из-за сестры?

Мисс Лемон энергично кивнула головой.

— Да,— сказала она.— Полагаю, я никогда не упоминала о ней. Практически всю жизнь она прожила в Сингапуре. Ее муж занимался там каучуком.

— Ясно,— сказал Пуаро.— Продолжайте.

— Четыре года назад сестра овдовела. Детей у нее нет. Мне удалось найти для нее удобную квартиру за вполне разумную плату... Сбережения у нее, правда, не очень значительные, но, если вести себя с умом, можно устроиться вполне прилично.

* Публикуется в журнальном варианте.

Мисс Лемон сделала паузу, потом заговорила снова:

— Вся беда в одиночестве. Она очень давно покинула Англию, у нее здесь ни приятелей, ни подруг, а свободного времени сколько угодно. Словом, с полгода назад она сообщила мне, что думает стать экономкой пансионата для студентов. Хозяйка пансионата, кажется, гречанка по происхождению, как раз подыскивала человека, который мог бы вести там хозяйство. Организовать питание, ну и вообще... Это большой старый дом на Хикори-роуд, если вы представляете, где это...

Пуаро не представлял.

— К тому же она всегда с симпатией относилась к молодежи, умела с нею ладить. Да, кроме того, долго жила на Востоке и научилась деликатности в расовых и тому подобных болезненных вопросах. Дело в том, что в пансионате живут студенты разных национальностей. В основном англичане, но, как мне известно, есть и чернокожие...

— Понятно, — сказал Пуаро. — Значит, ваша сестра приступила к работе?

— Да, она переехала на Хикори-роуд, 26, примерно полгода назад. В общем, работа ей понравилась и показалась интересной.

Эркюль Пуаро пока что не находил ничего интересного в этой банальной истории.

— Но с некоторых пор она встревожена. Чрезвычайно встревожена! Понимаете, мсье Пуаро, ей не нравится то, что там происходит.

— Там живут студенты обоего пола? — осторожно осведомился Пуаро.

— О нет, мсье Пуаро, я вовсе не это имела в виду! Сложности такого рода естественны, их всегда можно ожидать... Нет, видите ли, там вдруг стали пропадать вещи...

— Полицию вызывали?

— Нет. Пока еще нет. Сестра надеется, что это не понадобится. Ей по душе молодые люди, и она предпочла бы уладить все сама. Но мне не нравится то, что там происходит. Мне ужасно не нравится это не нравится. Я не могу избавиться от мысли, что во всем происходящем нет никакой логики. Мне не удастся найти никакого разумного объяснения этим событиям, не могу даже вообразить себе, что такое объяснение существует.

Пуаро задумчиво покачал головой.

— Разве это не обычное мелкое воровство?.. Или, скажем, клептомания?

— Вряд ли, — ответила скрупулезная мисс Лемон. — Я изучила все, что говорится по этому поводу в Британской энциклопедии и в одной медицинской книге. Очень мало похожего.

Эркюль Пуаро задумался.

Стоит ли ему принимать близко к сердцу страсти и беды многоязычных обитателей пансионата?.. Только вот очень действует на нервы, выбивает из колеи то, что мисс Лемон стала ошибаться... Если уж он возьмется за это дело, то именно по этой причине.

— Мисс Лемон, удобно ли будет пригласить вашу сестру ко мне, скажем, на чай? Возможно, я сумел бы оказать ей какую-то помощь.

— Вы очень добры, мсье Пуаро. Очень!.. После обеда моя сестра обычно свободна.

Миссис Хаббард, бесспорно, походила на свою сестру мисс Лемон. Она, правда, была заметно

смуглее, полнее, ее прическа была чуть более небрежной, а манеры чуть менее резкими, но глаза на круглом добродушном лице выражали такую же твердость и решительность, как и сверкающие сквозь пенные глаза мисс Лемон.

— Знаете, вы в точности такой, каким я представляла себе вас по описанию Фелисити.

Слегка огорошенный, Пуаро тут же сообразил, что Фелисити — это, очевидно, имя его секретарши.

— Вы сумеете все детально описать и объяснить, что именно вас тревожит?

— Да, конечно... Всегда понятно, когда пропадают деньги — по мелочи, время от времени. С драгоценностями, по крайней мере, тоже объяснимо — клептомания или нечестность. Но вот я составила список пропавших вещей. Вы только послушайте!

Миссис Хаббард достала из сумочки небольшой блокнот.

— Вечерняя туфелька (одна из новой пары). Браслет (бижутерия). Кольцо с бриллиантами (нашлось в тарелке супа). Компактная пудра. Губная помада. Стетоскоп. Серьги. Зажигалка. Старые фланелевые брюки. Электролампочки. Коробка шоколада. Шелковое кашне (найденно разрезанным на куски). Рюкзак (то же самое). Порошок борной кислоты. Соль для ванны. Поваренная книга...

Эркюль Пуаро перевел дух.

— Примечательный список, — произнес он. — И какой... увлекательный!

— Возможно, для вас это имеет какой-то смысл, мсье Пуаро, но... Зачем были украдены такие совершенно несопоставимые вещи? Есть ли в этом какая-нибудь система? Какая-нибудь цель? Все это требует анализа.

Он склонился над списком. Воцарилась тишина. Когда Пуаро наконец заговорил, миссис Хаббард даже подпрыгнула на стуле.

— Вот что меня настораживает прежде всего, — сказал Пуаро. — Почти все украденные предметы стоят очень недорого, некоторые — совсем пустяк. Исключение — стетоскоп и бриллиантовое кольцо. Оставим пока стетоскоп, займемся кольцом. Вы сказали, что это ценное кольцо. Сколько примерно оно стоит?

— Видите ли, мсье Пуаро, мне трудно назвать точную цену. Там есть один солитер*, а с обеих сторон — несколько мелких бриллиантов. Это обручальное кольцо матери мисс Лейн, насколько мне известно. Когда оно исчезло, мисс Лейн очень расстроилась, и мы все вздохнули с облегчением, когда в тот же вечер мисс Хобхаус обнаружила его у себя в тарелке с супом. Мы все решили, что это неудачная шутка.

— Очень может быть. Но лично я полагаю, что его кража и возвращение имеют особое значение. Если пропадают губная помада, пудра или книжка, вряд ли вы решитесь вызвать полицию. Бриллиантовое кольцо — совсем другое дело. Тут почти наверняка полиция будет поставлена в известность. Именно поэтому кольцо и нашлось. Кто такая эта мисс Лейн, у которой оно было украдено?

— Патриция Лейн? Очень милая девушка. Как все говорят, пишет дипломную работу по исто-

* Крупный бриллиант.

рии или археологии, словом, что-то в этом роде.

— Богата?

— О нет. У нее есть кое-какие деньги, но живет она очень экономно. У нее найдется еще пара драгоценных вещей, но свой гардероб она пополняет не часто.

— Какова она из себя? Опишите ее поподробнее.

— Внешне она ни то ни се, хотя и выглядит очень приятно. Тихая, женственная, но воли и жизненной силы ей не хватает. Пожалуй, ее можно назвать серьезной молодой особой.

— А нашлось кольцо в тарелке у мисс Хобхаус. Кто она, эта мисс Хобхаус?

— Валери Хобхаус? Брюнетка, умна и довольно язвительна в разговоре. Работает в косметическом салоне «Сабрина Фэйр» — надеюсь, слышали это название.

— Какие отношения у этих девушек? Дружеские?

Миссис Хаббард немного поразмыслила.

— Пожалуй, да. Хотя у них мало общего. Патриция, я бы сказала, ладит со всеми, но ни с кем особенно не сближается. У Валери Хобхаус недруги есть, это из-за ее языка. Но зато есть и поклонники.

— Понятно, — сказал Пуаро. Итак, Патриция Лейн мила, но скучна, а Валери Хобхаус натура недюжинная. Он сделал свои пометки на описи украденного. — Больше всего меня озадачивает то, что здесь представлены предметы самых разных категорий. Губная помада, бижутерия, пудра, соль для ванны, да и шоколад — все эти мелочи могут пригодиться молодой женщине, а вот стетоскоп — его скорее мог бы украсть мужчина, чтобы продать или заложить. Кстати, кому он принадлежал?

— Мистеру Бейтсону. Это такой довольно крупный и добродушный молодой человек, студент-медик.

— Он очень сердился?

— Он был вне себя от ярости, мсье Пуаро. Он сразу закипает, но так же быстро и отходит. Во всяком случае, тому, кто утащил его вещь, спуску б не дал.

— А кому принадлежали фланелевые брюки?

— Мистеру Мак-Наббу. Брюки были довольно старые и сильно поношенные, но мистер Мак-Набб очень привязан к старой одежде и никогда ничего не выбрасывает.

— Итак, перед нами вещи, которые на первый взгляд вообще не стоит красть... Борную могли взять по ошибке. Лампочки, скажем, перегорели. Кто-то их вывинтил, а заменить забыл. Поваренную книгу могли позимствовать и не вернуть. Одна из горничных могла забрать брюки. Ну а вечерняя туфелька, одна из новой пары, кому она принадлежала?

— Салли Финч. Она американка, учится здесь по стипендии Фулбрайта.

— Может, туфелька просто запропастилась?

— Никуда она не запропастилась, мсье Пуаро. Мы перерыли все кругом. Дело в том, что мисс Финч собиралась на вечеринку и надела то, что она называет «официальной одеждой». Эта пара вечерних туфель у нее была единственная, так что обойтись без них она не могла.

— Здесь есть еще два предмета: разрезанный

на куски рюкзак и шелковый шарф, испорченный таким же образом. Вот это уже сделано не ради забавы. Кому принадлежал рюкзак?

— Рюкзаки есть почти у всех наших студентов — все они увлекаются туризмом. И почти все эти рюкзаки одинаковы: они куплены в одном месте, и едва ли их можно отличить друг от друга. Но скорее всего этот рюкзак принадлежал Леонардо Бейтсону или Колину Мак-Наббу.

— А изрезанное на куски кашне — оно кому принадлежало?

— Валери Хобхаус. Ей подарили его на рождество, оно было изумрудного цвета и очень высокого качества.

— Мисс Хобхаус... Понятно...

Пуаро закрыл глаза. Перед его внутренним взором завертелся настоящий калейдоскоп. Разрезанные на куски кашне и рюкзаки, поваренные книги, губные помады, пудреницы, имена и силуэты неизвестных ему жильцов пансионата. Никакой связи, никакого порядка. Но Пуаро прекрасно понимал, что все это должно каким-то образом сложиться в определенный узор. Возможно, даже несколько разных узоров. Возможно, при каждом встряхивании калейдоскопа будут возникать другие узоры... Но только один из этих узоров окажется истинным. Весь вопрос в том, откуда к нему подступиться...

Он открыл глаза.

— Над этим делом надо поразмыслить. Как следует поразмыслить. Пока я буду размышлять, желательно и начать действовать. С чего же начать?.. Туфелька, вечерняя туфелька... Да, с нее и начнем. Мисс Лемон! Миссис Хаббард постарается переслать вам оставшуюся туфельку. После этого отправляйтесь на Бейкер-стрит в бюро находок. Если ничего не найдется на Бейкер-стрит, обратитесь в Скотленд-Ярд и скажите, что оставили туфлю в такси.

— Но почему вы считаете... — начала было миссис Хаббард.

Пуаро прервал ее:

— Давайте сначала посмотрим, что получится. А потом, будут поиски успешными или нет, нам с вами, миссис Хаббард, придется побеседовать еще раз.

Миссис Хаббард вздохнула и стала подниматься по лестнице. Пансионат на Хикори-роуд, 26, состоял, в сущности, из двух частично соединенных домов. У них был общий первый этаж, где располагались гостиная и большая столовая, здесь же находились две гардеробные, а в задней части дома еще и небольшая канцелярия. Верхние этажи были разделены, туда вели две отдельные лестницы. Спальни девушек размещались в правой части здания, мужчины жили в левой, то есть, собственно говоря, в доме номер 24.

Миссис Хаббард, расстегивая пальто, поднялась по лестнице. Вздохнув, она направилась в комнату миссис Николетис. Постучалась и вошла. «Как видно, опять не в духе», — подумала она.

— Ага! Наконец-то вы появились! — в устах миссис Николетис эти слова прозвучали как обвинение.

Но в жилах миссис Хаббард недаром текла кровь рода Лемон, она осталась совершенно невозмутимой.

— Эта американка, Салли Финч,— она собирается съехать. Я не хочу, чтобы она уезжала. Все-таки она получает стипендию Фулбрайта, я бы хотела, чтобы и другие стипендиаты поселились у меня.

— Салли ничего мне не говорила.

— Но вы с ней потолкуете?

— Да, конечно.

— И если причина в тех цветных, индийцах и неграх,— пусть лучше они убираются, понятно? Расовые проблемы — все это очень много значит для американцев... А по мне, так американцы сами во всем виноваты... Но если дело в цветных — к черту их!

— Пока я здесь служу, этого не будет,— холодно возразила миссис Хаббард.— А кроме того, вы ошибаетесь, Салли не из таких. Она очень часто завтракает вместе с Акиомбо, а чернее, чем он, наверно, и нет на свете.

— Вы знаете их всех лучше меня. Дорогая миссис Хаббард, вы — чудесная женщина! Я часто спрашиваю себя — что бы я делала без вас?

— Гроза прошла — выглянуло солнце,— заметила миссис Хаббард.— Не волнуйтесь, я сделаю все, что в моих силах.

Бормоча про себя: «Что за сумасшедшая женщина!» — миссис Хаббард поспешила в свою комнату, но перед ней выросла высокая фигура:

— Если вы не возражаете, мне надо кое-что сказать вам...

— Я вас слушаю, Элизабет. Что-нибудь случилось?

Элизабет Джонстон приехала из Вест-Индии изучать право. Она была очень честолюбива, хотя и старалась это скрыть. Эту твердую, уверенную в себе девушку миссис Хаббард всегда считала одной из самых надежных среди жильцов.

— Да. Пожалуйста, давайте пройдем в мою комнату.

— Одну минуточку,— миссис Хаббард сняла пальто и перчатки и направилась по лестнице следом за девушкой. Та открыла дверь своей комнаты и направилась прямо к столу, стоящему у окна.

— Это мои рабочие записи,— сказала она.— Результат нескольких месяцев упорного труда. А теперь посмотрите, на что это похоже...

У миссис Хаббард перехватило дыхание. Весь стол был залит чернилами. Бумаги были пропитаны ими насквозь. Миссис Хаббард тронула их пальцем, они еще даже не высохли.

Вопрос, конечно, был глупым, но она все же задала его:

— Может быть, вы сами случайно разлили?

— Это даже не мои чернила. Мои стоят на полке у кровати. Их никто не трогал. Кто-то специально принес чернила и нарочно сделал все это.

Миссис Хаббард была ошеломлена.

— Какая мерзкая, какая жестокая проделка! А вы... Что вы сами об этом думаете?

— Чернила зеленые, как вы видите сами. Здесь, в пансионате, пользуется зелеными чернилами только Найджел Чэпмен.

— Найджел? Вы думаете, что Найджел способен на это?

— Я бы никогда на него не подумала... Нет, нет... Но все свои письма и заметки он пишет зелеными чернилами.

— Что ж, придется мне заняться расспросами. Мне очень жаль, Элизабет, что это случилось, я сделаю все возможное, чтобы докопаться до истины.

Миссис Хаббард вышла из комнаты и направилась было к лестнице, но, вспомнив о Салли Финч, двинулась в самый конец коридора и постучала в дверь ее комнаты.

И комната, и сама ее хозяйка Салли Финч, рыжеволосая жизнерадостная девушка, радовали глаз чистотой и уютом. Тут же стояла открытая коробка конфет. Девушка подняла голову и не слишком отчетливо произнесла:

— Из дому прислали сладостей. Угощайтесь!

— Спасибо, Салли, сейчас не хочется. У нас тут новые неприятности.— Миссис Хаббард описала случившееся. Реакция Салли была явно гневной и сочувственной.

— Скажу прямо, это — подлость! Никогда бы не поверила, что можно устроить такую пакость нашей Бесс. Все ее так любят. Она такая спокойная, никогда не суется в чужие дела. Это еще одна из тех странных вещей, верно? Вот почему...

— Вот почему — что? — спросила миссис Хаббард, потому что девушка внезапно замолчала. Салли медленно проговорила:

— Вот почему я хочу отсюда переехать. Разве миссис Ник не сказала вам?

— Сказала. Она очень расстроена этим. Считает, что вы скрываете от нее настоящую причину.

— Зачем мне пудрить ей мозги? Причина одна и вполне достаточная. Мне не нравится то, что здесь происходит.— Она замолчала, а потом вдруг прыгнула.— Акиомбо в панике. Ах, этот старый добрый африканец, на вид он такой независимый, цивилизованный, а сам в глубине души верит в колдунов и заклинания.

— Фу! — неодобрительно отозвалась миссис Хаббард.— Вот уж во что я никогда не поверю, так в этих призраках и вурдалаков. Все это проделки самого обыкновенного человека!

Спустившись по лестнице, миссис Хаббард направилась в гостиную для студентов на первом этаже. Здесь она увидела четверых жильцов. Валери Хобхаус расположилась на софе, пристроив свои длинные изящные ноги на поручне; Найджел Чэпмен сидел за столом, перед ним лежала открытая толстая книга; Патриция Лейн устроилась у камина. Еще одна девушка была в плаще, она, видимо, только что пришла, и, когда появилась миссис Хаббард, она как раз снимала свою шерстяную шапочку. Это была пухленькая блондиночка с широко расставленными карими глазами. Рот у нее был обычно приоткрыт, отчего она всегда казалась испуганной.

— У нас новая неприятность,— сказала миссис Хаббард.— Найджел, мне нужна ваша помощь.

— Моя? — Найджел закрыл книгу и встал. Его худое недоброе лицо внезапно осветилось грустной и удивительно нежной улыбкой.— Что от меня требуется?

— Надеюсь, ничего особенного,— ответила миссис Хаббард.— Кто-то по-хулигански залил чернилами записи Элизабет Джонстон. Чернила были зеленые. Вы один у нас пишете зелеными чернилами, Найджел.

Он усталился на нее, и улыбка медленно сошла с его лица.

— Верно, я пишу зелеными чернилами. Но вы это серьезно, ма? Насчет хулиганства?

— Я абсолютно серьезна. Это не вы сделали, Найджел?

— Нет, разумеется, нет. Я, правда, люблю подразнить людей, вы это знаете, но на такие грязные шуточки не способен. Ну-ка, где мои чернила? Я заправил авторучку вчера вечером, помню точно. Они обычно стоят здесь на полке.— Он быстро пересек комнату.— Все верно! Смотрите, там осталось едва на донышке, а вчера пузырек был почти полон.

— Мне непонятно, отчего вы подозреваете Найджела,— сердито заметила Патриция Лейн.— Только оттого, что это его чернила?..

— Правильно, дор-рогоя, береги своего мальчика,— раздраженно сказала Валери.— И все равно, это уже переходит всякие границы. Пора что-то делать.

— Кое-что уже сделано,— мрачно сообщила миссис Хаббард.

Туфелька нашлась, как и рассчитывал мсье Пуаро, на Бейкер-стрит. Он тут же позвонил миссис Хаббард, которая сообщила ему о новой неприятности. Мсье Пуаро решил посетить пансионат и познакомиться с его обитателями.

Обед начинался в семь тридцать, и большинство студентов уже сидели за столом, когда миссис Хаббард вышла из своей гостиной в сопровождении низенького пожилого человечка с подозрительно черными волосами и угрожающих размеров усами, которые он постоянно подкручивал.

— Вот некоторые из наших студентов, мсье Пуаро. А это мсье Эржюль Пуаро, который любезно согласился побеседовать с нами после обеда.

После пудинга Колин Мак-Набб достал из кармана трубку и заметил:

— А теперь, может быть, вы сообщите нам цель вашего визита?

Пуаро развел руками:

— Должен признаться,— сказал он,— что ваша добрая управительница сообщила мне о некоторых событиях, которые вызвали у нее беспокойство...

— Послушайте! — вскричал Лен Бейтсон, лицо у него было злое и напряженное.— Что здесь происходит? Это что — полицейская засада?

— А до тебя это дошло только сейчас? — сладко пропел Найджел.

Миссис Хаббард решительно вмешалась в разговор:

— Я пригласила мсье Пуаро побеседовать. Но, кроме того, вам, думаю, интересно было бы узнать его мнение о событиях, которые у нас недавно произошли. Ничего другого я придумать не могла, а делать что-то надо... Или, может быть, сообщить в полицию?

Эти слова вызвали целую бурю.

— Это стыд и позор — вызвать полицию!

Мгновенно заговорили все, кто поддерживая, кто протестуя.

Но миссис Хаббард заявила:

— Все известные мне факты я сообщила мсье Пуаро. Если у него есть вопросы, надеюсь, никто не будет возражать.

Пуаро поклонился ей:

— Благодарю вас.— Он вынул пару вечерних туфель и триумфально вручил их Салли Финч.— Это ваши туфли, мадемуазель?

— Что?.. Да... Обе?.. Где нашлась вторая?

— В бюро находок на Бейкер-стрит.

— Но почему вы решили, что она там, мсье Пуаро?

— Очень простое умозаключение. Кто-то забирает туфельку у вас из комнаты. Зачем? Не для того, чтобы носить или продать. Ясно, что в доме туфельку будут искать, значит, надо ее куда-то унести или уничтожить. Проще всего завернуть ее в бумагу, сесть в час «пик» в автобус или метро и незаметно уронить пакет под сиденье. Я сразу же так подумал и оказался прав. Тогда я понял, что нашел почву под ногами: туфлю взяли для того, говоря словами вашего поэта, «чтоб побольней дочечь и досадить».

Валери хихикнула:

— Тогда это твоя работа, Найджел, дорогуша, тут ты и влип!

— Ерунда,— сказала Салли.— Это вовсе не Найджел.

— Конечно же, нет! — гневно отозвалась Патриция.— Это полная чепуха!

— Насчет чепухи не знаю...— сказал Найджел.— Я, разумеется, ничего подобного не делал, но ведь и каждый из нас скажет то же самое...

Казалось, Пуаро только и ждал этих слов, как актер реплики партнера. Его глаза остановились на пылающем лице Лена Бейтсона, затем он испытующе оглядел остальных студентов.

— Положение у меня щекотливое. Я здесь гость. Пришел по приглашению миссис Хаббард и ничего более. Ну и, разумеется, вернуть мадемуазель Финч эту прелестную пару туфель. Что же касается всего прочего...— Он помолчал.— Мне бы не хотелось показаться бесцеремонным, поэтому выскажу свое мнение, только если этого пожелают все.

Его нетерпеливо прервала Салли Финч:

— Черт побери! — воскликнула она.— Вы просто обязаны, мсье Пуаро, высказать свое мнение.

— Лучше и не скажешь, Салли,— поддержал ее Найджел.

— Прекрасно,— сказал Пуаро.— Если вы спрашиваете, что я об этом думаю, то могу дать вам простой совет. Миссис Хаббард или лучше миссис Николетис должны немедленно сообщить в полицию. Нельзя терять ни минуты.

Таких слов явно никто не ожидал. Не последовало ни возражений, ни вопросов, наступила внезапная, угрожающая тишина.

Воспользовавшись этим замешательством, миссис Хаббард увела Пуаро к себе, он едва успел сказать на прощанье: «Всем желаю доброй ночи!..»

Миссис Хаббард, усевшись напротив гостя, после некоторого колебания произнесла:

— Боюсь, что вы правы, мсье Пуаро. Пожалуй, нам действительно пора вызвать полицию, особенно после этого мерзкого случая с чернилами. Но мне кажется, вам не стоило говорить об этом так прямо, в лоб. Я хочу сказать, что тот, кто наворил все эти глупости... Ну, в общем, он теперь будет настороже.

— Вероятно, да.

— А еще эта миссис Николетис. Понятия не имею, как она к этому отнесется. От нее можно ждать чего угодно.

В дверь громко и требовательно постучали. Стук тут же повторился, и, едва миссис Хаббард

успела сказать: «Войдите», как дверь распахнулась, и в комнату вошел Колин Мак-Набб с сердитым лицом и трубкой в зубах. Вынув трубку из рта и закрыв дверь, он сказал:

— Извините, но мне необходимо безотлагательно поговорить с мсье Пуаро. — Он решительно уселся на стул, глядя Пуаро прямо в лицо. — У вас, видимо, богатый опыт. Но и, уж простите меня, — преступление и наказание — вот чем ограничивается ваш кругозор, мсье Пуаро.

— Такая последовательность кажется мне естественной, — заметил Пуаро.

— Ваш взгляд на закон очень старомоден. В наши дни даже закон обязан учитывать новейшие, самые современные теории о причинах преступлений. Причины — вот что важнее всего, мсье Пуаро! Вы должны понять, почему это делается.

— Я согласен с вами — это важнее всего.

— Потому что причина всегда есть, и для какого-то определенного человека это может быть очень важная причина. Надо принять во внимание и психологическую подоплеку... Я очень увлекаюсь этими проблемами. Сейчас я как раз прохожу последипломную практику по психологии и психиатрии. Если вы хотите добиться исправления юных правонарушителей, вам надо попытаться понять, в чем корни их беды. В ваши дни эта идея еще не была известна, поэтому вам, разумеется, трудно с ней согласиться...

— Воровство — всегда воровство! — возразила миссис Хаббард.

Колин раздраженно нахмурился. Пуаро мягко заметил:

— Мои идеи, несомненно, старомодны, но я готов вас внимательно выслушать, мистер Мак-Набб.

Это приятно удивило Колина.

— Рад это слышать, мсье Пуаро. Мне удобнее начать с туфель, которые вы сегодня отдали Салли Финч. Если вы помните, была украдена только одна туфля.

— Это меня и поразило, — сказал Пуаро.

Колин Мак-Набб подался вперед, его лицо горело энтузиазмом.

— Вот! Вы, конечно, не поняли, какое это имеет огромное значение. А ведь это один из самых ярких и наглядных случаев! Определенно, здесь мы имеем дело с комплексом... С чувствами зависти, унижения, разочарования. В результате девушка крадет туфельку. Зачем?..

— Девушка?

— Разумеется, девушка, — укоризненно пояснил Колин. — Это же и дураку ясно. Скорей всего сама она даже не понимает, зачем это сделала. Но ее побуждения ясны. Ей хочется быть принцессой... Тут есть еще одна интересная деталь: туфелька украдена у пригожей девчонки, которая собирается на бал.

Колин давно уже вытащил трубку из рта и размахивал ею с растущим подъемом.

— А теперь перейдем к другим событиям. Сорока обычно тащит блестящие предметы. Здесь пропадают разные мелочи женского обихода. Все, что украшает женщину: пудра, помада, сережки, браслет, кольцо... Все это имеет двойное значение. Девушке важно, чтобы ее заметили.

— А стетоскоп? Что вы скажете об этом, мистер Мак-Набб? Это тоже женское украшение?

— Это имеет еще более глубокое значение.

Женщина, которая знает, что лишена привлекательности, ищет спасения в карьере.

— А поваренная книга?

— Символ домашнего очага, мужа, семьи.

— А борная кислота?

— Дорогой мсье Пуаро, — раздраженно заметил Колин, — никому не придет в голову красть борную кислоту! Зачем это нужно?

— В этом-то и вопрос!.. Но я должен признать, мистер Мак-Набб, что у вас на все находится ответ. Тогда объясните мне, пожалуйста, значение кражи старых фланелевых брюк — ваших брюк, если не ошибаюсь.

Впервые с начала разговора Колин впал в замешательство. Он вспыхнул и прокашлялся.

— Я мог бы объяснить и это, но здесь... Здесь замешаны слишком интимные вещи.

— Ах, вот как! Вы не хотите поставить меня в неловкое положение. — Пуаро внезапно наклонился вперед и похлопал молодого человека по колену. — А бумаги, залитые чернилами, или кашне, изрезанное на куски, — эти вещи вас не беспокоят?

Благодушное самодовольство Колина испарилось без следа.

— Беспокоят, — признался он. — Поверьте, очень беспокоят. Это не шутки. Ей надо лечиться, и чем скорее, тем лучше. Лечиться — вот в чем дело. Здесь нужен врач, а не полицейский. Этот маленький бесенок даже не понимает, что натворил. Сплошные комплексы! Если мне...

Пуаро прервал его:

— Значит, вы знаете, кто это сделал?

— Да, я почти уверен.

Пуаро забормотал, как бы подводя итоги:

— Не пользуется особым успехом у мужчин. Застенчива. Привязчива. Тугодум. Одинока и разочарована. И к тому же...

В дверь снова постучали. Пуаро вздрогнул. Стук повторился.

— Войдите, — сказала миссис Хаббард.

Дверь отворилась, и вошла Селия Остин.

— Я не знала, что вы здесь, — взглянула она на Колина загнанными глазами. — Я пришла...

Она глубоко вздохнула и неожиданно бросилась к миссис Хаббард.

— Не надо, пожалуйста, не надо вызывать полицию! Это я. Это я взяла эти вещи. Сама не знаю зачем. Не имею понятия. Я не хотела. Это просто... это было просто выше моих сил! — Она обернулась к Колину: — Теперь ты знаешь, чего я стою... Теперь-то ты даже словом со мной не обмолвишься. И правильно: я поступила ужасно...

— И вовсе нет! — Голос Колина звучал тепло и дружелюбно. — У тебя было просто небольшое помрачение ума, вот и все. Это у тебя что-то вроде болезни, из-за того, что тебе было трудно понять некоторые вещи. Я тебе верю, Селия. Скоро я тебя вылечу.

— Правда, Колин? Правда? — Селия смотрела на него с нескрываемым обожанием. — А я так ужасно боялась...

— А бояться больше ничего не надо. — Он взял ее за руку почти по-отечески и твердо взглянул в лицо миссис Хаббард. — Надеюсь, обойдется без глупостей, вроде приглашения полиции. Ничего ценного не пропало, а Селия вернет все, что взяла.

— Браслет и пудру я не могу вернуть, — живо

заговорила Селия.— Я бросила их в мусорную яму. Но я куплю новые.

— А стетоскоп? — спросил Пуаро.— Его вы куда дели?

Селия вспыхнула.

— Никакого стетоскопа я не брала. Для чего мне нужен этот дурацкий стетоскоп? — Ее румянец стал еще гуще.— И бумаги Элизабет забрызгала чернилами тоже не я. Я бы никогда не сделала такую... такую подлость.

— Но ведь это вы разрезали на куски кашне мисс Хобхаус, ведь так, мадемуазель?

Селия смешалась. И неуверенно произнесла: — Это совсем другое дело... Ведь Валери... Она не возражала.

— А рюкзак?

— Этого я тоже не делала. Это кто-то от злости.

Пуаро достал свою выписку из блокнота миссис Хаббард.

— Скажите, — поинтересовался он, — но только на этот раз говорите чистую правду. Что из этого сделали вы, а чего не делали?

Селия пробежала запись и не замедлила с ответом.

— Я ничего не могу сказать насчет рюкзака, электролампочек, борной кислоты и соли для ванны. С кольцом — это ошибка. Когда я поняла, что оно дорогое, я его вернула. Потому что я вовсе не хотела быть нечестной. Это просто...

— Просто что?

Глаза Селии затуманились.

— Не знаю... Правда, не знаю. У меня все в голове перемешалось.

Колин бесцеремонно вмешался в разговор.

— Я был бы очень признателен, если бы вы перестали ее пытать. Обещаю, что подобного больше не повторится. С этой минуты я беру на себя полную ответственность за нее.

— О Колин, ты так добр ко мне!

Миссис Хаббард прервала ее начальственным тоном:

— Все, хватит! Я рада, Селия, что ты пришла и во всем призналась. Ты доставила нам много хлопот и тревог, и тебе должно быть стыдно. Но решим так. Я верю, что не ты забрызгала чернилами бумаги Элизабет. Верю, что ты на такое не способна. А теперь уходите оба, ты и Колин. Я сыта по горло вашими разговорами.

Когда дверь за молодыми людьми закрылась, миссис Хаббард глубоко вздохнула.

— Да-а, — сказала она. — И что вы обо всем этом думаете?

В глазах у Эркюля Пуаро что-то сверкнуло. Он сказал:

— Что думаю? По-моему, мы были свидетелями любовной сцены... В современном духе.

Миссис Хаббард неодобрительно хмыкнула.

— О времена, о нравы, — пробормотал Пуаро.— В дни моей юности молодые люди обсуждали с девушками «Синюю птицу» Метерлинка. Все были полны высоких чувств и идеалов. А сейчас юношу и девушку сводят вместе психические неполадки и комплексы.

— Все это ерунда, — сказала миссис Хаббард.

Пуаро промолчал. Он вдруг нахмурился.

— Скажите, а не могу ли я поговорить с Патрицией Лейн? Хотелось бы посмотреть кольцо, которое было украдено.

— Ну, конечно, мсье Пуаро. Я спущусь вниз и пришло ее к вам.

Патриция Лейн не заставила себя ждать. В лице ее было любопытство. Она тут же сняла кольцо с пальца и протянула ему.

— Бриллиант довольно крупный, но сделано все старомодно. Это обручальное кольцо моей матери.

Пуаро задумчиво разглядывал девушку. Свои мышиного цвета волосы она без каких-либо ухищрений гладко зачесывала назад. Довольно выразительные голубые глаза смотрели сквозь стекла очков очень серьезно.

«О господи, где ее привлекательность? — с чувством произнес про себя Пуаро.— А одежда! Как будто специально хочет себя обезобразить!» Он был разочарован. Ровный голос Патриции Лейн, свидетельствующий о хорошем воспитании, казался ему невнятным. «Умная, образованная девушка, — думал он, — но год от года будет все нуднее и нуднее. А в старости...»

Между тем Патриция продолжала:

— Я просто потрясена тем, что случилось с Бесс... с мисс Джонстон. Тот, кто это сделал, специально взял зеленые чернила, чтобы свалить все на Найджела. Но уверяю вас, мсье Пуаро, Найджел на такое не способен.

— Ах так! — Пуаро взглянул на нее с растущим интересом. Она покраснела и слегка оживилась.

— Найджела надо понять, — убежденно проговорила она. — Знаете, у него было такое трудное детство!.. Он всегда идет наперекор всяким правилам. Никогда не снизойдет до объяснений, не станет защищаться. Даже если кое-кто сочтет, что это он устроил эту проделку с чернилами.

— Вы давно его знаете?

— Нет, всего около года. Мы познакомились в туристической поездке по Франции. Он простудился и заболел воспалением легких. Мне пришлось ухаживать за ним. Он не очень крепок и мало заботится о здоровье. Он кажется самоуверенным и независимым, а на самом деле как ребенок, нуждается в постоянной опеке.

Пуаро вздохнул. Он внезапно почувствовал, что вся эта любовь уже сидит у него в печени. Сперва эта Селия с ее преданными собачьими глазами. Теперь вот Патриция, похожая на суровую деву Марию. Естественно, без любви не обойтись, но все же, слава Богу, что для него, Пуаро, это уже позади.

Он встал.

— Мадемуазель, не одолжите ли мне ваше кольцо? Завтра же верну его вам...

— Ну, конечно, если это надо, — с некоторым удивлением ответил Патриция.

— Вы очень добры... И, пожалуйста, мадемуазель, будьте осторожнее.

— Осторожнее?... Но чего мне остерегаться?

— Ах, если бы я знал! — сказал Эркюль Пуаро.

Утром Селия вышла в столовую, когда все уже позавтракали.

— Ты задержалась, Селия, — сказала миссис Хаббард.— Из еды почти ничего не осталось, да и кофе остыл.

— Мне не хотелось встречаться с остальными.

Продолжение на стр. 22

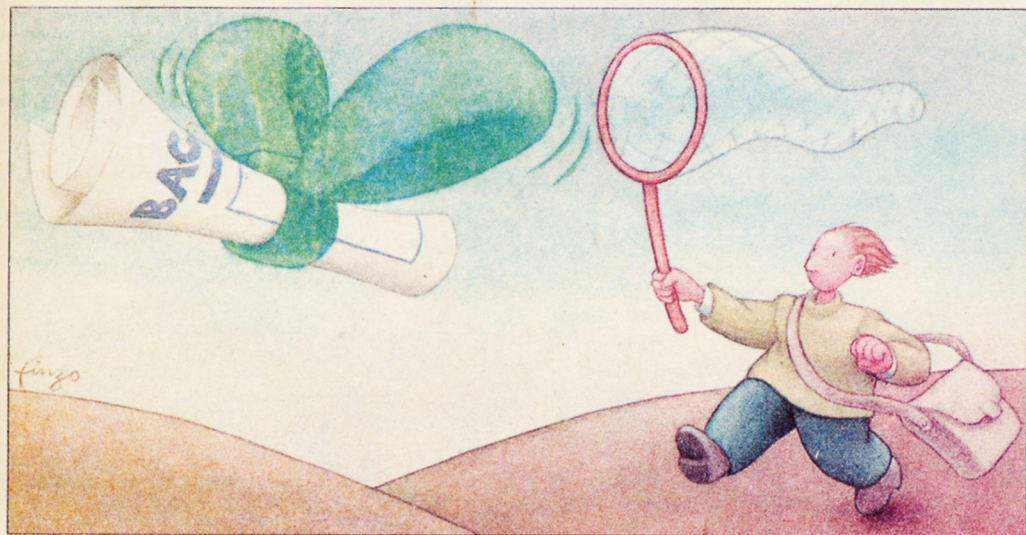
Во Франции уже несколько лет функционирует система высшего образования для заключенных. Таким образом, «оступившихся», но раскаявшихся, надеются вернуть обществу полноценными членами. Дело идет неплохо, учитывая, что в прошлом году почти семь тысяч сдали экзаменационные сессии, а 14 заключенных смогли за решеткой стать бакалаврами. Практика такого образования напрочь опровергла мысль Виктора Гюго о том, что открыть новую школу, значит, закрыть тюрьму. Одно только беспокоит преподавателей. Многие французские «эзики» не хотят ради учебы пропускать работу в мастерских, которая для многих является единственным источником карманных денег.

Нефтяной бум позволил Ливии выделить значительные средства на развитие национальной системы высшего образования. По официальным данным, с 1970 по 1989 год эта маленькая страна инвестировала в свое будущее примерно 5,4 миллиарда долларов. Принимают

в ливийские вузы без вступительных экзаменов на основе конкурсов аттестатов. До недавнего времени образование было абсолютно бесплатным. Однако начиная с 1989 года разрешено принимать студентов за их собственный счет. Для ливийцев и приравненных к ним иностранцев арабского и неарабского происхождения годовая плата составила — 500 динаров для обучения медицинским специальностям, 400 — инженерным, 300 — естественным наукам и т. д. И хотя многие ливийцы протестовали, настаивая на том, что бесплатное образование является одним из бесспорных завоеваний революции, взимание денег за обучение стало реальностью. Объясняется эта вынужденная мера сокращением валютных поступлений и последствиями экономического бойкота, которым Запад решил наказать Ливию за осуществлявшуюся, по его сведениям, поддержку террористов.

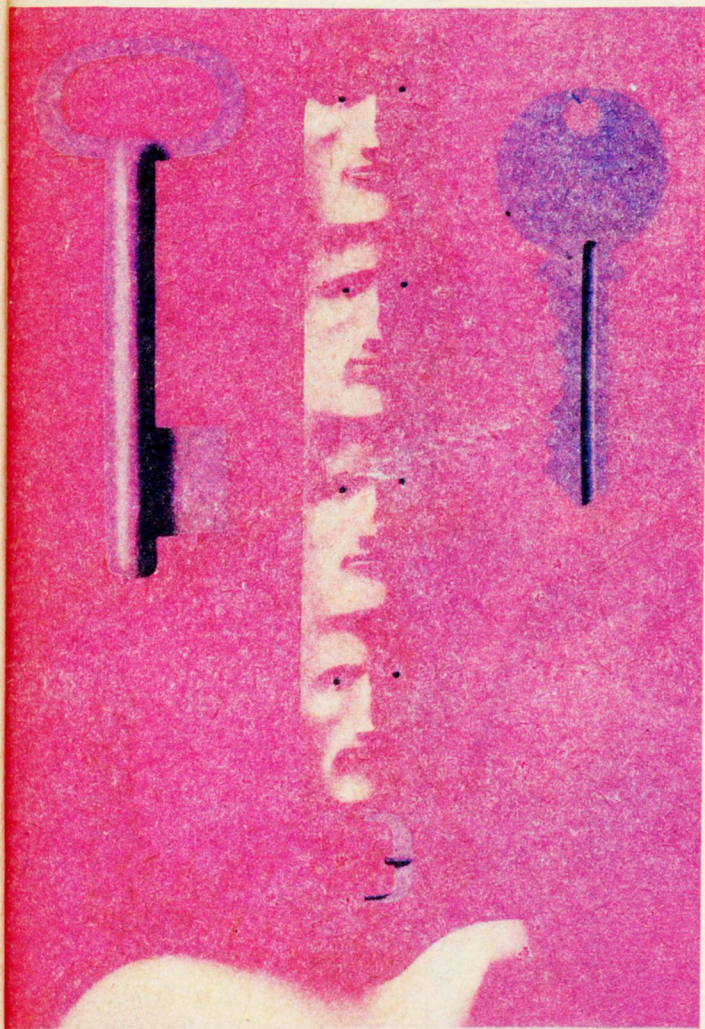
Среди многочисленных экзаменов, которые сдают абитуриенты испанских вузов, нас прежде

всего может заинтересовать испытание под названием «анализ текста». Цель этого экзамена выявить уровень логического мышления будущего студента, эрудицию и реакцию на неожиданные проблемы. Обычно предлагается проанализировать отрывок, взятый из произведения испанского или латиноамериканского писателя. Нередко абитуриенты размышляют над кусочками эссе последнего нобелевского лауреата в области литературы Октавио Паса. При анализе они начинают с краткого резюмирования содержания, затем выделяют главную идею и соотносят произведение с исторической эпохой его написания. Затем наступает время «объективного» и «субъективного» комментариев. Объективный анализ предусматривает развитие авторских идей, а субъективный — изложение личного взгляда молодого человека на все затронутые в обсуждаемом отрывке проблемы.

ГРАФИКА «РМ»

Живая линза

Человеческое лицо — это линза, увеличительное стекло, которое позволяет разглядеть ворочию нервные импульсы, реакции и переживания души. «Чужая душа — потемки» — но лицо позволяет высветить и буквально лицезреть тайны этой души.

Художник Олег Целков еще в шестидесятые годы принял за серьезную работу по изучению человеческого лица. На сво-

их полотнах он, как мыльные пузыри, надувал все новые и новые лица самых разных типов: рожи, хари, будки, морды, физиономии и ряхи. И каждый раз, кажется, удивлялся сам — чего же только не бывает на свете! Это удивление художника словно внутренним светом озаряет его полотна, а карнавал лиц напоминает нам гоголевских персонажей, ярмарку, народные праздники, гуляния...

Все эти лоснящиеся, переливающиеся, радужные физионо-

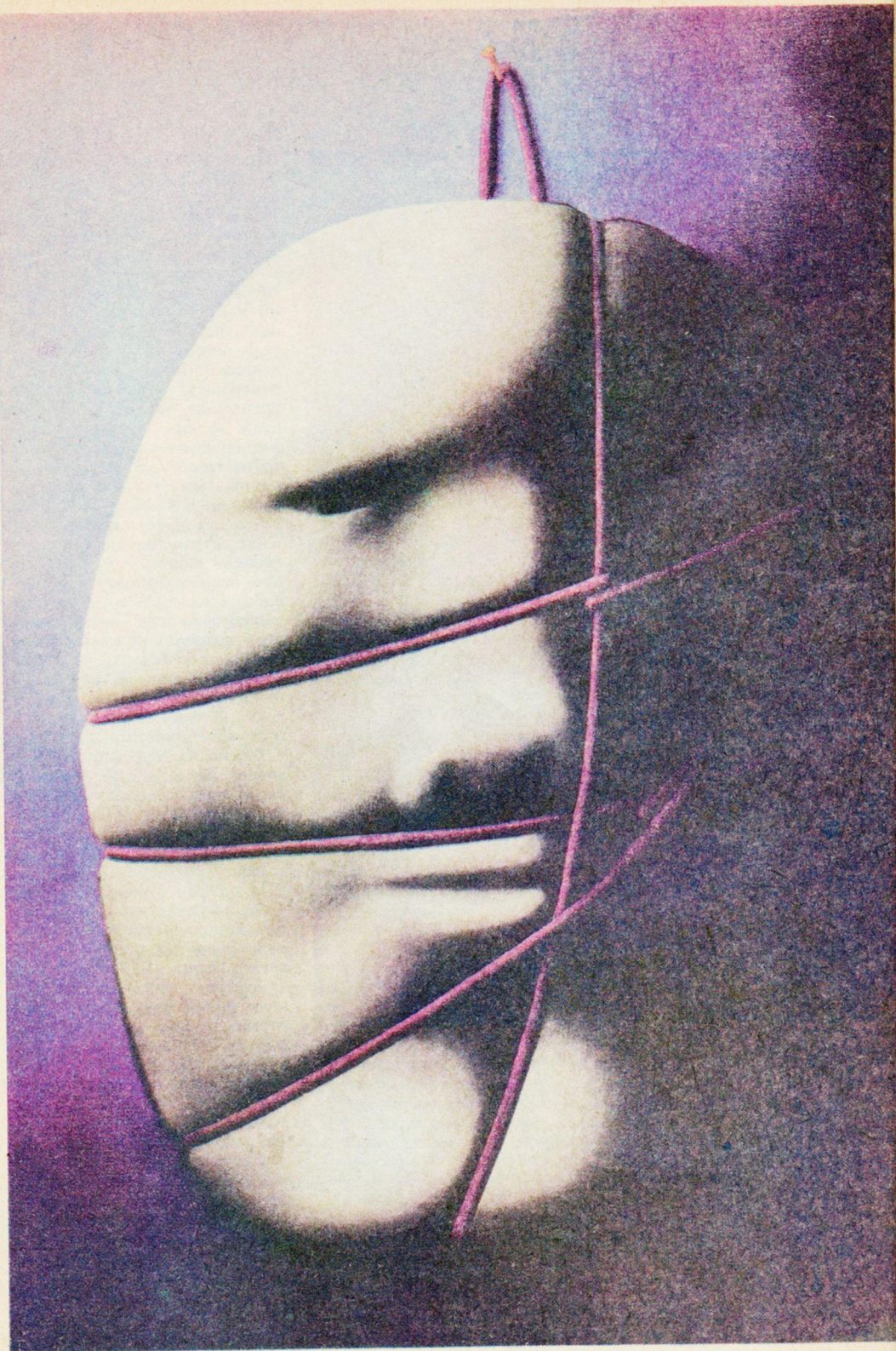
мии, все толстомясы и мордодороты — словно маски одного лица, одного персонажа — Масленицы, короля карнавала, который ездит, сидя задом наперед на осле. В прежние времена устраивали такое шутовское соревнование — битву Масленицы и Поста, так вот, на картинах Целкова мы видим триумф, победу прожорливой Масленицы. Представьте, что не понарошку, а на самом деле произошла такая битва — сил духа и сил жира — и силы жира победили, и теперь их портреты висят на всех видных местах, мы молимся материализму мяса и масла, кто больше лучше ест — тот главный!

На странные такие мысли наводят работы Олега Целкова. Его первооткрывательский, исследовательский труд по изучению лица как линзы позволяет заглянуть не столько в души, сколько в желудки людей. А может быть, для многих это одно и то же — душа и желудок? И мы видим на лице состояние живота?

Оказалось так, что эксперименты по изучению человеческого лица очень многих задели за живое. Желудочные, желудевые типы на картинах Олега Целкова показались кому-то слишком красноречивыми. А может, кто-то и узнал себя в этих слепых кишках, взявших на себя функции физиономий? В общем, художнику пришлось эмигрировать в Париж. Там, слава Богу, художественный мир Олега Целкова может рассматриваться в отрыве от лиц властей предрежащих. Открытия живописца принесли ему во французской столице славу и успех. И сейчас иногда его работы заезжают в родную страну с выставками — так что желающие могут прийти и убедиться: действительно ли Олег Целков составил портрет эпохи, живописал победителей соревнования в материализме, или дело здесь несколько глубже, дело в природе человеческой личности?

Верно ли, что лицо человека — линза его живота?

Юрий Нечипоренко

Файл Образ

Ташкент. В рамках реформы народного образования в Узбекистане появился законопроект, оговаривающий права школьников. Проект сделан на основе преамбулы ООН о правах ребенка.

В Ташкенте открывается «пансионат благородных девиц». Новое учебное заведение, официально именуемое воскресной школой для девочек, учредил институт молодежи при ЦК ЛКСМ Узбекистана. Срок обучения — 1 год, стоимость — 320 рублей. Учащимся будут преподавать этикет, привьют навыки домашней медсестры, научат рукоделию, кулинарии, моделированию одежды, аэробике.

Как заявил, выступая по телевидению, президент Узбекской ССР Каримов, сто узбекских студентов после предварительного тестирования отправятся на ознакомительную практику в США. А с нового учебного года начнут учебу в ведущих американских университетах.

В школе № 723 Первомайского района Москвы принято решение об открытии с нового учебного года специального военного класса. В нем может учиться каждый желающий старшеклассник. По мнению администрации, выпускники этого класса будут полностью готовы не только к службе в рядах СА, но и к поступлению в любую военную академию.

Как известно, с кем поведешься, от того и наберешься. Год проработав в наших условиях, ресторан «Макдональдс» слегка «осоветизировался» и решил взять шефство над школой № 1017 Солнцевского района Москвы. Непосредственным толчком к такому решению явилось сообщение о том, что эта школа из-за крайне бедственного состояния бастовала целых четыре дня. «Макдональдс» выделил школе немалую сумму, правда, в рублях.

Файл Общ

Навои (Узбекистан). Здесь впервые в республике создается социальная служба молодежи при горисполкоме. Как сообщает наш корреспондент, первыми начнут функционировать пресс-центр и служба содействия молодежным предприятиям. В перспективе намечено создание открытого университета с двухгодичным обучением, центра труда. Основная цель новой службы — подготовка рабочих кадров для предприятий города.

Файл Милос

Ленинград. Для 500 наиболее нуждающихся пенсионеров, проживающих на Васильевском острове, в выставочном комплексе Ленинградской гавани открыта благотворительная столовая. Помочь ветеранам войны и труда, сумевшим пережить блокаду, решили жители Гамбурга. Для работы в этой столовой приехали два немецких повара.

Файл Ифакт

Житель Ташкента Игорь Павлов открыл первый в республике частный музей самоваров. Набор экспонатов довольно разнообразный: от самовара емкостью в один стакан до самовара емкостью в несколько ведер. Любопытно, что доступ в музей бесплатный.

Файл Экол

250 предприятий Узбекистана были вынуждены временно приостановить свою деятельность под нажимом Госкомприроды УзССР. В «лидеры» по загрязнению водных ресурсов вышли ассоциация «Агрохим» и объединение «Электрохимпром». Наложены штрафы на 246 должностных лиц на общую сумму 14 870 рублей.

Стипендия имени Валентина Пикуля

Фонд В. С. Пикуля, журнал «Студенческий меридиан» объявляют об учреждении стипендии имени Валентина Пикуля.

Стипендии присуждаются студентам, аспирантам, представителям творческой молодежи как поощрение их исследовательской и творческой работы.

Размер стипендии для студентов и творческой молодежи (в возрасте до 25 лет) — 400 рублей ежемесячно; для аспирантов — 700 рублей в месяц.

Претендентов на получение стипендии приглашаем участвовать в творческом конкурсе по темам:

— «белые пятна» отечественной истории (для студентов и аспирантов, обучающихся по специальности «история»);

— литературно-критическое сочинение (курсовая, диплом, диссертация, посвященные творчеству В. С. Пикуля);

— повесть на военно-патристическую тему.

Учреждается пять стипендий (две студенческие, две аспирантские и одна — для молодого писателя).

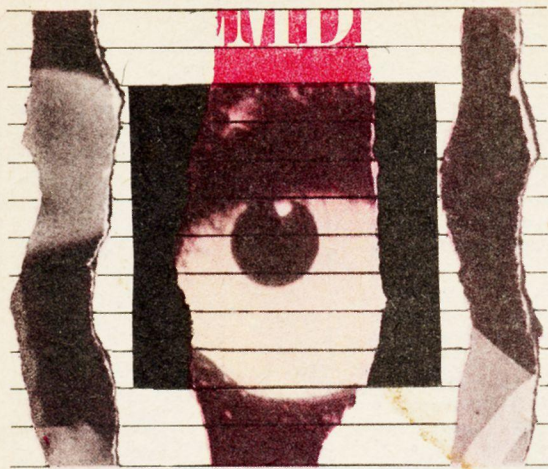
Стипендия выплачивается в течение календарного года (с января по декабрь 1992 г.). Решение о продлении стипендии будет приниматься при присуждении следующих стипендий в ноябре 1992 года.

Участвовать в конкурсе на получение стипендии Валентина Пикуля может каждый студент, аспирант.

В срок с 1 сентября по 1 декабря вы должны представить заявку-разработку на тему вашего исследования объемом до 3 машинописных страниц (два экземпляра).

Для молодых авторов требуется предоставить заявку или черновик рукописи.

Заявку посылать по адресу: 125015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, «Студенческий меридиан», на конкурс «Стипендия имени В. Пикуля».

Агата Кристи

Хикори-дикори-док

Продолжение. Начало на стр. 10

— Догадываюсь. Но все равно когда-то придется.

— Да, конечно, я знаю. Но я думала... вечером... тогда будет проще... И, конечно, я не останусь здесь, уеду в конце недели.

— Не думаю, что это обязательно. — Миссис Хаббард нахмурилась. — Тебе будет неловко... Но так и должно быть... Все наши жильцы — люди разумные, понимающие. Но, разумеется, надо возместить убытки, насколько это возможно...

— Да, конечно. — Селия оживленно прервала ее. — Я как раз хотела сказать вам об этом. — Она опустила глаза. В руках она держала чековую книжку и конверт. — Я хотела написать вам на тот случай, если бы не застала вас здесь, что очень сожалею о случившемся, и вложить в конверт чек, чтобы вы рассчитались со всеми. Но в моей ручке окончились чернила.

— Надо составить список.

— У меня есть... Все, что я вспомнила. Только, пожалуйста, возьмите чек сейчас. Мне будет легче.

— Ладно, — сказала миссис Хаббард, пробега глазами список.

Селия живо откликнулась:

— Я выпишу чек хотя бы приблизительно, а вы потом узнаете, точно у всех, сколько надо, и мы с вами окончательно рассчитаемся. Ах да, моя ручка... — Она подошла к полке, где в беспорядке валялись различные мелочи, принадлежащие студентам. — Не вижу других чернил, кроме этих ужасных зеленых, которыми пишет Найджел. Ну что ж, придется набрать эти. Найджел не будет против. Только не забыть бы купить новые по дороге...

Она заправила авторучку, вернулась к столу и выписала чек. Отдав его миссис Хаббард, взглянула на часы.

— Я опаздываю. Боюсь, что не успею позавтракать.

— И все-таки съешь что-нибудь, Селия, хотя бы кусок хлеба с маслом. Очень вредно работать на голодный желудок...

К шести часам вечера миссис Хаббард вновь обрела свою обычную энергию. Перед обедом, когда все собрались, она объяснила, что Селия поручила ей уладить дело миром. Реакция, по ее мнению, была вполне благоприятной.

Лен Бейтсон сказал:

— Я подожду Селию в холле и приведу на обед. Пусть она знает, что все улажено.

— Это очень мило с твоей стороны, Лен.

— Все о'кей, ма!

Уже разливали суп, когда из холла донесся громкий голос Лена:

— Пошли, Селия. Все друзья собрались.

Найджел язвительно буркнул себе в тарелку:

— Ни дня без доброго поступка... — Но тут же помахал рукой Селии, которую Лен, обхватив своей мощной рукой за плечи, ввел в столовую. Разгорелся общий оживленный разговор, причем то один, то другой обращались к Селии как ни в чем не бывало.

Но вскоре эта манифестация доброжелательности сменялась неловким молчанием. И тогда Акибомбо, обратив к Селии свое сияющее лицо и перегнувшись через стол, сказал:

— Мне хорошо объяснили все, что я не мог понять. Ты очень ловко воровала вещи. Должно быть, ты не мог понять. Очень ловко!

— Акибомбо, ты меня убил, — поперхнувшись, выговорила Салли Финч и, не в силах справиться с приступом смеха, выскочила в холл. Это было встречено общим хохотом, разрядившим атмосферу.

Колин Мак-Набб опоздал к обеду. Он казался еще сдержаннее и неразговорчивее, чем обычно. Перед самым концом обеда он вдруг встал и в явном замешательстве проговорил:

— Мне еще надо сходить кое-с кем поговорить. Но сначала хочу вам всем сообщить... Селия и я — мы собираемся пожениться в будущем году, когда я закончу учебу.

Готовый от смущения провалиться сквозь землю, он принимал поздравления и одобрительные выкрики друзей и наконец сбежал, не произнеся больше ни слова. Селия сидела розовая и спокойная.

— Поздравляю, Селия, — сказала Патриция. — Надеюсь, вы будете счастливы.

— Я всегда считал, что это лучше, чем свободная любовь, верно? — сказал Найджел. — Лучшее для детей. Их метрики выглядят достойнее.

На этом обед закончился, все встали и перешли в гостиную. Тут возникло небольшое замешательство: каждый стремился налить Селии чашку кофе. Включили радио, кое-кто отправился по делам или на свидание, и в конце концов обитатели дома по Хикори-роуд разошлись по своим постелям.

Это был, как решила миссис Хаббард, укладываемый под одеяло, долгий и изнурительный день. «Слава Богу, — подумала она, — наконец-то все позади...»

Мисс Лемон почти никогда не опаздывала. Туман, буря, эпидемия гриппа, автокатастрофа — ничто не могло задержать эту выдающуюся жен-

шину. Но в это утро она, тяжело дыша, влетела в комнату через пять минут после того, как часы пробили десять.

— Простите, мсье Пуаро, мне ужасно стыдно за опоздание. Но когда я выходила из дома, позвонила сестра.

— Вот как! Надеюсь, она в добром духе и здравии?

— Скорее всего нет...— Пуаро поднял глаза.— Вернее, она просто в отчаянии... Одна из студенток покончила с собой...— Пуаро продолжал смотреть на нее, бормоча что-то непонятное.— Простите, что вы сказали, мсье Пуаро?

— Как звали студентку?

— Селия Остин.

— Ка-ак?

— Кажется, она приняла морфий.

— Несчастный случай?

— О нет, она оставила записку: «Дорогая мисс Хаббард, мне очень жаль, но это лучший выход из положения».

Пуаро заговорил вполголоса:

— Это совсем не то, чего я ждал, нет, совсем не то... Но все-таки что-то должно было случиться.

На Хикори-роуд он миновал слугу Джеронимо и двинулся вниз по лестнице, но затем, по примеру заговорщика из итальянских книг, резко повернул обратно и на цыпочках подкрался к дверям. Он успел как раз вовремя, чтобы услышать слова Джеронимо:

— Джентльмен, который был на ужине позавчера, джентльмен с усами, он ждал внизу...

— А? Что? — растерянно спросила миссис Хаббард. — А-а.. Спасибо, Джеронимо. Я скоро спущусь.

— Джентльмен с усами — ишь ты! — ухмыльнулся Шарп. — Держу пари, что и я его знаю...

Быстрые шаги по лестнице застали его стоящим на коленях и заглядывающим под нижнюю полку у камина.

— Здравствуйте, мсье Пуаро, — сказал вошедший в гостиную. — Давненько мы не встречались.

— Правда? — Пуаро без видимого смущения поднялся. — Хотя погодите... Да ведь это же инспектор Шарп, не правда ли? Но ведь вы же в другом округе? — сказал он, разглядывая крупного добродушного на вид человека из тех, кто мягко стелет, да жестко спят.

— Переведен сюда два года назад. Помните тот случай в Крайс Хилл?

— Ну конечно. Ох, как давно это было! А вы все еще так молоды, инспектор.

— Желательно узнать, почему вы пришли сюда позавчера вечером?

— Объяснение очень простое, — улыбнулся Пуаро. — Миссис Хаббард — сестра моей секретарши, мисс Лемон. Так что когда она попросила меня...

— Выяснить, что здесь происходит, вы согласились, верно?

— Вы совершенно правы.

— И все-таки, — задумчиво произнес Шарп, — я ничего не могу понять. На кой черт ей травиться?

— Ответ может быть только один: это не самоубийство.

Дверь распахнулась, и в комнату вошла миссис Хаббард.

— Я вспомнила! — в волнении произнесла она. — Доброе утро, мсье Пуаро. Я вспомнила, инспектор Шарп. Меня вдруг осенило, почему эта записка насчет самоубийства так меня смущает. Дело в том, что она написана обычными синими чернилами. А у Селии в авторучке были зеленые — вот эти! — Миссис Хаббард глазами показала на полку. — Она направляла ее вчера утром.

Инспектор Шарп тут же выскочил из комнаты. Обратно в гостиную вернулся уже совсем другой инспектор Шарп.

— Все верно, — сказал он. — Я проверил. В комнате нашлась только одна авторучка, и в ней чернила зеленые. — Он протянул Пуаро небольшой клочок бумаги, на котором был написан уже известный ему текст.

— Я почти уверена, — закончила она, — что этот клочок бумаги оторван от письма, которое она написала мне вчера... и которого я так и не получила. А кто-то его нашел... и открыл... Кто-то...

Инспектор остановился.

— Вы понимаете, что это значит? — наконец заговорил он снова. — Мне сразу не понравилась эта записка. У нее в комнате лежит целая пачка писчей бумаги, было бы естественно именно на чистом листе написать свое прощальное письмо... А это значит, что тот, кто прочел письмо, сообразил, как можно использовать отрывок из него, создав видимость самоубийства. Все это означает... — раздельно произнес инспектор.

— Убийство, — заключил Эрколь Пуаро.

В больнице святой Катерины инспектор Шарп выяснил, что баночка с морфием, найденная рядом с постелью Селии, взята именно оттуда. Селия работала там более года.

Народу заходит туда немало, от лаборантов до докторов и студентов. Иногда — чтобы заменить лекарство, которое больной плохо переносит, иногда — просто поболтать с девушками, расслабиться. При желании любой из них мог стащить лекарства.

Из студентов, связанных с Хикори-роуд, там бывают Лен Бейтсон и Колин Мак-Набб, а из девушек — Патриция Лейн и Джин Томлинсон.

Убедившись в безнадежности найти в больнице какие-то нити к преступлению, инспектор Шарп вернулся на Хикори-роуд. Его мучила высказанная Пуаро догадка, что кто-то мог натолкнуть Селию Остин на трюк с клептоманией.

— Это всего лишь смутная догадка. — Пуаро сделал неопределенный жест. — Мне кажется очень сомнительным, что у нее хватило ума самой придумать такую штуку.

— Тогда кто это придумал? — спросил инспектор.

— На мой взгляд, только трое на это способны. Леонард Бейтсон... У него достаточно знаний, и ему было известно об интересе Колина Мак-Набба к «чокнутым». Он мог ради шутки предложить что-то в этом роде Селии, а потом руководить ее действиями. Однако маловероятно, чтобы у него хватило терпения заниматься этим так долго... Найджел Чэпмен... Склад ума язвительный, даже злобный. Он способен придумать такую забаву, а принципов морали он, судя по всему, не признает. Ну и третий человек, которого я имею

в виду, это молодая женщина по имени Валери Хобхаус. Умна, современна по внешности и воспитанию, вполне могла прочесть какие-то учебники по психологии и оценить возможную реакцию Колина. Если ей нравилась Селия, она могла решить, что вполне допустимо оставить Колина в дураках.

— Леонард Бейтсон, Найджел Чэпмен, Валери Хобхаус, — повторил Шарп, записывая имена. — Спасибо за подсказку, я учту это при допросе... Итак, это все, чем вы можете мне помочь, мсье Пуаро? — спросил Шарп, поднимаясь со стула и захлопывая свой блокнот.

— Увы, да. Но я лично буду этим делом интересоваться... То есть, конечно, если вы не возражаете, мой друг.

— И не подумаю. С чего бы мне возражать?

— Своим собственным, любительским методом постараюсь сделать все возможное. Впрочем, метод у меня, пожалуй, пока только один.

— И какой же?

Пуаро вздохнул.

— Беседы, мой друг. Беседы и еще раз беседы! Все убийцы, которых я когда-либо встречал, обожали поболтать. По моему мнению, очень замкнутые люди редко совершают преступления. А уж если совершают, то очень простые, жестокие

и совершенно откровенные. А вот наш искусный хитроумный убийца — он так доволен собой, что рано или поздно сболтнет что-нибудь лишнее и сам себя выдаст. Больше беседуйте с этими людьми, мон шер.

И оба они улыбнулись в знак согласия и взаимного уважения.

Инспектор Шарп откинулся на спинку кресла и вытер лоб платком. Он уже допросил возмущенную и слезливую француженку, надменного и неразговорчивого молодого француза, флегматичного голландца, агрессивно болтливого египтянина. Он обменялся несколькими короткими фразами с двумя студентами из Турции, которые вообще плохо понимали, о чем идет речь. Никто из них, в этом он был абсолютно уверен, не имел ничего общего со смертью Селии Остин и не мог ему ничем помочь. Он отпускал их одного за другим, наскоро извиняясь за беспокойство...

Найджел Чэпмен явно попытался взять разговор в собственные руки.

— Абсолютно необычное дело, верно? — заговорил он. — На мой взгляд, вы бы погнались не за тем зайцем, если бы настаивали на версии самоубийства. И подчеркиваю: это обнаружилос

благодаря тому, что она наполнила авторучку моими зелеными чернилами. Вот уж чего убийца никак не мог предвидеть! Надеюсь, вы должным образом обдумаете, каким может быть мотив этого преступления?..

— Вопросы задаю я, мистер Чэпмен,— сухо напомнил Шарп. Он подозревал, что под внешним нахальством Найджела прячется обычная боязнь допроса по делу об убийстве.— Вы хорошо знали Селию Остин? — спросил Шарп.

— А вот это трудный вопрос. Я сталкивался с ней практически каждый день, и отношения у нас были хорошие, но фактически я не знал ее совсем. Разумеется, она меня мало интересовала, да и она, по-моему, не слишком пылала симпатией ко мне.

— Когда вы в последний раз видели Селию Остин?

— Вчера за обедом. Мы все протянули ей руку помощи, как вы знаете. Колин что-то долго мямлил и бормотал и в конце концов сконфуженно выдал из себя, что они собираются пожениться. Ну, мы немного пошутели по этому поводу, посмеялись и потом разошлись.

— Это было в столовой или в гостиной?

— Нет, в столовой. После, когда мы перешли в гостиную, Колин куда-то ушел.

— А все остальные пили кофе в гостиной. Это не вы лично угостили ее чашкой кофе, к примеру?

— Как ужасно многозначительно звучит этот вопрос! Когда вы это сказали, знаете, я почти поверил, что именно я дал чашку кофе Селии, подсыпав туда стрихнину или чего там еще... Просто какой-то сеанс гипноза... Но если говорить серьезно, мистер Шарп, я даже не видел, пила она кофе или нет, и хотите — верьте, хотите — нет, но я никогда не пылал к Селии страстной любовью, и поэтому известие о ее помолвке с Колином Мак-Наббом не возбудило во мне мстительных чувств.

— Ничего подобного у меня и в мыслях не было, мистер Чэпмен,— сдержанно возразил Шарп.— Думаю, не ошибусь, если скажу, что любовь здесь совершенно ни при чем, просто кому-то надо было убрать Селию Остин с дороги. Зачем?

— Даже представить себе не могу, инспектор. Это настоящая загадка. Если хотите, Селия была самой безвредной из всех девушек, которых я знал.

— Вас удивило, когда обнаружилось, что именно Селия замешана во всех тех кражах, пропажах и прочих событиях в пансионате?

— Дорогой вы мой, да это меня просто ошеломило!.. Не слишком-то похоже на нее — так я подумал...

— Надеюсь, не вы недоумили ее проделать все это?

Удивление Найджела выглядело вполне естественным.

— Я? Надоумил ее?.. Да зачем?

— Такие шутки не в вашем вкусе?

— Мне бы и в голову не пришло поразвлекаться таким образом. А скажите, инспектор, эти кражи в самом деле связаны с психикой?

— Вы определенно считаете Селию Остин клептоманкой?

— Не нахожу никакого другого объяснения, инспектор.

— Ну что ж, возможно, вам известно о клептомании больше, чем мне, мистер Чэпмен. Не считаете ли вы возможным, чтобы кто-то подговорил мисс Остин проделать все это ради того, чтобы, ну, скажем, пробудить интерес к ней мистера Мак-Набба?

В глазах Найджела зажегся огонек недоброй радости.

— А знаете, инспектор, это очень забавное объяснение,— сказал он.— И если подумать, очень похожее на правду. Конечно же, Колин должен был проглотить эту наживку вместе с леской, крючком и грузилом...— Все больше веселясь, Найджел еще немного посмаковал эту идею, потом вдруг печально покачал головой.— Но Селия вряд ли так поступила бы. Она была девушка серьезная. Она бы не стала подшучивать над Колином. Она была по-настоящему влюблена в него.

— А как вы сами, мистер Чэпмен, объясняете то, что происходило в этом доме? Ну, например, кто залил чернилами бумаги мисс Джонстон?

— Если вы, инспектор, полагаете, что это моих рук дело, то глубоко ошибаетесь. Конечно, из-за этих зеленых чернил можно подумать, что это я. Но если вы спросите меня, то я вам скажу, что это просто свинство.

— В чем это свинство заключалось?

— В том, что взяли мои чернила. Кто-то специально взял мои чернила, чтобы бросить тень на меня. Самое настоящее свинство, инспектор. Его у нас полно.

Пристально взглядываясь в Чэпмена, инспектор спросил:

— А эти слова как прикажете понимать? Почему у вас полно свинства?

Но Найджел тут же потерял охоту разговаривать, будто спрятался в укрытие.

— Ничего определенного не могу сказать. Просто, когда столько народу живет вместе, всегда случаются какие-то недоразумения...

Следующим в списке инспектора Шарпа шел Леонард Бейтсон. Лен чувствовал себя еще более скованно, чем Найджел, хотя и старался этого не показывать. Он держался подозрительно и враждебно.

— Имейте в виду,— выкрикнул он, едва дотерпев, пока закончатся необходимые формальности.— Это я налил Селии кофе и дал ей чашку. Ну и что из этого?

— Вы дали ей кофе после обеда — вы хотите сказать?

— Да! Если уж быть точным, то я налил кофе из кофейника в чашку и поставил рядом с ней. И, хотите — верьте, хотите — нет, никакого морфия в кофе не было.

— Вы видели, как она пила кофе?

— Нет, что она пила, не видел. Я сразу после этого вступил с кем-то в разговор. Когда она пила, вокруг нее толпились другие.

— Понятно. Значит, вы считаете, что любой мог подсыпать морфия в ее чашку?

— Попробуйте-ка подсыпать что-нибудь в чужую чашку! Сразу все заметят! Да она сама приняла яд. Только сама! Других объяснений нет!

— Да, так можно было бы подумать, если бы не поддельная записка.

— Поддельная? Черта с два! Разве не она сама ее написала?

— Она написала это в своем письме рано утром.

— Ну так, значит, она сама оторвала этот клочок от письма и оставила вместо прощальной записки.

— Ну что вы, мистер Бейтсон. Если человек хочет написать предсмертную записку, он ее пишет. Он не станет отыскивать старое письмо и аккуратно отрывать от него какие-то строчки. Вы поверили, когда она призналась, что все эти кражи, которые вызывали столько тревог, ее рук дело?

— Конечно, поверил, раз она сама призналась в этом. Но, честно говоря, меня это удивило.

— Вы считаете, что это не похоже на нее?

— Вот именно! Она совсем не походила на человека, страдающего kleptomанией, — сказал он. — Да и на мелкого воришку тоже.

— А вы не находите, что у нее могли быть еще какие-то причины так себя вести? Ну, скажем, чтоб привлечь внимание мистера Мак-Набба.

— Да ну, это уже из другой оперы.

— Но ведь ей это удалось.

— Верно, удалось. Старина Колин сам немного свихнулся на этих психических отклонениях.

— Вот видите! А Селия Остин это знала...

Лен покачал головой.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь. Она была не способна такое придумать. Я имею в виду — такой план. Ей бы не хватило знаний.

— Зато вам, например, хватает знаний, верно?

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что из самых добрых побуждений вы могли ее на это надумать.

Лен даже рассмеялся.

Валери Хобхаус была сдержанна, элегантна и осторожна. Она проявляла гораздо меньше нервозности, чем мужчины. Селия, по ее словам, нравилась ей. Правда, покойница не отличалась умом, а в ее отношении к Колину Мак-Наббу проглядывала излишняя экзальтация.

— Как вы полагаете, мисс Хобхаус, она страдала kleptomанией?

— Думаю, да. Правда, я не очень в этом разбираюсь.

— А не мог ли, по-вашему, кто-нибудь подучить ее делать кражи?

Валери пожала плечами.

— Вы имеете в виду, чтоб завлечь этого надутого ослика Колина?

— Вы быстро схватываете суть, мисс Хобхаус. Да, именно это я имею в виду. Надеюсь, не вы ей подсказали?

Валери заметно удивилась.

— Да нет, уважаемый инспектор, это исключается. Особенно если учесть, что у меня изрезали на куски любимое кашне. Я не такая альтруистка...

— Что вы думаете о смерти Селии Остин? В чем ее причины?

Валери покачала головой, лицо ее стало серьезным.

— Не знаю, — ответила она. — Это ужасно! Не знаю никого, кто мог бы желать смерти Селии. Милая, совершенно безвредная девочка, только что собралась замуж, и вдруг...

— Да-да. И вдруг?... — подбодрил ее инспектор.

— Боюсь, что никаких причин нет, — медленно проговорила Валери. — Она была помолвлена. Она была счастлива... А это значит, мне кажется... безумие.

Она слегка вздрогнула, произнесла последнее

слово. Инспектор задумчиво посмотрел на нее.

— Да, — заметил он. — Мы не можем исключать и безумие. — После паузы он продолжал: — Есть у вас какое-нибудь объяснение тому, что кто-то залил чернилами бумаги Элизабет Джонстон?

— Нет. Мерзость, конечно. Я ни на секунду не подумала, что это могла сделать Селия.

— И никаких подозрений?

— Ну... Нет, основательных подозрений.

— А неосновательных?

— Неужели вас интересуют даже пустые домыслы, инспектор?

— Я очень люблю слушать пустые домыслы. Если, конечно, их не выдают за факты. Кстати, все это останется между нами.

— Ну ладно... Я могу и ошибаться, но у меня есть кое-какие подозрения относительно Патриции Лейн... Видите ли, Патриция Лейн не любит Черную Бесс. Черная Бесс частенько щелкает по носу ее обожаемого Найджела, ставит его на место, когда тот высказывает со своими дурацкими заявлениями. Но, с другой стороны, это мог сделать и тот, кто имел зуб на Найджела Чэпмена и хотел, чтобы подозрение пало на него...

— Спасибо, мисс Хобхаус. Пригласите сюда, пожалуйста, мисс Лейн.

Патриция Лейн казалась взволнованной, но особого страха не обнаружила. Обмен вопросами и ответами не принес ничего нового. Что касается бумаг Элизабет Джонстон, то Патриция заявила без обиняков, что, по ее мнению, и в этом виновата Селия.

— Но она отрицала это, мисс Лейн, и очень горячо.

— Вы, наверное, считаете, — вспыхнула Патриция, — что Найджел испортил бумаги Бесс. Из-за чернил... Так вот, это абсолютная чепуха. Если бы Найджел даже сделал это, он не взял бы свои чернила. Он не такой дурак... Короче говоря, это сделал не он. Я первая соглашусь, что ведет он себя вызывающе. И настраивает людей против себя. Он груб, любит связывать и посмеяться над людьми. Это раздражает, и они думают о нем плохо. Но в действительности он из тех застенчивых, даже несчастных людей, которые хотели бы со всеми жить в ладу, но дух противоречия заставляет их говорить и делать совсем не то, что они хотят.

Патриция Лейн умоляла. Инспектор Шарп задумчиво смотрел на нее. Сколько таких Патриций уже встречалось ему в жизни! «Влюблена по уши, — думал он. — Парень-то, видно, и в грош ее не ставит, но не возражает против ее материнской опеки». Он прикинул, мог ли Найджел увлечься Селией Остин. Вряд ли, конечно, но всякое случается. «Если так, — подумал он, — то Патриция Лейн была бы оскорблена до глубины души...» Достаточно ли оскорблена, чтобы желать Селии зла? Достаточно ли оскорблена, чтобы убить? Пожалуй, нет... Да и потом, помолвка Селии с Колином Мак-Наббом исключала это мотив для убийства.

Он отпустил Патрицию Лейн и пригласил Джин Томлинсон.

Мисс Томлинсон была суровая на вид молодая женщина двадцати семи лет, со светлыми волосами и правильными чертами лица.

— Итак, инспектор, чем я могу быть вам полезна?

— Право, не знаю, мисс Томлинсон, чем вы можете мне помочь. Мы совершенно уверены, что отравилась она не сама, — сказал Шарп. — Вы никогда не видели этот морфий где-нибудь в пансионате или у кого-нибудь в комнате?

— Видите ли, мне кое-что вспомнилось... У нас тут, знаете ли, было заключено одно дурацкое пари... Об убийстве и о том, как его можно совершить. В том числе говорили и об отравлении.

— Кто участвовал в этом споре?

— Ну, мне помнится, начали Колин и Найджел, а потом вылезал Лен Бейтсон и, кажется, Патриция... Все началось с того, что они заспорили об отравлении. Шла речь о том, что самое трудное — это достать яд и что убийца обычно оставляет след, когда покупает яд или достает его каким-то другим путем. И тогда Найджел сказал, что это тоже не обязательно. Он сказал, что знает три различных способа, как достать яд, чтобы никто об этом даже не догадался. Лен Бейтсон тогда заявил, что он порет настоящую чушь. Найджел в ответ заявил, что готов доказать на деле. Патриция тут же сказала, что Найджел прав. Она еще сказала, что и Лен, и Колин могут взять яд всегда, когда захотят, у себя в больнице, так же как и Селия, добавила она. Но Найджел возразил, что, если бы Селия что-то взяла у себя в аптеке, это было бы заметно. Рано или поздно пропажу обнаружат. А Пат сказала, что не обнаружили бы, если яд высыпать из бутылочки, а туда насыпать что-нибудь другое. Селия рассмеялась и сказала, что в этом случае стали бы поступать жалобы от пациентов. Но Найджел заявил, что он имел в виду не профессиональные возможности. Что, не имея доступа к ядам, как врач или аптекарь, он может свободно раздобыть три различных яда тремя различными способами. Лен Бейтсон спросил: «И какие же это способы?» Но Найджел ответил, что этого не скажет, но готов держать пари, что в течение трех недель представит им смертельные дозы трех различных ядов. На это Лен заявил, что ставит пять фунтов и уверен, что выиграет пари.

— Ну и что же? — спросил инспектор Шарп, когда Джин умолкла.

— Ну, прошло какое-то время, и однажды вечером в гостиной Найджел сказал: «Ну что, ребята, глядите — я слов на ветер не бросаю!» И выложил на стол упаковку таблеток гиокосина, флакон настойки дигиталиса и маленькую бутылочку морфия в порошок для внутреннего употребления...

— Морфий в порошке... — резко прервал ее инспектор. — А этикетка на бутылке была?

— Да, морфий был из больницы святой Катерины. Я сразу обратила на это внимание. Ну конечно, все зашумели, заспорили, а Лен Бейтсон сказал: «Уверен, что если бы ты кого-нибудь отравил, тебя бы довольно быстро выследили». Однако Найджел возразил: «Я не профессионал, никак не связан ни с одной больницей, и поэтому меня никто не заподозрит. Я ведь не купил их»... Словом, они поспорили еще немного, но Лен все-таки признал, что проиграл пари. Чуть погодя он спросил: «А что ты собираешься сделать с этими опасными штуковинами?» Найджел рассмеялся и сказал, что лучше всего поскорее избавиться от них, пока чего-нибудь не случилось, и тут же выбро-

сил таблетки в камин, порошок морфия туда же, а дигиталис вылил в умывальник...

Инспектор Шарп немного посидел, обдумывая услышанное, потом снова пригласил Найджела Чэпмена.

— Только что мисс Томлинсон сделала очень интересное сообщение, — сказал он. — Она рассказала о ядах, с которыми вы имели дело, мистер Чэпмен.

— Я имел дело с ядами? С какой стати?

— Значит, вы отрицаете, что пару недель назад держали пари с мистером Бейтсоном, что сумеете достать яд, причем так, что никто вас не выследит?

— Ах, вон оно что! — не стал отрицать Найджел. — Да, конечно! Вот забавно — а я и забыл об этом. Но неужели вы считаете, что это имеет какое-то значение?

— Трудно сказать... Но сам факт вы признаете?

— Ну разумеется...

— И каким же образом вы собирались достать яд?

— Ну, — Найджел откинулся на спинку стула, — в газетах часто пишут о том, что доктора теряют опасные лекарства на улицах. Людей предостерегают, чтобы они этого опасались.

— Верно.

— Ну, я прикинул, что проще всего поехать куда-нибудь за город, найти участкового врача и последить за ним. А как только представится удобный случай, просто открыть его автомобиль, заглянуть в его врачебную сумку и взять то, что надо.

— Ну и?..

— Ну и все! Это, так сказать, способ номер один. Я долго разнюхивал и только на третий раз наткнулся на достаточно рассеянного эскулапа. Остальное было очень просто. Машина стояла у фермы в уединенном месте. Я открыл дверцу, заглянул в сумку, вытащил упаковку гиокосина гидробромида — и дело с концом!

— Ясно!.. А способ номер два?

— Тут, честно говоря, понадобилось немного разгадать Селию. Она абсолютно ничего не заподозрила. Глупенькая была девчонка, даже не поняла, для чего мне это понадобилось... Словом, я с нею затеял разговор об ошибках в докторской латыни при выписывании рецептов, ну и попросил ее, якобы для примера, выписать мне рецепт на дигиталис. Все, что мне потом понадобилось, это подделать инициалы и подпись врача из дальнего района Лондона. Потом я зашел в аптеку в самое горячее время, и аптекарь, который даже не посмотрел на подпись, выдал мне то, что я просил. Дигиталис выписывают в больших количествах сердечникам, и в рецепте я указал адрес гостиницы.

— Очень изобретательно, — сухо заметил инспектор Шарп.

— И все-таки я свидетельствую против себя! Это заметно по вашему голосу... Послушайте. Если уж откровенно — во что я вляпался?

— Полиция охотно проявляет терпимость, мистер Чэпмен. Она умеет отличить преступления от дурных, но простительных шалостей.

— Ну ладно, — сказал Найджел. — Мы подходим к сути дела. Этот способ был более рискованным, но и гораздо более забавным. Видите ли,

Продолжение на стр. 35

С Александром Васильевичем Колчаком

(Фрагменты воспоминаний Анны Васильевны Тимиревой)

Остается так мало времени: мне 74 года. Если я не буду писать сейчас — вероятно, не напишу никогда. Это не имеет отношения к истории — это просто рассказ о том, как я встретила с человеком, которого я знала в течение пяти лет, с судьбой которого я связала свою судьбу навсегда.

Восемнадцать лет я вышла замуж за своего троюродного брата С. Н. Тимирева. Еще ребенком я видела его, когда проездом в Порт-Артур — шла война с Японией — он был у нас в Москве. Был он много старше меня, красив, герой Порт-Артура. Мне казалось, что люблю, — что мы знаем в восемнад-

цать лет! В начале войны с Германией у меня родился сын, а муж получил назначение в штаб Командующего флотом адмирала Эссена. Мы жили в Петрограде, ему пришлось ехать в Гельсингфорс. Когда я провожала его на вокзале, мимо нас стремительно прошел невысокий широкоплечий офицер.

Муж сказал мне: «Ты знаешь, кто это? Это Колчак-Полярный. Он недавно вернулся из северной экспедиции».

У меня осталось только впечатление стремительной походки, энергичного шага.

Познакомились мы в Гельсингфорсе, куда я приехала на три дня к мужу осмолотиться и подготовить свой переезд с ребенком.

Нас пригласил товарищ мужа Николай Константинович Подгурский, тоже портартурец. И Александр Васильевич Колчак был там. Война на море не похожа на сухопутную: моряки или гибнут вместе с кораблем, или возвращаются из похода в привычную обстановку приморского города. И тогда для них — это праздник. А я приехала из Петрограда 1914—1915 годов, где не было ни одного знакомого дома не в трауре — в первые же месяцы уложили гвардию. Почти все мальчишки, с которыми мы встречались в ранней юности, погибли. В каждой семье кто-нибудь был на фронте, от кого-нибудь не было вестей, кто-нибудь ранен. И все это камнем лежало на сердце.

А тут люди были другие — они умели радоваться, а я уже с начала войны об этом забыла. Мне был 21 год, с меня будто сняли мрак и тяжесть последних месяцев, мне стало легко и весело.

Не заметить Александра Васильевича было нельзя — где бы он ни был, он всегда был центром. Он прекрасно рассказывал, и, о чем бы ни говорил — даже о прочитанной книге, — оставалось впечатление, что все это им пережито. Как-то так вышло, что весь вечер мы провели рядом. Долгое время спустя я спросила его, что он обо мне подумал тогда, и он ответил: «Я подумал о Вас то же самое, что думаю сейчас».

Он входил — и все кругом делалось как праздник; как он любил это слово! А встречались мы не часто — он был флагофicerом по оперативной части в штабе Эссена и лично принимал участие в операциях на море, потом, когда командовал минной дивизией, тем более. Он писал мне потом: «Когда я подходил к Гельсингфорсу и знал, что увижу Вас, — он казался мне лучшим городом в мире».

К весне я с маленьким сы-

ном совсем переехала в Гельсингфорс и поселилась в той же квартире Подгурского, где мы с ним встретились в первый раз...

Тогда же в Гельсингфорсе переехала и семья Александра Васильевича — жена и пятилетний сын, Славушка. Они оставались пока в гостинице, и так как Александр Васильевич бывал у нас в доме, то он вместе с женой сделал нам визит. Нас они не застали, оставили карточки, и мы с мужем должны были ответить тем же. Мы застали там еще нескольких людей, знакомых им и нам.

Софья Федоровна Колчак рассказывала о том, как они выбирались из Либавы, обстрелянной немцами, очень хорошо рассказывала. Это была высокая и стройная женщина, лет 38, наверно. Она очень отличалась от других жен морских офицеров, более интеллектуальная, что ли. Мне она сразу понравилась, может быть, потому, что и сама я выросла в другой среде: мой отец был музыкантом — дирижером и пианистом, семья была большая, другие интересы, другая атмосфера...

Летом мы жили на даче на острове Бренде под Гельсингфорсом, там же снимали дачу и Колчаки. На лето все моряки уходили в море, и виделись мы часто, и всегда это было интересно...

Осенью как-то устроились на квартирах и продолжали часто видеться с Софьей Федоровной и редко с Александром Васильевичем, который тогда уже командовал минной дивизией, базировался в Ревеле (Таллинн теперь) и бывал в Гельсингфорсе только наездами. Я была молодая и веселая тогда, знакомых было много, были люди, которые за мной ухаживали, и поведение Александра Васильевича не давало мне повода думать, что отношение его ко мне более глубоко, чем у других.

Но запомнилась одна встреча. В Гельсингфорсе было затемнение — война. Город еле освещался синими лампочками. Шел дождь, и я шла по улице одна и думала о том, как тяжело все-таки на всех нас лежит война, что сын мой еще такой маленький и как страшно иметь еще ребенка, — и вдруг увидела Александра Васильевича, шедшего мне навстречу. Мы поговорили

минуты две, не больше; договорились, что вечером встретимся в компании друзей, и разошлись. И вдруг я отчетливо подумала: а вот с этим я ничего бы не боялась — и тут же: какие глупости могут прийти в голову! И все.

Но где бы мы ни встречались, всегда выходило так, что мы были рядом, не могли наговориться, и всегда он говорил: «Не надо, знаете ли, расходиться — кто знает, будет ли еще когда-нибудь так хорошо, как сегодня». Все уже устали, а нам — и ему и мне — все было мало, нас несло, как на гребне волны. Так хорошо, что ничего другого и не надо было.

Только раз как-то на одном вечере он вдруг стал усиленно ухаживать за другой дамой, и немолодой, и некрасивой, и даже довольно неприятной, а мне стал рассказывать о ее совершенствах. И тогда я ему рассказала сказку Уэллса о человеке, побывавшем в царстве фей. Человек поссорился со своей невестой и с горя заснул на холме. Проснувшись он в подземном царстве фей, и фея полюбила его, — а он ей рассказывал о своей невесте, о том, как они купят зеленую тележку и будут в ней разъезжать и торговать всякой мелочью, и никак не мог остановиться. Тогда фея поцеловала и отпустила его, и он проснулся на том же холме. Но он никак не мог забыть того, что видел, невеста показалась ему топорной, все было не так. И попасть обратно в подземное царство ему уже не удалось. Рассказала я в шутку, но он задумался.

И все шло по-прежнему: встречи, разговоры — и каждый раз радость встречи...

Так прошли 1915 и 1916 годы до лета. Сыну моему было почти два года, я на даче жила вместе с моим большим другом Евгением Ивановичем Крашенинниковой и ее детьми, у сына была няня, и решила я съездить на день своего рождения к мужу в Ревель — 18 июля. На пароходе я узнала, что Колчак назначен командующим Черноморским флотом и вот-вот должен уехать.

В тот же день мы были приглашены на обед к Подгурскому и его молодой жене. Подгурский сказал, что Александр Васильевич тоже приглашен, но очень занят, так как сдает дела минной дивизии, и вряд ли смо-

жет быть. Но он приехал. Приехал с цветами хозяйке дома и мне, и весь вечер мы провели вдвоем. Он просил разрешения писать мне, я разрешила. И целую неделю мы встречались с вечера до утра. Все собралось на прощанье: его любви.

Я пишу урывками, потому что редко остаюсь одна, потому что надо писать со свежей головой, а не тогда, когда уже устанешь от всякой бестолковой домашней работы, от всего, что на старости лет наваливается на плечи. Живешь двойной жизнью — тем, что надо, необходимо делать, и тем, что думаешь. Но был ли день за все мои долгие годы, чтоб я не вспомнила то, что было мною прожито с этим человеком!

Мне было тогда 23 года; я была замужем пять лет, у меня был двухлетний сын. Я видела А. В. редко, всегда на людях, я была дружна с его женой. Мне никогда не приходило в голову, что наши отношения могут измениться. И он уезжал надолго; было очень вероятно, что никогда мы больше не встретимся. Но весь последний год он был мне радостью, праздником. Я думаю, если бы меня разбудить ночью и спросить, чего я хочу, — я сразу бы ответила: видеть его. Я сказала ему, что люблю его. И он ответил: «Я не говорил Вам, что люблю Вас». — «Нет, это я говорю: я всегда хочу Вас видеть, всегда о Вас думаю, для меня такая радость видеть Вас, вот и выходит, что я люблю Вас». И он сказал: «Я Вас больше чем люблю». И мы продолжали ходить рука об руку, то возвращаясь в залу Морского собрания, где были люди, то опять по каштановым аллеям Катриненталя.

Нам и горько было, что мы расстаемся, и мы были счастливы, что сейчас вместе, — и ничего больше было не нужно. Но время было другое, и отношения между людьми другие — все это теперь может показаться странным и даже невероятным, но так оно и было, из песни слова не выкинешь.

Потом он уехал. Провожало его на вокзале много народу. Мы прощались, он подарил мне фотографии, где был снят в группе со своими товарищами

по Балтийскому флоту. Вот и конец. Будет ли он писать мне, я не была уверена. Другая жизнь, другие люди. А я знала, что он увлекающийся человек.

Вернулась и я в Гельсингфорс, на дачу на острове Бренде, где я жила вместе с семьей Крашенинниковых. Там же жила его семья. Все, как было, только его не было.

Недели через две вечером все мы сидели на ступеньках террасы. На этот раз и мой муж и муж Е. И. Крашенинниковой были у нас наездом. Вдруг подошел огромного роста матрос Черноморского флота в сопровождении маленькой горничной С. Ф. Колчак. Александр Васильевич даже не знал моего адреса на даче. Матрос передал мне письмо и сказал, что адмирал просит ответа.

Эффект был необычайный.

Письмо было толстое, времени было мало. Я даже не успела прочитать его как следует. Написала несколько строк и отдала их матросу. Письмо я прочту позже — сейчас мой муж возвращался на корабль, я должна была его проводить. Но скрыть того, как я счастлива, было невозможно, я просто пела от радости и не могла остановиться. Вернувшись, я стала читать письмо. Оно начиналось со слов «Глубокоуважаемая Анна Васильевна» и кончалось «да хранит Вас Бог; Ваш А. В. Колчак». Он писал его несколько дней — в Ставке у царя, потом в море, куда он вышел сразу по приезду в Севастополь, преследуя и обстреливая немецкий крейсер «Бреслау».

И это письмо пропало, как все его письма. Он писал о задачах, которые поставлены перед ним, как он мечтает когда-нибудь опять увидеть меня. Тон был очень сдержанный, но я была поражена силой и глубиной чувства, которым было проникнуто письмо. Этого я не ожидала, я не была самоуверенной...

Письма приходили часто — дня через три, то по почте, то с оказией через Генеральный штаб, где работал большой друг мой В. Романов, приезжавший в командировки в Гельсингфорс. Однажды он мне сказал: «Что же из всего этого выйдет?» Я ответила, что он же привозит письма не только мне, но и жене Александра

Васильевича. «Да,— сказал он,— но только те письма тоненькие, а Ваши такие толстые».

А С. Ф. Колчак собиралась ехать в Севастополь. Жили они очень скромно, и ей надо было многое сделать и купить, чтобы к приезду иметь вид, соответствующий жене Командующего флотом. Мы вместе ходили по магазинам, на примерки.

Она была очень хорошая и умная женщина и ко мне относилась хорошо. Она, конечно, знала, что между мной и Александром Васильевичем ничего нет, но знала и другое: то, что есть,— очень серьезно, знала больше, чем я...

Осенью 16-го года на рейде Севастополя произошел взрыв на броненосце «Императрица Мария». Я была тогда в Петрограде, письмо получила через штаб.

Уже по почерку на конверте я привыкла видеть, какого рода будет письмо,— тут у меня сердце сразу упало. Александр Васильевич писал о том, как с момента первого взрыва он был на корабле. «Я распоряжался совершенно спокойно и только вернувшись, в своей каюте, понял, что такое отчаяние и горе, и пожалел, что своими распоряжениями предотвратил взрыв порохового погреба, когда все было бы кончено. Я любил этот корабль, как живое существо, я мечтал когда-нибудь встретить Вас на его палубе». Он был совершенно потрясен этим несчастьем.

Отчего это произошло, так это и осталось неизвестным — тогда; но корабль погиб...

1916 год шел к концу. Все больше накалялась атмосфера. На фронте война шла плохо, в тылу — Распутин. Потом — убийство Распутина. Слухи, слухи...

В начале февраля 1917 года мой муж, С. Н. Тимирев, получил отпуск, и мы собирались поехать в Петроград — то есть мой муж, я и мой сын с няней. Но в поезд съезд нам не удалось — с фронта лавиной шли дезертиры, вагоны забиты, солдаты на крыше. Мы вернулись домой и пошли к вдове адмирала Трухачева, жившей в том же доме, этажом ниже. У нее сидел командующий Балтийским флотом адмирал Адриан Иванович Непенин. Мы были

с ним довольно хорошо знакомы. Видя мое огорчение, он сказал: «В чем дело? Завтра в Гельсингфорс идет ледокол «Ермак», через 4 часа будете там, а отсюда до Петрограда поездом просто». Так мы и сделали.

Накануне отъезда я получила в день своих именин от Александра Васильевича корзину ландышей — он заказал их по телеграфу. Мне было жалко их оставлять, я срезала все и положила в чемодан. Мороз был лютый, лед весь в торосах, ледокол одолевал их с трудом, и вместо 4 часов мы шли больше двенадцати...

А в Гельсингфорсе знали, что я еду, на пристани нас встречали — в Морском собрании был какой-то вечер. Когда я открыла чемодан, чтобы переодеться, оказалось, что все мои ландыши замерзли. Это был последний вечер перед революцией.

В Петроград мы приехали в двадцатых числах февраля в квартиру моих родителей. Уже не хватало хлеба, уже по улицам шли толпами женщины, требуя хлеба, разрезали конные патрули, не зная, что с этими толпами делать, а те, встречая войска, кричали: «Ура!» Неразбериха была полная. Ясно было одно: что надвигаются грозные события...

А на улицах уже постреливали. Революция — Февральская — шла полным ходом. Мой муж срочно уехал в Ревель на корабль, которым тогда командовал. В Гельсингфорсе был убит адмирал Непенин — убит зверски, убито несколько знакомых мне офицеров. В Кронштадте — тоже. Что в Ревеле — неизвестно. Что в Севастополе — неизвестно.

Царь отрекся за себя и сына его брат Михаил Александрович тоже. На улицах стрельба. К нам приходили с обыском, искали оружие — взили дедовский кремневый пистолет и лицейскую шпагу отца.

Мы ехали во Владивосток — мой муж, Тимирев, вышел в отставку из флота и был командирован Советской властью туда для ликвидации военного имущества флота. Брестский мир был заключен, война как бы окончена.

В Петрограде голод — 50 граммов хлеба по карточкам

остальное — что достанешь. А в вагоне-ресторане на столе тарелка с верхом хлеба. Мы его немедленно съели; поставили другую — и ее тоже. И по дороге на станциях продают невиданные вещи: молоко, яйца, лепешки. И все время — отчего нельзя послать ничего тем, кто остался в Петрограде и так голодает?

...И вот мы едем по Амурской колесухе, кое-как построенной каторжниками, по Шилке. Красиво, дух захватывает. Вербная неделя, на станциях видим, как идут по гребням холмов со свечками люди со всею ночью. Мы опять, я и девушка Женя, побежали смотреть город. Красивее расположенного города я не видела — на стыке Амура и Шилки. А город пестрый, то большие дома, то пустыри, по улицам ходят свиньи — черт знает, что такое. И тут я повстречалась с лейтенантом Рыбалтовским. Когда-то он плавал под командой моего мужа, мы были знакомы, даже приятели. «Что вы здесь делаете?» — «Да как-то так попал. Вот хочу перебраться в Харбин». — «Зачем?» — «А там сейчас Колчак».

Не знаю: уж, вероятно, я очень переменялась в лице, поэтому что Женя посмотрела на меня и спросила: «Вы приедете ко мне в Харбин?» Я, ни минуты не задумываясь, сказала: «Приеду».

Страшная вещь — слово. Пока оно не сказано, все может быть так или иначе, но с той минуты я знала, что иначе быть не может.

В последнем письме он писал, что, где бы я ни была, я всегда могу о нем узнать у английского консула и мои письма будут ему доставлены. И вот мы во Владивостоке. Первое, что я сделала, — написала ему письмо, что я во Владивостоке и могу приехать в Харбин. С этим письмом я пошла в английское консульство и попросила доставить его по адресу. Через несколько дней ко мне зашел незнакомый мне человек и передал мне закатанное в папиросу мелко-мелко исписанное письмо Александра Васильевича.

Он писал: «Передо мной лежит Ваше письмо, и я не знаю — действительность это или я сам до него додумался».

Я решила ехать. Мой муж спросил меня: «Ты вернешься?» — «Вернусь». Я так и думала, я только хотела видеть Александра Васильевича, больше ничего. Я ехала как во сне. Стояла весна, все сопки цвели черемухой и вишней — белые склоны, сияющие белые облака. О приезде я известила Александра Васильевича, но на вокзале меня встретила Женя, сказала, что Александр Васильевич в отъезде, и увезла меня к себе.

А Александр Васильевич встречал меня, и мы не узнали друг друга: я была в трауре, так как недавно умер мой отец, а он был в защитного цвета форме. Такими мы никогда друг друга не видали. На другой день я отыскала вагон, где он жил, не зашла и оставила записку с адресом. Он приехал ко мне. Чтобы встретиться, мы с двух сторон объехали весь земной шар, и мы нашли друг друга.

Он навещал меня в той семье, где я жила, потом попросил меня переехать в гостиницу. Днем он был занят, мог приходить только вечером, и всегда это была радость.

А время шло, мне пора было уезжать — я обещала вернуться. Как-то я сказала ему, что пора ехать, а мне не хочется уезжать.

— А Вы не уезжайте.

Я приняла это за шутку — но это шуткой не было.

— Оставайтесь со мной, я буду Вашим рабом, буду чистить Ваши ботинки, Вы увидите, какой это удобный институт.

Я только смеялась. Но он постоянно возвращался к этому. Наконец я сказала:

— Конечно, человека можно уговорить, но что из этого выйдет?

— Нет, уговаривать я Вас не буду — Вы сами должны решить.

А у него уже начались тренировки с Хорватом, которого он терпеть не мог: «и по виду и по качеству старая швабра». А. В. приходил измученный, совсем перестал спать, нервничал, а я все не могла решиться порвать со своей прошлой жизнью. Мы сидели поодаль и разговаривали. Я протянула руку и коснулась его лица — и в то же мгновение он заснул. А я сидела, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить его. Рука у меня затекла, а я все смотрела

рела на дорожное и измученное лицо спящего. И тут я поняла, что никогда не уеду от него, что, кроме этого человека, нет у меня ничего и мое место — с ним. Мы решили, что я уеду в Японию, а он придет ко мне, а пока я напишу мужу, что к нему не вернусь, остаюсь с Александром Васильевичем. Единственное условие было у меня: мой сын должен быть со мной — в то время он жил в Кисловодске у моей матери.

Александр Васильевич ответил: «В таких случаях ребенок остается с матерью». И тут я поняла, что он тоже порвал со своей прошлой жизнью и ему это не легко — он очень любил сына.

Но он меня любил три года, с первой встречи, и все это время мечтал, что когда-нибудь мы будем вместе. Вскоре я уехала в Японию — продала свое жемчужное ожерелье на дорогу. Потом приехал он. Тут пришло письмо от моего мужа. Классическое письмо: я не понимаю, что я делаю, он женат, он не может жить без меня, я потеряю себя — вернись, и т. д., и т. п.

Ну что ж, надо договориться — я поеду во Владивосток, все кончилось там и вернусь. Я была молода и прямолинейна до ужаса. Александр Васильевич не возражал, он мне очень верил. Конечно, все это было глупо — какие объяснения могут быть, все ясно. Но иначе я не могла.

И вот я в вагоне. Мое место отгорожено от коридора занавеской, а за окном мутная-мутная ночь, силует Фудзиямы, и туман ползет по равнинам у ее подножия. Рвущая сердце боль расставания. И вдруг, повернувшись, я увидела на стене его лицо, бесконечно печальное, глаза опущены, и настолько реальное, что я протянула руку, чтобы его коснуться, и ясно ощутила его живую теплоту; потом оно стало таять, исчезло — на стене висело что-то. Все. Осталось только чувство его присутствия, не оставлявшее меня.

Вот я пишу — что же я пишу в сущности? Это никакого отношения не имеет к истории тех грозных лет. Все, что происходило тогда, что затрагивало нашу жизнь, ломало ее в корне и в чем Александр Васильевич

В № 4 журнала в «Загадке» была представлена живопись Франсиса Пикабиа. К сожалению, далеко не все наши заядлые знатоки искусства смогли

назвать автора работы. Впрочем, задачу мы действительно поставили трудную. Надеемся, что на этот раз вам повезет больше и разгадка придет молниеносно.

Вопросы остаются прежними, не будем их повторять. Лишь напомним, что победителей ждет подарок — редкая книга. Последний срок — 15 сентября с. г.

принимал участие в силу обстоятельств и своей убежденности, не втягивало меня в активное участие в происходящем. Независимо от того, какое бы положение ни занимал Александр Васильевич, — для меня он был человеком смелым, самоотверженным, правдивым до конца, любящим и любимым. За все время, что я знала его — пять лет, — я не слыхала от него ни одного слова неправды, он просто не мог ни в чем мне солгать. Все, что пытаются писать о нем — на основании документов, — ни в какой мере не отражает его как человека больших страстей, глубоких чувств и совершенно своеобразного склада ума...

И вот я приехала во Владивосток, чтобы окончательно покончить со своей прошлой жизнью. За месяц, что я провела в таком тесном общении с Александром Васильевичем, я привыкла к полной откровенности и полному пониманию, а тут я точно на стену натолкнулась.

— Ты не понимаешь, что ты делаешь, ты теряешь себя, ты погибнешь, и т. д., и т. п.

Мне было и жалко и больно — непереносимо.

Я уехала разбитой и измученной, поручив своим друзьям Крашенинниковым не оставлять моего мужа, пока он в таком состоянии. Я знала, что все, что можно, они сделают.

Был июнь (июль?) месяц, ясные дни, тихое море. Александр Васильевич встретил меня на вокзале в Токио, увез меня в «Империал-отель». Он очень волновался, жил он в другом отеле. Ушел — до утра.

Александр Васильевич приехал ко мне на другой день. «У меня к Вам просьба». — «?» — «Поедьте со мной в русскую церковь».

Церковь почти пуста, служба на японском языке, но напевы русские, привычные с детства, и мы стоим рядом молча. Не знаю, что он думал, но я припомнила великодушную молитву «Всем сердцем». Наверное, это лучшие слова для людей, связывающих свои жизни.

Когда мы возвращались, я сказала ему: «Я знаю, что за все надо платить — и за то, что мы вместе, — но пусть это будет бедность, болезнь, что

угодно, только не утрата той полной нашей душевной близости, я на все согласна».

Что ж, платить пришлось страшной ценой, но никогда я не жалела о том, за что пришла эта расплата.

Александр Васильевич увез меня в Никко, в горы.

Это старый город храмов, куда идут толпы паломников со всей Японии, все в белом, с циновками-постелями за плечами. Тут я поняла, что значит — возьми одр свой и ходи: одр — это просто циновка. Везде бамбуковые водопроводы на весу, всюду шестел струящейся воды. Александр Васильевич смеялся: «Мы удалились под сень струй».

Мы остановились в японской части гостиницы, в смежных комнатах. В отеле были и русские, но мы с ними не общались, этот месяц единственный. И кругом горы, покрытые лесом, гигантские криптомерии, уходящие в небо, горные речки, водопады, храмы красного лака, аллея ста Будд по берегу реки. И мы вдвоем. Да, этот человек умел быть счастливым.

В самые последние дни его, когда мы гуляли в тюремном дворе, он посмотрел на меня, и на миг у него стали веселые глаза, и он сказал: «А что? Неплохо мы с Вами жили в Японии». И после паузы: «Есть о чем вспомнить». Боже мой...

Как трудно писать то, о чем молчишь всю жизнь, — с кем я могу говорить об Александре Васильевиче? Все меньше людей знавших его, для которых он был живым человеком, а не абстракцией, лишенной каких бы то ни было человеческих чувств. Но в моем ужасном одиночестве нет уже таких людей, какие любили его, верили ему, испытывали обаяние его личности, и все, что я пишу, — сухо, протоколно и ни в какой мере не отражает тот высокий душевный строй, свойственный ему. Он предъявлял к себе высокие требования и других не унижал снисходительностью к человеческим слабостям. Он не разменивался сам, и с ним нельзя было размениваться на мелочи — это ли не уважение к человеку?

И мне он был учителем жизни, и основные его положения: «ничто не дается даром,

за все надо платить — и не уклоняться от уплаты» и «если что-нибудь страшно, надо идти ему навстречу — тогда не так страшно» — были мне поддержкой в трудные часы, дни, годы.

И вот, может быть, самое страшное мое воспоминание: мы в тюремном дворе вдвоем на прогулке — нам давали каждый день это свидание, — и он говорит:

— Я думаю — за что я плачу такой страшной ценой? Я знал борьбу, но не знал счастья победы. Я плачу за Вас — я ничего не сделал, чтобы заслужить это счастье. Ничто не дается даром.

Это не имеет отношения к тому, что я пишу, а вот вспоминается. Было это в самом начале знакомства с А. В. Он редко бывал в Гельсингфорсе. Но у его жены я бывала часто — очень она мне нравилась. Был чудесный зимний день, я зашла к ней, застала ее в постели: «Поедьте кататься, день такой прекрасный». Она быстро оделась, взяли извозчицы санки и поехали. Тихо, мороз, все деревья в инее в Брумстпарке. И вдруг — музыка. Мы жили еще по старому стилю и забыли, что сегодня католический сочельник. Костел ярко освещен, белые деревья как золотые, в зимних сумерках. Мы вошли, полно народу; орган уставлен маленькими красными тюльпанами и свечами, ясли с восковым младенцем. Музыка, и все вместе — такое очарование, как во сне. И мы вышли в ночь с незабываемым чувством живой поэзии.

А нет, не расскажешь.

И в другой раз мы с С. Ф. поехали кататься по заливу, день был как будто теплый, но все-таки я замерзла, и С. Ф. сняла с себя великолепную черно-бурую лису, надела мне на плечи и сказала: «Это портрет Александра Васильевича». Я говорю: «Я не знала, что он такой теплый и мягкий». Она посмотрела на меня с пренебрежением: «Многого Вы еще не знаете, прелестное молодое существо». И правда, ничего я не знала, никогда не думала, чем станет для меня этот человек. И до сих пор, когда ее давно уже нет в живых, мне кажется, что, если бы довелось нам встретиться, мы не были бы врагами.

Что бы то ни было, я рада тому, что на ее долю не выпало всего того, что пришлось пережить мне, так все-таки лучше.

Никогда я не говорила с А. В. о его отношении к семье, и он только раз сказал о том, что все написал С. Ф. Как-то раз я зашла к нему в кабинет и застала его читающим письмо — я знала ее почерк, мы переписывались, когда она уехала в Севастополь. Потом он сказал мне, что С. Ф. написала ему, что хочет только создать счастливое детство сыну. Она была благородная женщина.

После смерти А. В. она хотела получить его записки, попавшие в Пражский музей, их ей не выдали. И хорошо сделали — в основном это были адресованные мне и неотправленные письма. Эти письма через 50 лет я получила (переписанные для меня из московского архива), ей не надо было их читать, это свидетельство его любви, несмотря на сдержанность тона и на то, что из них ясно отсутствие между нами близости.

Я вспоминаю ее с уважением и душевной болью, но ни в чем не упрекаю себя. Иначе поступить я не могла.

Из Омска я уехала на день раньше А. В. в вагоне, прицепленном к поезду с золотым запасом, с тем, чтобы потом переселиться в его вагон. Я уже была тяжело больна испанкой, которая косила людей в Сибири. Его поезд нагнал наш уже после столкновения поездов, когда было разбито несколько вагонов, были раненные и убитые. Он вошел мрачнее ночи, сейчас же перевел меня к себе, и началось это ужасное отступление, безнадежное с самого начала: заторы, чехи отбирают на станциях паровозы, составы замерзают, мы еле передвигаемся. Куда? Что впереди — неизвестно. Да еще в пути конфликт с генералом Пепеляевым, который вот-вот перейдет в бой. Положение было такое, что А. В. решил перейти в бронированный паровоз и, если надо, бой принять. Мы с ним прощались, как в последний раз. И он сказал мне: «Я не знаю, что будет через час. Но Вы были для меня самым близким человеком и другом и самой желанной женщиной на свете».

Не помню, как все это разрешилось на этот раз. И опять

мы ехали в неизвестность сквозь бесконечную, безвыходную Сибирь в лютые морозы.

Вот мы в поезде, идущем из Омска в неизвестность. Я вхожу в купе. Александр Васильевич сидит у стола и что-то пишет.

Он поднимает голову:

— Я пишу протест против бесчинств чехов — они отбирают паровозы у эшелонов с ранеными, с эвакуированными семьями, люди замерзают в них. Возможно, что в результате мы все погибнем, но я не могу иначе.

Я отвечаю:

— Поступайте так, как Вы считаете нужным.

День за днем ползет наш эшелон по бесконечному сибирскому пути — отступление.

Мы стоим в коридоре у замерзшего окна с зав. печатью в Омске Клафтоном. Вдруг Клафтон спрашивает меня: «Анна Васильевна, скажите мне, как по-Вашему, просто по Вашему женскому чутью — чем все это кончится?»

«Чем? Конечно, катастрофой».

О том же спрашивает Пепеляев: «Как Вы думаете?»

«Что же думать — конечно, союзное командование нас предаст. Дело проиграно, и им очень удобно — если не с кем будет считаться».

И так целый месяц в предвидении и предчувствии неизбежной гибели. В одном только я ошиблась — не думала пережить его.

Долгие годы не могла я видеть морозные узоры на стекле без душевного содрогания, они сразу переносили меня к этим ужасным дням.

И можно ли до конца изжить все, что было.

Июнь 1969 г.

Приблизительно с месяц тому назад мне позвонил по телефону М. И. Тихомиров — писатель, который пробовал писать роман об А. В. Колчаке и, узнав, что я еще жива, приехал ко мне.

Роман он написал скверный, сборный — и, собственно, о генерале Лукаче. Эпизодически и об Александре Васильевиче, меня наградив княжескими титулами и отвел крайне сомнительную роль, ничего общего со мной не имеющую, и имел дерзость мне его прислать. Перелистав, я читать его не стала.

Но тут он сообщил мне, что в архиве сохранились не отправленные мне письма А. В.

И вот больше чем через 50 лет я держу их в руках...

Что из того, что полвека прошло, никогда я не смогу примириться с тем, что произошло потом. *О Господи, и это пережить, и сердце на куски не разорвалось.*

И ему и мне трудно было — и черной тучей стояло это ужасное время, иначе он его не называл. Но это была настоящая жизнь, ничем не заменимая, ничем не заменимая. Разве я не понимаю, что даже если бы мы вырвались из Сибири, он не пережил бы всего этого: не такой это был человек, чтобы писать мемуары где-то в эмиграции в то время, как люди, шедшие за ним, гибли за это и поэтому.

Последняя записка, полученная мною от него в тюрьме, когда армия Каппеля, тоже погибшего в походе, подступала к Иркутску: «Конечно, меня убьют, но если бы этого не случилось — только бы нам не расставаться».

И я слышала, как его уводят, и видела в волчок его серую папаху среди черных людей, которые его уводили.

И все. И луна в окне, и черная решетка на полу от луны в эту февральскую лютую ночь. И мертвый сон, сваливший меня в тот час, когда он прощался с жизнью, когда душа его скорбела смертельно. Вот так, наверное, спали в Гефсиманском саду ученики. А наутро — тюремщики, прятавшие глаза, когда переводили меня в общую камеру. Я отозвала коменданта и спросила его:

— Скажите, он расстрелян? — И он не посмел сказать мне «нет»:

— Его увезли, даю Вам честное слово.

Не знаю, зачем он это сделал, зачем не сразу было узнать мне правду. Я была ко всему готова, это только лишняя жестокость, комендант ничего не понимал.

Полвека не могу принять — Ничем нельзя помочь — И все уходишь ты опять В ту роковую ночь. Но если я еще жива Наперекор судьбе, То только как любовь твоя И память о тебе.

30 января 1970 г.

Агата Кристи

Хикори-дикори-док

Окончание. Начало на стр. 10

я заглянул пару раз к Селии в ее аптеку и знал, что Селия уходит обычно в одиннадцать с четвертью в заднюю комнату «на перекус», если можно так сказать, то есть на чашку кофе с бисквитом. Давушки уходят по очереди, по две за раз. А у них там появилась новенькая, которая в лицо меня не знала. И вот что я сделал. Я забрел в аптеку в белом халате и со стетоскопом на шее. Там как раз оставалась одна новенькая, да и она была занята у окошка выдачи. Я походил по комнате, приблизился к шкафу с ядами, взял бутылочку, потом выглянул из-за стеллажа и спросил у девушки, какой концентрации у них адреналин. Она мне ответила, я кивнул и попросил дать мне пару таблеток аспирина от похмелья. Потом проглотил таблетки и спокойно удалился.

— А стетоскоп? — поинтересовался инспектор. — Откуда вы взяли стетоскоп?

— У Лена Бейтсона, — ухмыльнулся Найджел. — Я его стащил.

— Значит, с кражей стетоскопа все ясно. Селия его не брала.

— О, господи, конечно, нет! С какой стати больная kleптоманий будет воровать стетоскоп?

— А что вы с ним сделали потом?

— Я продал его, — извиняющимся тоном произнес Найджел.

— Значит, у вас имела возможность отравить кого-либо тремя различными ядами?

Найджел кивнул.

— Учитывая обстоятельство, мне не доставляет удовольствия признавать это. Но все яды были уничтожены тогда же, две недели назад.

— Это вы так думаете, мистер Чэпмен, но это не значит, что так и было... Сколько времени эти вещества находились у вас?

Найджел задумался.

— Ну, упаковка гиокосина дня два, наверное, не больше. Морфий — дня четыре. Дигиталис я достал только в обед.

— А где вы держали гиокосин и морфий?

— У себя в комод... Сунул их подальше, под носки...

— Кто-нибудь знал, что вы их там спрятали?

— Нет, нет. Я уверен, что никто... Мы втроем просто сожгли эту дрянь в камине и вылили в умывальник, и дело с концом. Никто не пострадал.

— А не приходило ли вам в голову, мистер Чэпмен, что кто-то мог подглядывать, где вы храните эти вещи, или, быть может, наткнуться на них случайно?.. И что этот кто-то мог пересыпать морфий в другую бутылочку, заменив его чем-нибудь еще...

— О господи! Нет, конечно! — Найджел уставился на инспектора. — Я об этом даже и не подумал... Да нет, это невозможно! Да никто просто не мог об этом знать!..

Наклоняясь вперед, инспектор Шарп сказал:

— Вы понимаете, мистер Чэпмен, что легче всего заменить яд в бутылочке было вам самому?

Найджел внимательно посмотрел на инспектора, лицо у него напряглось и как бы даже постарело.

— Да, — ответил он. — Я понял это еще пару минут назад. Я прекрасно мог это сделать. Но клянусь, у меня не было никаких причин убирать эту девушку с дороги, инспектор, и я этого не сделал. Но я понимаю и другое; доказать свою невиновность я ничем не могу.

Лен Бейтсон и Колин Мак-Набб подтвердили рассказ о пари и уничтожении ядов...

Напоследок остались две студентки — Салли Финч и Элизабет Джонстон. Очень привлекательная со своей копной рыжих волос и умными глазами, Салли Финч неожиданно взяла инициативу в свои руки.

— Знаете, я хочу высказать вам, что думаю... Что-то здесь не так, в этом доме. Я в этом уверена.

— Вы так решили из-за того, что случилось с Селией Остин?

— Нет, мне уже давно не по себе. Мне не нравится, когда режут на куски рюкзак или кашне Валери. Мне не нравится, когда заливают чернилами бумаги Бесс. Я как раз собиралась уехать отсюда, да поскорее. Я и сейчас собираюсь, разумеется, как только вы мне это позволите.

— Вы хотите сказать, что чего-то опасаетесь, мисс Финч?

Салли кивнула головой.

— Да. Я боюсь. Мне чудится присутствие здесь чего-то или кого-то безжалостного. Все это место... не знаю, как объяснить... ну, в общем, оно не такое, как кажется... Я сама не знаю... Но готова побиться об заклад, что эта ужасная старуха все знает!

— Какая старуха? Неужели миссис Хаббард?

— Нет, не миссис Хаббард. Она хорошая. Я имею в виду миссис Николетис. Эту старую волчицу.

— Это интересно, мисс Финч. Вы можете сказать что-то более определенное? О миссис Николетис, разумеется.

Салли только покачала головой.

— Нет. Мне только это кажется. Могу вам ска-

зять одно: каждый раз, когда я встречаюсь с ней, меня мороз по коже продирает.

— Мне бы хотелось услышать что-то более определенное.

— Если бы я могла... Вы, конечно, думаете, что я фантазирую. Может быть! Но и другие так думают. Возьмите Акибombo. Он совсем перепуган. Бесс тоже, хотя она этого и не показывает. И мне кажется, инспектор, что Селия что-то знала.

— Знала — о чем?

— В том-то все и дело! О чем?.. Она ведь кое-что сказала. В последний день. Она сказала, что все разъяснится. Она признала часть вины за происшедшее, но явно намекнула, что есть и другие вещи, о которых ей известно, и что она постарается вывести всех на чистую воду. По-моему, она что-то знала, инспектор, о ком-то, мне кажется, именно поэтому ее и убили.

— Но если это было так серьезно...

Салли прервала его:

— Мне кажется, она не понимала, насколько это серьезно. Она не отличалась особым умом, знаете ли. Что-то узнала, но даже не представляла, насколько это опасно...

— Понятно. Спасибо... А теперь скажите, когда вы в последний раз видели Селию Остин? Вчера вечером в гостиной после обеда, верно?

— Верно. Хотя, честно говоря, я видела ее и после этого.

— Вы видели ее после? Где? В ее комнате?

— Нет. Когда я собираюсь спать и вышла из гостиной в холл, она как раз выходила на улицу. И я думаю, она отправилась на свидание.

— Понятно. С кем-то посторонним или это мог быть кто-то из жильцов?

— По-моему, это был кто-то из наших. Если она хотела поговорить с кем-то с глазу на глаз, в доме это сделать очень трудно. Поэтому тот, с кем она встречалась, мог предложить ей встретиться где-то в другом месте.

— А не скажете, когда она могла возвратиться?

— Если она вернулась после одиннадцати, то Джеронимо может это знать, потому что в это время он запирает дверь на засов. До этого часа любой из нас может открыть дверь своим ключом.

— Вы можете точно сказать, в какое время она вышла из дома?

— По-моему, около десяти. Может быть, чуть позднее, но ненамного.

— Понятно. Спасибо, мисс Финч, за то, что вы мне рассказали.

Последней в комнату вошла Элизабет Джонстон.

— Селия Остин, — сказал Шарп, — горячо отрицала, что это она испортила ваши записи, мисс Джонстон. Вы этому верите?

— Не думаю, что это сделала Селия. Нет. Но я думаю, Селия знала... По крайней мере, предполагала.

— Она сама вам это сказала?

— Не очень определенно. Но она пришла ко мне в комнату вечером накануне смерти, перед самым обедом. Она пришла, чтобы сказать, что хотя и виновна в кражах, но мою работу не портила. Я спросила ее, знает ли она, кто это сделал?

— И что она ответила?

— Она сказала... — Элизабет призадумалась, чтобы припомнить поточнее. — Она сказала: «У ме-

ня нет уверенности... Это может быть ошибка или совпадение... Но уверена, что, кто бы это ни сделал, он очень жалеет об этом и охотно признает свою вину. — И добавила: — Есть вещи, которых я пока не понимаю, ну, к примеру, электролампочки в тот день, когда приходила полиция».

Шарп прервал девушку:

— При чем здесь полиция и лампочки?

— Не знаю. Селия еще сказала: «Я не брала их». И еще она сказала: «Может быть, это связано с паспортом?» Я сказала: «О каком паспорте ты говоришь?» И она ответила: «Я думаю, кое-кто у нас живет с фальшивым паспортом».

— Что еще вы можете добавить?

— Больше ничего. Она только сказала: «Ну что ж, завтра я обо всем этом узнаю».

— Как, как она сказала? «Завтра я обо всем этом узнаю»? Очень важные слова, мисс Джонстон.

Инспектор размышлял.

Связано с паспортом... И с визитом полиции...

Перед тем как отправиться на Хикори-роуд, он внимательно просмотрел картотеку. Дом на Хикори-роуд, 26, имел добрую репутацию. Кое-что здесь случилось, но без того, но все по мелочам и в рамках допустимого.

— Ну что ж, спасибо, мисс Джонстон.

Элизабет Джонстон вышла из комнаты. Инспектор Шарп усталости на закрытую дверь и так глубоко задумался, что сержанту Коббу пришлось дважды окликнуть его, прежде чем он вернулся к действительности.

— Что, что?

— Я говорю, интересная компания, сэръ!

— Да, но что нам удалось выяснить? Очень и очень мало. Но вот что я вам скажу, Кобб. Завтра утром я вернусь сюда с ордером на обыск. Мы сейчас уйдем, и они решат, что делу конец. Но что-то здесь, в этом доме, все-таки происходит. И завтра я тут все переверну вверх тормашками!..

Эркюль Пуаро, работавший с почтой, вдруг остановился, не закончив фразу, и попросил мисс Лемон соединить его по телефону с ее сестрой.

— Надеюсь, миссис Хаббард, не беспокоила вас?

— У меня тут сплошные беспокойства, — ответила миссис Хаббард. — Вчера инспектор Шарп закончил допрос студентов, а сегодня вернулся с ордером на обыск, и сейчас мне приходится заниматься миссис Николетис, которая закатила настоящую истерику.

Пуаро одобрительно щелкнул языком.

— У меня есть один небольшой вопрос. Вы мне оставили список пропавших вещей... и других странных происшествий... Так вот, вы составили этот список в хронологическом порядке?

— Нет. Я просто записала их в том порядке, как мне припомнилось. Простите, что ввела вас в заблуждение.

— Мне надо было подумать об этом раньше, — сказал Пуаро. — А вы сумеете сейчас восстановить точный порядок, или это слишком трудно?

— Мне надо припомнить как следует.

— Тогда я попрошу вас, мадам, как только выберется свободная минутка, сесть и попытаться записать в строго хронологическом порядке все, что случилось в пансионате.

— Хорошо, мсье Пуаро...

Телефонный звонок Пуаро застал миссис Хаббард в тот момент, когда она оттеряла изрядную дозу успокоительного из аптечки у себя в комнате. Положив трубку, она вернулась к миссис Николетис, которая лежала в гостиной на софе, рыдая и колотя ногами.

— Выпейте-ка это, — сказала миссис Хаббард, — и вам сразу станет легче.

— Гестаповцы! — кричала миссис Николетис. — Гестаповцы! Вот кто они такие!

— Сами знаете, это их долг, — заметила миссис Хаббард.

— Рыться в моем личном буфете — это их долг?! Я же сказала им ясно: «Здесь для вас ничего интересного нет». Я заперла его и сунула ключ за пазуху... Они взяли долото и взломали дверцу. Дому, за который я несу ответственность, нанесен материальный ущерб.

— Ну ладно, — сказала миссис Хаббард. — Я бы на вашем месте больше об этом не беспокоилась.

— Это годится для вас. А мне... Я не могу не беспокоиться. Ведь теперь я в опасности.

— В опасности? — вздрогнув, посмотрела на нее миссис Хаббард.

— Слава Богу, что я сплю не здесь. Здесь во всех дверях все замки одинаковые, одним ключом открываются. Нет, слава тебе, Господи, что я сплю не здесь.

— Миссис Николетис, — заметила миссис Хаббард, — если вы чего-то боитесь, не лучше ли вам рассказать, чего именно?

В черных глазах миссис Николетис словно зажегся огонек.

— Вы сами можете догадаться, — уклончиво произнесла она. — Кто следующий? Ведь даже неизвестно, кто убийца. Полиция у нас глупа, все из-за этого. А может, они просто подкуплены.

— Все это чепуха, и вы сами это прекрасно знаете, — заявила миссис Хаббард. — Но если у вас есть причины опасаться...

У миссис Николетис опять переменялось настроение.

— Ах, вот как! Вы знаете, что у меня есть причины опасаться! Вы, как всегда, все знаете лучше всех! Вы знаете все! Вы все время шпионите, я всегда это знала!

— Ну ладно, ладно, — растерянно сказала миссис Хаббард. — Ложитесь-ка лучше в постель и постарайтесь уснуть...

Эркюль Пуаро остановил такси у дома 26 по Хикори-роуд. Дверь ему открыл Джеронимо, приветствовавший его как старого друга.

— Я проводить вас наверх.

— Одну минуточку, — остановил его Пуаро. — Вы помните тот день, когда у вас пропали какие-то электролампочки?

— Да, конечно, я помню. Но это было уже давно.

— А если поточнее — какие лампочки пропали?

— В холле, в гостиной тоже. Кто-то шутить. Забрать все лампочки.

— А вы не припомните точную дату?

— Нет, не помню, — ответил он. — Но думать, это было в тот день, когда пришел полицейский, в февралек...

— Полицейский? А зачем он приходил?

— Он приходил сюда спросить миссис Николетис про студента. Очень плохой студент, из Африки. Не работать. Ходить на биржу труда, получать

пособие, потом найти женщину, и она ходить с мужчинами для него. Очень, очень плохо. Полиция такое не любит.

— И как раз в этот день пропали лампочки?

— Да. Потому что я повернул выключатель — и ничего. Я пойти в гостиную, а там нет лампочек, и я заглянул в комод, где запасные, а там тоже нет, тоже пропадать. И тогда я зажигать свечи.

Пуаро буквально впитывал эту историю, следуя за Джеронимо к комнате миссис Хаббард. Усталая и встревоженная, миссис Хаббард тепло приветствовала Пуаро. Она тут же протянула ему листок бумаги.

— Я постаралась, мсье Пуаро, записать все, что случилось, в точном порядке, но не могу быть уверена на сто процентов.

— Я глубоко благодарен вам, мадам. А как себя чувствует миссис Николетис?

— Я дала ей успокоительное и надеюсь, что она спит. Она подняла страшный шум из-за ордера на обыск. Даже отказалась открыть свой буфет. Тогда инспектор взломал дверцу, и оттуда вывалилась груда пустых бутылок из-под бренди... Но это, наверное, вас не очень интересует?

— Меня интересует все, — заявил Пуаро.

Он уселся и проштудировал врученный ему миссис Хаббард листок.

— Вот как! — сказал он после минутного молчания. — Теперь, как я вижу, все начинается с рюкзака.

— Да. Может быть, не так уж важно, но я точно вспомнила, что это случилось до того, как начали пропадать украшения и все прочее. А тут еще происшествие с одним из наших цветных студентов. Он прожил у нас всего день или два. А потом еще ...эти хлопоты с полицией.

— Да-да, Джеронимо что-то мне говорил об этом. Значит, полиция нагрянула прямо сюда?

— Да. Кажется, у них было сообщение из Шеффилда или Бирмингема, а может, еще откуда-то. Дело пахло скандалом. Аморальные заработки и все такое прочее. Позднее, в суде, он во всем признался.

— И как раз после этого вы нашли изрезанный рюкзак?

— Да, пожалуй... Видите ли, Лен Бейтсон собирался попутешествовать автостопом и никак не мог отыскать свой рюкзак, поднял страшный шум, все принялись ему помогать, и в конце концов Джеронимо обнаружил его за котлом. Кто-то разрезал его на куски и сунул туда. Странное происшествие. Такое удивительное... И бессмысленное, мсье Пуаро.

— Да, — согласился Пуаро. — Удивительное и бессмысленное. А скажите, — произнес он наконец, — лампочки пропали в тот же день? Ну, когда полиция разыскивала у вас этого студента?..

— Погодите, сейчас припомню... Да, да, вы правы, я помню, как мы с полицейским инспектором спустились по лестнице и вошли в гостиную, а там горели свечи...

— Кого вы застали в гостиной?

— Да, по-моему, почти все уже вернулись домой к этому времени. Это было вечером, часов в шесть. Меня только удивило, что в доме не нашлось лампочек, потому что обычно мы их держали про запас вполне достаточно.

— Лампочки и рюкзак, — задумчиво проговорил

Пуаро. — А что это был за рюкзак? Какой-нибудь особенный?

— Нет-нет, самый обыкновенный. У Колина, помоему, точно такой же. Да и Лену пришлось тогда купить еще один такой же. Наши студенты обычно покупают их здесь неподалеку, в лавке на углу.

— Можно мне посмотреть один из этих рюкзаков, мадам?

Миссис Хаббард охотно провела его в комнату Колина Мак-Набба. Сам Колин отсутствовал, но миссис Хаббард открыла гардероб, вынула рюкзак и подала его мсье Пуаро.

— Ого! — пробормотал Пуаро, щупая рюкзак. — Такую штуку маникюрными ножничками не разрежешь! Тут кому-то пришлось потрудиться... Нет, нет, конечно, я понимаю, что вы думали, — нет, девушке с этим не справиться, тут надо приложить силенки... Тут нужна сила и... злость...

Пуаро отворил дверь и вышел на старомодный балкон. Комната выходила на задворки, прямо внизу виднелся небольшой грязноватый садик. Пуаро взглянул на четыре стоящих в ряд ящика для мусора, на валяющийся повсюду различный хлам.

— А где у вас котельная?

— Вот там дверь, внизу, рядом с угольным складом...

Он еще раз взглянул в окно на расположенный внизу садик, потом миссис Хаббард проводила его к выходу, и он покинул пансионат.

Пройдя по Хикори-роуд, он повернул за угол и сразу же узнал лавку, описанную миссис Хаббард. Там обнаружился большой выбор спортивного снаряжения, шортов, фуфаяк, тропических шлямов — словом, всего, что может пригодиться молодому человеку, увлекающемуся спортом. Внимательно изучив товары, представленные на витрине, Пуаро заглянул внутрь и выразил желание приобрести рюкзак для воображаемого племянника.

Владелец лавки, низенький вежливый человечек с песочного цвета волосами, откликнулся без промедления.

— Итак, рюкзак. Какой вы ищете, сэр? Обычный?

— Думаю, да. Да, конечно. А у вас есть разные?

— Ну, у нас тут есть рюкзаки для девушек, они очень легкие. Но чаще всего берут другие. Удобный, прочный, ноский да и дешевый, уж поверьте!

Он достал прочное брезентовое изделие, которое, насколько Пуаро мог судить, как две капли воды, походило на рюкзак Колина Мак-Набба. Пуаро осмотрел его и, наконец, отсчитывая деньги, поин-

тересовался, хорошо ли рюкзаки идут.

— Да, конечно, мы продаем много таких, — ответил хозяин, заворачивая покупку.

— Тут у вас поблизости живет много студентов, верно?

— Да. Тут их полно по соседству.

— Здесь и пансионат, кажется, есть, на Хикори-рууд?

— Верно. Я, кстати, продал несколько таких рюкзаков молодым джентльменам оттуда.

Пуаро взял пакет, поблагодарил и вышел на улицу. Но не успел ступить и двух шагов, как тяжелая рука опустилась ему на плечо. Это был инспектор Шарп.

— Вас-то я и ищу, — сказал Шарп.

— Закончили обыск?

— Обыск-то я сделал, а вот закончил ли, не знаю. Здесь неподалеку есть местечко, где можно получить неплохой сэндвич и чашку кофе. Давайте заглянем туда. Мне надо с вами поговорить...

Пуаро хмуро выслушал его.

— Нет, все это не имеет смысла, никакого, — сказал он, покачивая головой. — Смысл появится, если мы начнем с самого начала.

— О каком начале вы говорите, Пуаро?

— О рюкзаке, мой друг, — тихо сказал Пуаро. — О рюкзаке! Все началось с рюкзака...

Закончив свой субботний завтрак, Эркуль Пуаро перешел в гостиную. Здесь на столе были аккуратно разложены четыре рюкзака, каждый со своей биркой. Пуаро развернул рюкзак, купленный им накануне, и присоединил его к остальным. Рюкзак, купленный им у мистера Хикса, внешне ничем не отличался от купленных в нескольких других магазинах. Однако он был гораздо дешевле.

— Очень интересно, — пробормотал Пуаро.

Он приступил к осмотру рюкзаков. Он изучал их во всех деталях. Внутри и снаружи, выворачивая наизнанку, ощупывал швы, карманы, лямки. Потом, вывернув рюкзак, купленный у мистера Хикса, наизнанку, он стал вспаривать его дно. Между верхом и подкладкой обнаружился твердый лист какого-то уплотнителя, внешне напоминающего гофрированный картон. Пуаро принялся с большим интересом разглядывать раскромсанный рюкзак.

Повторив операцию с другими рюкзаками, он сел, придвинул к себе телефон и, терпеливо вращая диск, дозвонился-таки до инспектора Шарпа. — Приветствую вас, мон шер, — сказал он. — Мне бы хотелось выяснить две вещи. Как вы вчера упомянули, полиция несколько раз бывала на Хикори-рууд за последние три месяца. Не могли бы вы точно назвать дату и время этих посещений?

— Погодите минутку, я сейчас взгляну в карту-теку... Первый визит — 18 декабря прошлого года, в 3.30 пополудни.

— Нет, это слишком давно.

— И 24 февраля, 5.30 пополудни. Расследование по делу Уильяма Робинсона, уроженца Западной Африки.

— Ага! Спасибо.

— Однако, если вы считаете, что одно из этих дел связано с...

— Нет, — прервал Пуаро, — связи нет. Меня только интересовало, в какое время дня полиция была в пансионате.

— Что у вас в голове, Пуаро?

— Я только что разрезал рюкзаки, мой друг. Это очень интересно.

Он набрал номер пансионата на Хикори-рууд и попросил к телефону мисс Валери Хобхаус.

— Это Эркуль Пуаро. Вы меня помните?

— Конечно, мсье Пуаро. Чем могу быть полез-на?

— Мне хотелось бы немного поговорить с вами. Не возражаете?

— Хорошо. Я скажу Джеронимо, чтобы он про-водил вас ко мне.

Комната служила одновременно спальней и гостиницей и была обставлена со вкусом и даже некоторой роскошью. Диван, служащий постелью, покрывал слегка потертый, но все еще красивый персидский ковер; здесь же Пуаро увидел изящный ореховый письменный стол в стиле королевы Анны, который едва ли был собственностью пансионата.

— Вы здесь уютно устроились, — заметил Пуаро, здороваясь с хозяйкой комнаты.

Валери улыбнулась.

— Я уже давно здесь живу, — сказала она. — Два с половиной года.

— Вы ведь не студентка, верно, мадемуазель?

— Нет, нет. У меня склонность к коммерции. Работаю...

— В... э-э... косметической фирме, не так ли?

— Да. Одна из агентств по снабжению косметического салона «Сабрина Фэйр». Мы не только обслуживаем клиентов, но кое-что и продаем. Из парижских новинок.

— Значит, вы часто бываете в Париже и вообще на континенте?

— О да, не реже чем раз в месяц, иногда и чаще.

— Извините, — сказал Пуаро, — если я пока-жусь вам излишне любопытным...

— Может быть, перейдем к делу, мсье Пуаро? — спросила она. — Пока что не могу догадаться, к чему вы клоните.

— В самом деле, мисс Хобхаус?

Он вынул из кармана небольшой сверток.

— Попробуйте угадать, что здесь...

— Я не ясновидящая, мсье Пуаро. Сквозь оберт-ку не вижу.

— А здесь у меня, — сказал Пуаро, — это кольцо, которое украли у Патриции Лейн.

— Кольцо Патриции? Вернее, ее матери? Почему оно у вас?

— Меня заинтересовало это кольцо, — продол-жал Пуаро. — Меня заинтересовало, почему оно пропало, почему вернулось и что с ним произошло. И я попросил мисс Лейн одолжить мне его на вре-мя. Она охотно согласилась. Я тут же отнес его знакомому ювелиру и попросил оценить камень. И знаете, что он мне сказал?

— Понятия не имею!

— Он сказал, что этот камень — вовсе не брил-лиант. Это циркон, белый циркон.

— Вот как! — Валери смотрела на него, не отры-ваясь. Когда она заговорила снова, в ее голосе зву-чала легкая неуверенность. — Вы хотите сказать, что Патриция... что она думала, будто это брилли-ант, а это было всего лишь циркон... или же...

Пуаро покачал головой.

— Насколько мне известно, это было обрубаль-

ное кольцо матери Патриции Лейн. Мисс Патриция Лейн из хорошей семьи, и я должен сказать, что, если судить по их последней налоговой декларации, ее родители имели хорошие доходы. В этих кругах, мадемуазель, на обручальное кольцо денег не жалеют. Уверен, что папа мисс Лейн вручил ее маме очень и очень дорогое кольцо. Таким образом, камень на кольце был заменен другим уже позднее.

— Может быть,— медленно проговорила Валери,— Пат случайно потеряла камень. Ей не по карману новый бриллиант, вот она и заменила его цирконом.

— Такое возможно,— сказал Эркюль Пуаро,— но не думаю, чтобы дело обстояло именно так. Я полагаю, что кольцо взяла мадемуазель Селия и что бриллиант был заменен на циркон до того, как кольцо было подброшено в тарелку.

— Вы считаете, что Селия специально украла алмаз?

— Нет, я считаю, что это вы его украли, мадемуазель.

— Даже так!— воскликнула Валери Хобхаус.— Грубая игра! У вас нет никаких доказательств!

— Ну как же, есть,— прервал ее Пуаро.— У меня есть доказательства. Кольцо было подброшено в тарелку с супом. Когда я обедал у вас, я подметил, как у вас разливают суп. Супница стоит на приставном столике. Значит, если кто-то находит в своей тарелке с супом кольцо, следовательно, его положил туда либо тот, кто разливает суп (то есть Джеронимо), либо тот, чья это тарелка. А именно вы его нашли! Вряд ли это сделал Джеронимо.

— Это все?— пренебрежительно спросила Валери.

— О нет, разумеется, не все. Видите ли, когда Селия призналась в кражах в тот вечер, она выразилась так: «Я не представляла себе, что оно такое дорогое. Как только я это узнала, то постаралась его вернуть». А откуда она узнала? А, мисс Валери? Кто сказал ей, что кольцо дорогое?.. И потом, упомянув о разрезанном кашне, бедная мисс Селия сказала примерно так: «Это неважно. Валери не возражала...» Почему вы не возражали против того, чтобы принадлежавшее вам прекрасное шелковое кашне было уничтожено? У меня создалось впечатление, что и кража вещей, и признание в клеветании, и привлечение тем самым внимания Колина Мак-Набба — всю эту операцию кто-то придумал и предложил осуществить Селии. Кто-то, гораздо более умный, чем Селия Остин, да к тому же неплохо разбирающийся в психологии. А ведь это вы сказали ей, что кольцо дорогое, взяли кольцо у нее и организовали его возвращение. Точно так же вы предложили ей разрезать на куски ваше кашне.

— Это все теории,— сказала Валери.— Инспектор тоже предположил, что это я надумила Селию.

— И что же вы ему сказали?

— Я сказала, что все это чепуха,— ответила Валери.

— А что вы скажете мне?

Валери некоторое время испытующе смотрела на него. Потом откинулась на спинку дивана и произнесла:

— Вы правы. Это я надумила ее сделать все это.

— Можно спросить — зачем?

Валери горячо заговорила:

— Да просто из-за дурацкой доброжелательности. Бескорыстная помощь. Эта Селия слонялась как призрак, глаз не отводила от своего Колина, который ее даже не замечал. Самодовольный упрямец, ничего не видящий, кроме своей психологии, всяких там комплексов и прочего — разве не забавно было бы обвести его вокруг пальца? Мне тошно было видеть, как Селия унижается, вот я и решила поддержать ее. Объяснила в общих чертах свой план и надавила на нее. Она была немного испугана всем этим, но в то же время и приободрилась. И нате вам — первое, что отмочила эта дурочка,— увидела лежащее в ванной комнате кольцо Пат и стащила его. Пришлось забрать у нее кольцо, пообещать, что верну его как-нибудь, и посоветовать на будущее тащить только дешевую бижутерию да косметику, ну и еще испортить что-нибудь из моих вещей.

Пуаро глубоко вздохнул.

— Именно так я и предполагал,— отметил он.— Селия отдала кольцо вам. Предполагалось, что вы якобы найдете его и вернете Патриции. Но прежде чем вернуть его Патриции...— Он сделал паузу.— Что произошло?

Он смотрел на нее, но она только молча теребила нервными пальцами бахрому накинутого на плечи шарфа.

— У вас было очень туго с деньгами, да? В этом все дело?

Опустив глаза, она резко кивнула.

— Что ж, скажу все начистоту:— В ее голосе прозвучала горечь.— Мое несчастье, мсье Пуаро, в том, что я — игрок. Эта черта у человека — от природы, избавиться от нее выше его сил. Я вхожу в небольшой клуб... Нет, не скажу его точного адреса... Примите просто как факт, что я принадлежу к этому обществу. Там есть рулетка, баккара, в общем, все, что хотите, у меня выпала черная полоса проигрышей — один за другим. А тут это кольцо. Случайной мне попался на глаза магазинчик, где продавалось кольцо с цирконом. Я и подумала: «Если этот бриллиант заменить белым цирконом, Пат никогда этого не заметит!» Ведь никто же не станет тщательно разглядывать кольцо, которое знает с детства. Словом, я поддалась соблазну. Оценила алмаз и продала его. Заменяла его цирконом и в тот же вечер притворилась, что нашла его в тарелке... ну вот, теперь вы знаете все! Но клянусь, я никогда не хотела, чтобы в этом обвинили Селию.

— Нет, нет, я понимаю,— кивнул Пуаро.— Вы просто не упустили свой шанс. На вид все было просто, и вы соблазнились. Но вы допустили огромную ошибку, мадемуазель.

— Теперь я это понимаю,— сухо сказала Валери. Потом горестно воскликнула:— Да какого черта! Сейчас-то какое это имеет значение? Ну отдадите вы меня в руки полиции. Скажете Пат. Скажете инспектору... Да хоть всему миру! Что толку от этого сейчас? Разве это поможет найти убийцу Селии?

Пуаро встал.

Внезапно открылась дверь, и вошла миссис Хаббард. Она тяжело дышала, а лицо у нее было такое, что Валери воскликнула:

— Что стряслось, ма? В чем дело?

Продолжение на стр. 44

Мужчина и женщина, или Юмористы о любви и не только о ней...

Он встречал удары судьбы как истинный мужчина — сваливая все свои несчастья на жену.

Вернувшись домой после бриджа, жена застала мужа за пришиванием пуговицы.

— У тебя наперсток не на том пальце, — заметила она.

— Конечно. Он должен быть на твоём, — окрысился муж.

Красивая француженка по имени Николь жила в провинции, где ее постоянно преследовали многочисленные поклонники. Она никак не могла решить, на ком остановить свой выбор, и поэтому спросила совета у матери.

— Дитя мое. У тебя есть два выхода. Ты останешься старой девой, ища мужа каждый день, либо выйдешь замуж и будешь

искать своего мужа каждую ночь.

Шегги признается своему другу Барри:

— Больше всего мне нравятся девушки, которые указывают на дверь, потом дают ключ и приказывают закрыть ее изнутри.

Один бизнесмен и его жена решили совершить круиз в Европу. Когда они приехали в порт, муж недовольно оглядел груды чемоданов и сказал:

— Ты бы еще захватила пианино.

— Ты находишь это очень смешным? — недобро спросила она.

— Куда уж мне, — угрюмо ответил муж. — Просто я забыл на нем наши билеты.

Кенмор не видел своего друга Брайта около 30 лет, и, к своему удивлению, насчитал в его доме 17 детей.

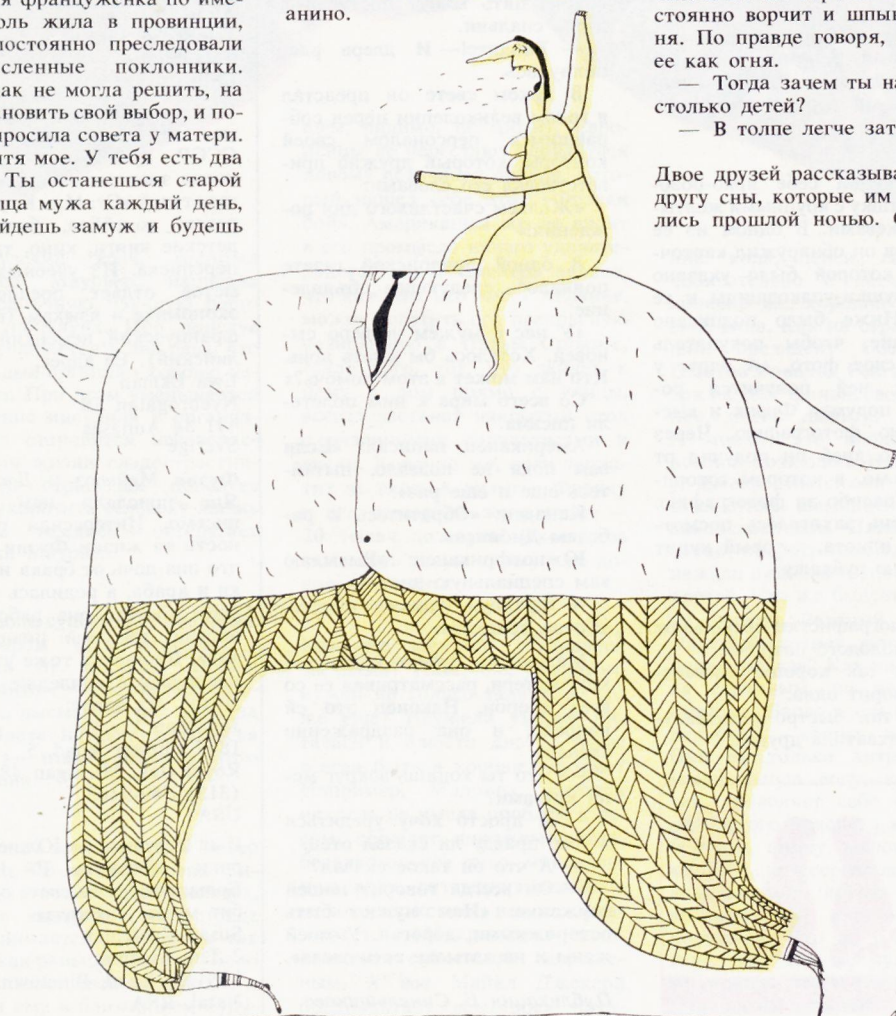
— Вы, должно быть, очень хорошо живете со своей женой, — заметил Кенмор.

— Да что ты! — возразил Брайт — маленький, смирный человечек лет сорока. — Она постоянно ворчит и шпыняет меня. По правде говоря, я боюсь ее как огня.

— Тогда зачем ты настрогал столько детей?

— В толпе легче затеряться.

Двое друзей рассказывали друг другу сны, которые им приснились прошлой ночью. Один из

них рассказал, что побывал ночью в Атлантик-Сити, где наслаждался достопримечательностями.

— А я,— ответил второй,— оказался в комнате наедине с Бриджит Бардо. Потом вдруг на самом интересном месте заходит Джейн Мэнсфильд. Всю ночь промучился, не зная, которую из них выбрать.

— Ну вот! Друг называется. Не мог позвонить мне.

— А я звонил, но жена ответила, что ты в Атлантик-Сити.

Дэнни Дейпер, щуплый мужчина маленького роста, загорал на пляже в Копи-Айленде вместе со своей женой. Он заметил, что она не отрывает глаз от сидевшего неподалеку крупного, широкоплечего красавца. Не выдержав, Дэнни повернулся к ней и сказал:

— Зря ты палишься на него, дорогая. Вспомни, у нашего соседа гараж на два «кадиллака», а он держит там велосипед.

Фрэнк купил себе ярко-розовую рубашку с крупными желтыми кружевами. В одном из ее карманов он обнаружил карточку, на которой было указано имя девушки-упаковщицы и ее адрес. Ниже было подписано пожелание, чтобы покупатель выслал свое фото. «А вдруг у меня с ней получится роман?»— подумал Фрэнк и выслал свою фотографию. Через несколько дней он получил от нее письмо, в котором говорилось: «Спасибо за фотографию. Мне очень захотелось посмотреть на идиота, который купит эту дикую рубашку».

Две стенографистки обсуждают своего молодого патрона:

— Он так хорошо одевается,— говорит одна.

— И так быстро раздевается,— подхватила другая.

Шеф одной крупной конторы принял на работу новую стенографистку-красавицу, сексуальную блондинку с длинными волосами и умопомрачительными ногами. Через неделю этот почтенный женатый человек решил пригласить ее в ресторан, чтобы якобы отпраздновать свой день рождения. Она приняла предложение с тем условием, что они пойдут к ней домой. Он с радостью согласился.

Вечером следующего дня они поехали к ней на квартиру, где в интимной обстановке поужинали и выпили прекрасного коньяка. Через некоторое время блондинка сказала ослабленному шефу:

— Дорогой, я пошла в спальню, а минут через пять заходи и ты.

Босс быстро разделся и спустя пять минут постучал в дверь спальни.

— Входите!— И дверь распахнулась.

В ярком свете он предстал в голом великолепии перед собравшимся персоналом своей конторы, который дружно приветствовал его словами:

«Желаем счастливого дня рождения!»

В одной лондонской газете появилось следующее объявление:

«У нас с мужем четверо сыновей. Хотелось бы иметь дочь. Кто нам может в этом помочь?»

Со всего мира к ним полетели письма.

Американец написал: «Если вам пока не повезло, попробуйте еще и еще раз».

Канадец: «Обратитесь к работам Диониса».

Южноафриканец: «Высылаю вам специальную диету».

А француз ответил просто: «Готов приехать».

Маленький Эгберт ходил вокруг матери, рассматривая ее со всех сторон. Наконец это ей надоело, и она раздраженно сказала:

— Что ты ходишь вокруг меня кругами?

— Я просто хочу убедиться в том, правду ли сказал отец.

— А что он такое сказал?

— Он всегда говорит нашей служанке: «Нам нужно быть осторожными, дорогая. У моей жены и на затылке есть глаза».

ДРУЗЬЯ ПО ПЕРЕПИСКЕ

Сразу три филиппинки прислали нам письмо с пожеланием обрести друзей среди читателей «Ст. М.». Их имена: Присила (19 лет), Мария (20), Раквел (23). И хотя они сейчас изучают русский язык, писать им лучше по-английски по адресу:

c/o Cultural Section of USSR Embassy

144 Jupiter St, Bel Air 2 Makati, Metro Mla., Philippines

18-летний Александр Фигероа Вехар интересуется жизнью советских студентов. Он будет особенно рад, если получит отклики, написанные по-испански, от жителей Средней Азии, Кавказа, Прибалтийских республик.

Alejandro Fegueria Vejar
Jotabeche 3366. Las Salinas
Talcahuano — 8va Region, Chile

Шведка Эва Экман (18 лет) мечтает лучше узнать жизнь в СССР, куда хочет приехать после знакомства с кем-то из читателей «Ст. М.». Круг интересов: волейбол, бадминтон, детские книги, кино, танцы и переписка. Из учебных предметов отдает предпочтение экономике и языкам (изучает французский, немецкий и английский). Ее адрес:

Ewa Ekman
Nybrogatan 5B
441 34 Aungas
Sverige

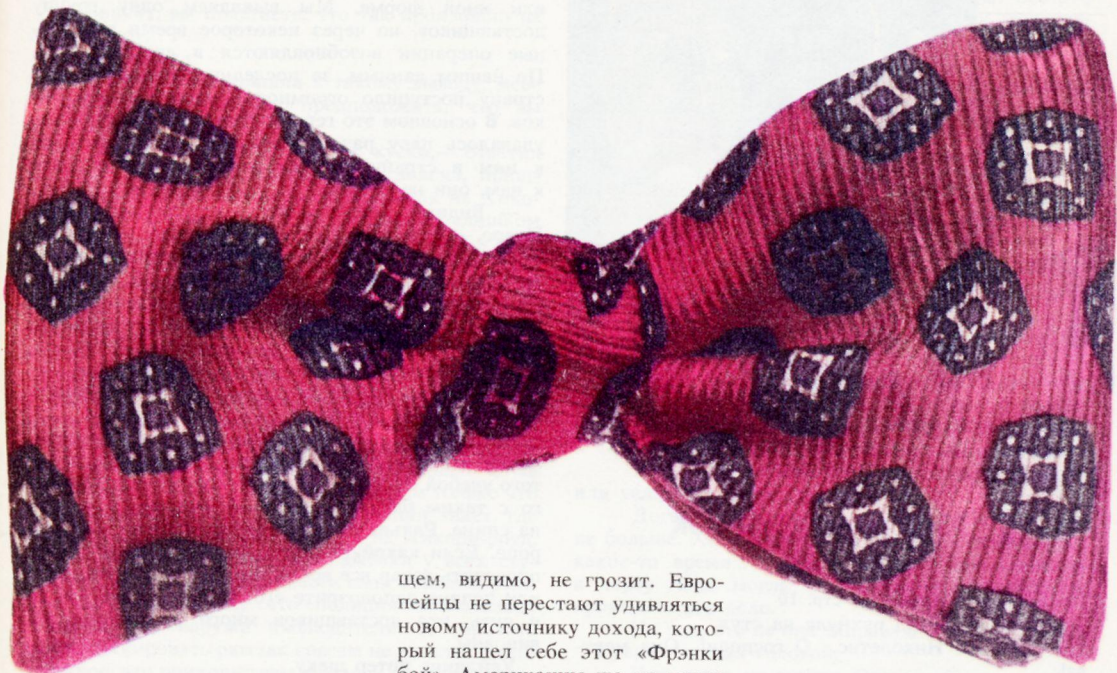
Фузия Меймюз и Джонатан Янг прислали нам общее письмо. Интересная подробность из жизни Фузии в том, что она дочь от брака индианки и араба, а родилась в Найроби. Сейчас она работает в церкви, где они познакомились. Джонатан тоже учитель, преподает в колледже социологию. Их адрес:

Jonathan Young
1847 Chester Road, 5
Royal Oak, Michigan 48073
(313) 549-9463
USA

Имя девушки из Южной Африки — Сюзанна. Ей 19 лет. Больше всего на свете она любит музыку «Битлз».

Susan Crutchley
2 The Crofters
Lilyvale Road, Pinetown, 3600
Natal, RSA

Публикация Е. Синельщикова

Французский врач, госпожа Мартина Маурьер, написала 200-страничную научную работу о... поцелуях. При поцелуе пульс учащается в два раза, что не каждый организм хорошо переносит. При этом уменьшается выделение инсулина в организме, что становится небезопасным для жизни сладострастников. 30 страстных поцелуев могут укоротить человеку жизнь на 12 месяцев — остерегайтесь, госпожа Маурьер.

В Лондоне существует ресторан, в котором весь персонал — начиная от кухарки, кончая официантом — состоит из абсолютно... лысых. «У нас никогда не найдете ни одного волоска в супе!» — гласит реклама этого ресторана.

Известный американский актер и певец, 73-летний Фрэнк Синатра, — очень богатый человек, уже не выступает на эстраде и не снимается в фильмах так часто, как раньше. Однако умело зарабатывает свои миллионы, и нищета ему в ближайшем буду-

щем, видимо, не грозит. Европейцы не перестают удивляться новому источнику дохода, который нашел себе этот «Фрэнки бой». Американцы же не видят в его промысле ничего удивительного. Итак, Синатра заявил, что каждый, кто имеет желание, может посетить его прекрасную резиденцию в Пальм-Спрингс. Мало того, тот, кто зайдет к нему в дом прямо с улицы, всегда застанет накрытый стол с различными деликатесами и виски. Конечно же, если заплатит за вход. А визит к Фрэнку и его четвертой жене стоит — 20 тысяч долларов! Охотников заплатить такую сумму уже довольно много...

Как же все-таки становятся звездами? Наверное, для этого нужен не только талант. А что же еще? Неужели умение питаться и блюсти диету, чтобы всегда быть в хорошей форме? Например, Мадонна, которая никогда не имела проблем с весом, обожает пирожные, колу, безалкогольное пиво, минеральную воду, витаминизированное молоко, и, кстати, иногда захаживает в «Макдоналдс» полакомиться сладеньким мороженым. А вот Майкл Джексон предпочитает «быстрое» пита-

ние: кола, пепси, гамбургеры (обязательно с кетчупом) и, конечно же, хорошие французские вина. Как ни странно, бывший президент Соединенных Штатов Рональд Рейган, несмотря на свое финансовое положение, очень любит... консервы. А может, это проделки экономной хозяйки Нэнси? Зато у Джека Николсона классический стиль: шампанское и мексиканское пиво. Джек предпочитает съесть свой ужин дома, нежели принимать приглашения друзей. Что же бывает у Джека на ужин? Зеленый горошек, жареный куринок, ветчинка. Не плохо, правда? Как ни покажется странным, но на питание Бриджит Бардо очень влияют ее любимцы — кошки и собаки. Она не только литрами пьет минеральную воду, курит жиган, позволяет себе стаканчик недорогого красного вина, гамбургеры, пиццу, молоко и яйца, но и... консервированные лакомства для кошек и собак, которые она ест огромными порциями. Что ж, у всех свой вкус. Так что же нужно, кроме таланта, чтобы стать звездой? Отнюдь не питание!

Агата Кристи

Хикори-дикори-док

Продолжение. Начало на стр. 10

Миссис Хаббард рухнула на стул.

— Миссис Николетис... О господи!.. Она мертва!..

— Мертва? — переспросила Валери хриплым голосом. — Как? Когда?..

— Кажется, вчера вечером ее подобрали на улице... Привезли в полицейский участок... Они решили, что она... она...

— Пьяна? Я думаю...

— Да... Она что-то пила... И все-таки... она умерла... Это моя вина! Зря я позволила ей идти домой в одиночку... Она чего-то боялась, понимаете?

— Боялась? — одновременно выговорили Пуаро и Валери.

Миссис Хаббард печально кивнула головой.

— Да. Она все время повторяла, что находится в опасности. Я попросила ее рассказать, чего она боится... Но она только набросилась на меня. А у нее трудно было понять, где правда, а где только фантазии. Но теперь... мне кажется...

— Вы думаете... — вмешалась Валери. — По-вашему, она тоже...

Голос у нее прервался, в глазах появился ужас.

В тихой комнате в помещении нового Скотланд-Ярда за столом сидели четверо. Руководил совещанием суперинтендант Уайлдинг из отдела по борьбе с наркотиками. Рядом с ним сидел сержант Белл, очень похожий на взявшую след собаку-ищейку. Здесь же, откинувшись на спинку стула, располагался инспектор Шарп. Четвертым был Эркуль Пуаро. На столе перед ними лежал рюкзак.

— Интересная идея, мсье Пуаро, — суперинтендант Уайлдинг задумчиво потер подбородок. — Да, да, очень интересная идея.

— Пока всего лишь идея, как я сказал, — отозвался Пуаро.

— Мы определили основные позиции, — кивнул Уайлдинг. — Контрабанда идет все время, в той или иной форме. Мы выявляем одну группу доставщиков, но через некоторое время преступные операции возобновляются в другом месте. По нашим данным, за последние полтора года в страну поступило огромное количество наркотиков. В основном это героин. Французской полиции удавалось пару раз проследживать пути доставки к ним в страну, но как этот товар вывозится к нам, они не знают.

— Видимо, я не ошибусь, — вступил в разговор Пуаро, — если скажу, что вас интересуют три основные проблемы. Проблема распространения внутри страны, проблема ввоза в страну и, наконец, проблема обнаружения того, кто руководит всем этим бизнесом и получает основную прибыль. Но меня интересует в первую очередь одна проблема — проблема доставки наркотиков в страну.

— Значит, вы предполагаете это? — Уайлдинг ткнул пальцем в рюкзак.

— Да. Кого нам трудно заподозрить в преступлении в наши дни? Студента. Серьезного, занятого учебной работой. Небогатого, путешествующего с таким багажом, который умещается у него на спине. Развезжающего автостопом по всей Европе. Если какой-то определенный студент будет провозить товар все время, вы, без сомнения, рано или поздно заподозрите его. Или ее. Но в том-то и суть, что доставщиков много и все они невиновны.

Уайлдинг потер щеку.

— А как конкретно все это организовано?

Эркуль Пуаро пожал плечами.

— Относительно этого я могу только строить предположения. Вероятно, я ошибусь в деталях, но в принципе схема, очевидно, такова. Во-первых, на рынок выброшена партия рюкзаков. Это обычные рюкзаки, почти такие же, как и все другие, ладно сшитые, крепко сшитые, очень удобные. Но подкладка на дне у них другая, хотя это и незаметно. Как видите, прокладка легко вынимается, а ее толщина и форма позволяют разместить там партию камней или наркотиков. Если вам это неизвестно, вы ничего и не заподозрите. Чистый героин или кокаин занимают очень мало места.

— Совершенно верно. — Уайлдинг быстро измерил пальцами рюкзак. — Ну что ж, здесь можно поместить товара на пять-шесть тысяч фунтов стерлингов, а владелец рюкзака даже не заметит.

— Точно, — сказал Эркуль Пуаро. — Теперь дальше... Рюкзаки изготовлены, выброшены на рынок, продаются... Вероятно, не в одной лавке. Хозяину магазина просто предлагают по дешевке партию, и он находит это выгодным, потому что такие цены позволяют ему опередить конкурентов. Конечно, за всем этим стоит какая-то организация. Она составляет список студентов Лондонского университета, медиков, да и многих других. Во главе организации стоит студент или человек, выдающий себя за студента. Когда кто-то из студентов отправляется за рубеж туристом, в удобное время перед его возвращением рюкзак у него подменяют точно таким же. Студент возвращается в Англию, таможенный досмотр производится поверхностно. Турист приез-

жает в свой пансионат, освобождает рюкзак и бросает его в шкаф или в угол комнаты. Теперь можно либо снова заменить рюкзак, либо просто аккуратно вытащить фальшивое дно и заменить его другим.

— Значит, вы полагаете, что так произошло на Хикори-роуд?

Пуаро кивнул.

— И как же вы пришли к такому выводу, мсье Пуаро?... Если, конечно, предположить, что вы правы?

— Рюкзак был разрезан на куски, — ответил Пуаро. — Зачем? Так как причина неясна, пришлось прикидывать варианты. В рюкзаках на Хикори-роуд есть одна общая странность: они слишком дешевы. Ключ к загадке я получил, когда узнал, что рюкзак был уничтожен примерно в тот день, когда в пансионат пришел полицейский офицер. На самом деле полиция интересовалась совсем другим делом, но у меня уже сложилась определенная версия. Вы связаны с контрабандой наркотиков. Приходите домой вечером и узнаете, что наверху, у миссис Хаббард, находится полицейский. Вы тут же решаете, что полиция напала на ваш след и что проводится расследование. А тут как раз в доме есть, предположим, рюкзак, доставленный из-за рубежа с контрабандой... Или в котором только что была контрабанда... Ну а если полиция знает, где искать, она, разумеется, прибыла на Хикори-роуд, чтобы немедленно проверить рюкзаки у всех студентов. Вы не решаетесь унести свой опасный рюкзак из дома, потому что полиция обязательно оставила бы снаружи наблюдателя. А спрятать или замаскировать рюкзак совсем не просто. Единственное, что приходит вам в голову, спрятать рюкзак в котельной среди всякого хлама. Камни или наркотики, если они у вас есть, вы можете спрятать, скажем, в коробке от соли для ванной — временно, конечно. Но даже пустой рюкзак могут тщательно осмотреть или отдать на анализ, и следы наркотика будут обнаружены. Поэтому рюкзак нужно уничтожить... Согласны, что это вполне вероятно?

— Идея очень интересная, — подтвердил суперинтендант.

— И еще. В тот день, когда в пансионате была полиция, в холле не стало света. Джеронимо пошел за запасными лампочками и обнаружил, что они тоже исчезли. Так вот, похоже, что среди жильцов был кто-то замешанный в контрабанде и опасался, что его внешность известна полиции, а значит, они узнают его при ярком свете. Поэтому он вывинтил лампочки в холле и спрятал запасные. В результате холл осветили свечами. Но это, разумеется, чистое предположение.

— Идея остроумная, — заметил Уайлдинг. — Но если так, значит, дело не ограничивается пансионатом на Хикори-роуд, и преступная организация охватывает, очевидно, целый ряд студенческих клубов и других заведений. Надо найти связь между ними.

Инспектор Шарп наконец-то прервал молчание.

— Связь есть, сэр, — заявил он. — Вернее, была. Это женщина, которая владела несколькими студенческими клубами и пансионатами. Женщина, которая часто бывала на Хикори-роуд. Миссис Николетис, хозяйка всех этих заведений. Но я подозреваю, что она была подставной фигурой.

— Гм, — произнес Уайлдинг. — Думаю, что было бы интересно разузнать побольше о миссис Николетис.

— Мы ведем расследование, — сказал Шарп. — Ее происхождение, откуда она приехала. Все это мы тщательно проверим. Разумеется, так, чтобы не спугнуть наших птичек. Мы проверим и ее финансовые дела.

Он рассказал о поведении миссис Николетис во время обыска.

— Бутылки из-под бренди, вот как! — сказал Уайлдинг. — Значит, она пьянствовала?... Ну что ж, это упрощает дело...

— Нет, сэр. Она мертва.

— Мертва? — Уайлдинг поднял брови. — По-вашему, это случайность?

— Пожалуй, да. После вскрытия узнаем точно. На мой взгляд, она сломалась. Может быть, не ожидала убийства...

— Вы имеете в виду Селию Остин? Эта девушка знала что-нибудь?

— Что-то она знала, — вмешался Пуаро. — Но, если можно так выразиться, она сама не знала, что знает. Скорее всего она не могла сообразить, в чем дело. Но что-то она видела или слышала.

— Вы не предполагаете, что она могла увидеть или услышать, мсье Пуаро?

— Догадки у меня есть, — сказал Пуаро. — Но не больше. Хозяйка потихоньку пьянствовала уже какое-то время... Значит, нервы у нее были ни к черту. Она могла окончательно сломаться и провалить все дело.

— Но ведь это не она заправляла всем рэкетом? Пуаро покачал головой.

— Нет, я так не думаю. Она вся была на виду. Конечно, знала о том, что делается, но не в ее голове родился весь этот план. Нет!

— А кто, по-вашему, мог все придумать?

— У меня есть предположение... Но я могу ошибаться... Да, очень возможно, что я ошибаюсь!

— Хикори-дикори-док, — пробормотал Найджел, — мышка украла пирог. В норку забралась, но полиция враз узнала, где спрятан пирог... — помолчав, он добавил: — Говорить или не говорить — вот в чем вопрос!..

— Говорить что? — спросил Лен Бейтсон.

— Все, что каждый из нас знает, — ответил Найджел, махнув рукой.

— Разумеется, говорить! — сказала Джин Томлинсон. — Если у кого-то есть сведения, которые могут быть полезны, конечно же, надо сообщить их полиции.

— Говорить — что? — повторил Лен Бейтсон.

— Вещи, которые мы знаем, — сказал Найджел. — Каждый — о каждом, вот что я имею в виду. В конце концов, — бодро продолжил он, — мы ведь знаем друг про друга немало всяких разных вещей, не так ли?

— Но кто решит, что важно, а что нет? Есть много такого, что полицию вовсе не касается, — сказал Акибombo.

— По моему мнению, — рассудительно заявил Колин Мак-Набб, — мы имеем право знать обстановку. Отчего в действительности умерла миссис Ник?

— Я думаю, из-за сердца, правда? — сказала Патриция. — Она ведь упала на улице.

— Пьяная до беспамятства, — заявил Лен Бейт-

сон.— Ее подобрали и отправили в участок.

— Значит, она все-таки пила... — отменила Джин.— Знаете, я всегда это подозревала.

— Ухм!— Колин прочистил горло.— Случайно я видел, как она зашла в «Ожерелье королевы» в субботу вечером, я как раз возвращался домой.

— Там она и заправилась, наверное,— заметил Найджел.

— Кровоизлияние в мозг?— Лен Бейтсон покачал головой.— Очень сомневаюсь.

— Боже мой, неужели ты думаешь, что она тоже убита?— спросила Джин.

— Держу пари, что да,— заявила Салли Финч.— Меня уже ничто не удивит.

— У нас нет пока что оснований так думать,— сказал Колин.

— Это была невыносимая женщина, дорогуша,— сказал Найджел.— Уверен, что каждый из нас порою готов был ее убить. Я, во всяком случае, часто,— заключил он, с аппетитом поглощая мармелад.

— Пожалуйста, мисс Салли, можно мне задать вам вопрос? После разговора за завтраком я много думал...

— Ну, Акибомбо, на твоём месте я бы не думала так много,— сказала Салли.— Это вредно для здоровья.

Салли и Акибомбо вместе ели ленч на свежем воздухе в Риджентс-парке. Официально лето уже началось, и ресторан был открыт.

— Целое утро,— хмуро продолжал Акибомбо,— я не знал покоя. Даже не мог дать хорошие ответы на вопросы моего профессора. Мне вообще было очень трудно думать о чем-то, кроме того, что происходит на Хикори-роуд.

— Ну ладно, тогда выкладывай, о чем ты думал.

— Ну, это бор... боро... ная.

— Бо-ро-на-я?... А, борная! Так что с нею?

— Это ведь кислота, так правильно? Такая же, как серная?

— Как серная? Ну что ты, совсем не такая,— ответила Салли.— Она вполне безвредная и слабая, ее даже можно закапывать в глаза!

— Ага, тогда все понятно. Мистер Чандра Лал — у него была маленькая белая бутылочка с белым порошком, он разводил порошок горячей водой и промывал глаза. Он держал ее в ванной комнате, а однажды ее там не оказалось, и он был очень сердит. Это и была бор... ная, так?

— Послушай, при чем тут борная?

— Скоро я тебе скажу. Только, пожалуйста, не сейчас. Я еще немного подумаю.

— Ладно, только не суй свой нос куда попало,— сказала Салли.— Мне б не хотелось, чтобы следующим трупом оказался ты, Акибомбо.

— Найджел, я обязана тебе кое-что сказать.

— В чем дело, Пат?— Найджел яростно рылся у себя в шкафу.— Куда, к черту, подевались мои бумаги. По-моему, я сунул их куда-то сюда.

— Мне надо в чем-то тебе признаться.

— Надеюсь, не в убийстве? — с привычным легкомыслием спросил Найджел.

— Ну, разумеется, нет!

— И то хорошо. Итак, в чем же твое прегрешение?

— Однажды я штопала твои носки, потом при-

несла в твою комнату и положила в шкаф... А там была бутылочка с морфием. Та, про которую ты мне говорил. Которую ты взял в больнице.

— Ну и что? Из-за этого столько шума?

— И я побоялась оставить ее здесь. Хотя я знала, что ты собирался избавиться от нее после того, как выиграешь пари. Но решила, что нельзя ее так оставлять. Взяла бутылочку, высыпала яд и насыпала туда обычную соду.

Найджел перестал рыться в шкафу.

— О господи!— сказал он.— Это правда? Ты хочешь сказать, что, когда я поклялся Лену и старине Колину, что в бутылочке морфий, на самом деле там была простая пищевая сода?

— Но ведь, Найджел, было очень опасно держать здесь яд.

— О господи, Пат, ты вечно делаешь много шума из ничего. Куда ты девала морфий?

— Я пересыпала его в бутылочку из-под соды и спрятала у себя в шкафу за носовыми платками.

Найджел сокрушенно посмотрел на нее.

— Знаешь, Пат, твою логику порой невозможно понять. Зачем ты это сделала?

— Так было безопаснее, я это чувствовала. Я вообще не хотела тебе говорить об этом, но теперь приходится. Понимаешь, он... пропал.

— Значит...— Найджел в ужасе уставился на нее.— Постой, давай разберемся... Значит, где-то сейчас болтается бутылочка с сульфатом морфия и надписью: «натрий бикарбонат», и в любой момент кто-то может проглотить чайную ложку его, чтобы вылечиться от изжоги? О господи, Пат! Что же ты натворила! Если уж утащила морфий, так какого черта не высыпала его?

— Я не хотела его высыпать, я подумала, что он дорогой, и хотела вернуть его в больницу. Я собиралась попросить Селию положить его на место.

— Но ты не сделала этого?

— Нет, конечно, нет. Ты хочешь сказать, что я отдала ей морфий, а она выпила его и так покончила с собой?

— Успокойся... Когда он пропал? Накануне ее смерти?

— Наверное,— побледнев, сказала Патриция,— я вела себя страшно глупо.

— Это еще мягко сказано,— произнес Найджел.— Недаром говорят, что совестливый дурак опаснее врага.

— Найджел... ты думаешь, мне надо заявить в полицию?

— Ах ты черт!— воскликнул Найджел.— По-моему, надо. И получится, что во всем виноват я.

— Да нет, Найджел, нет же, милый, это я... Это я!..

Найджел вскочил на ноги.

— Пошли к тебе в комнату и пороемся там как следует...

— Найджел, это же мое нижнее белье...

— Послушай, Пат, брось это к черту, теперь не до стыдливости. Ни в чем нельзя быть уверенным, пока не перероем все.

Раздался легкий стук в дверь, и вошла Салли Финч. Ее глаза расширились от удивления. Пат, с целой охапкой мужских носков, сидела на кровати, в то время как Найджел, распахнув шкаф, с энтузиазмом напавшего на след терьера рылся в ящиках, а вокруг него в беспорядке валялись шта-

L. 26462

нишки, бюстгальтеры, чулки и другие предметы женского туалета.

— Спаси и помилуй,— произнесла Салли,— что здесь происходит?

— Ищем соду,— ответил Найджел.— У меня болит ням-ням, и ничего, кроме соды, мне не поможет.

— По-моему, у меня где-то есть немного.

— Не годится, Салли, у Пат специальная сода. Только этот сорт облегчает мои страдания.

— Совсем чокнулся,— заявила Салли.— Что с ним, Пат?

Патриция с жалким видом покачала головой.

— Ты не видела мою соду, Салли, а?— спросила она.— Чуть-чуть на донышке бутылки?

— Нет.— Салли с любопытством посмотрела на Пат. Потом она нахмурилась.— погоди-ка!.. Кто-то у нас... Нет, не помню... У тебя есть марка, Пат? Мне надо отправить письмо.

Пат достала альбом с марками, вынула одну, сушила альбом обратно в ящик.

— Спасибо,— сказала Салли.— Твои письма заодно не отправить?

— Нет, спасибо, я сама потом...

Салли кивнула и вышла из комнаты.

— Найджел, дорогой... Как это ужасно!.. Мне очень жаль...

— Ну ладно, хватит об этом! Вспомни-ка по-лучше, Пат, что ты сделала с морфием? Закрой глаза и думай, думай!..

Сидя в одной из комнат полицейского участка, Найджел с трудом выдерживал суровый взгляд инспектора Шарпа. Слегка запинаясь, он только что довел до конца свой рассказ.

— Значит, вы говорите, что мисс Лейн не помнит, когда она в последний раз видела эту бутылочку из-под соды, содержащую морфий?

— Она все перепутала. Чем больше она думает, тем меньше у нее уверенности. Она сказала, что я действую ей на нервы. Вот я и пошел сюда, пока она там думает.

— Давайте-ка лучше прямо сейчас отправимся на Хикори-роуд.

Как раз в этот момент зазвонил телефон, полицейский, который записывал показания Найджела, протянул руку и поднял трубку.

— Это мисс Лейн,— послушав, сказал он.— Просит мистера Чэпмена...

Найджел перегнулся через стол и взял трубку.

— Пат? Это Найджел.

Голос девушки звучал возбужденно, она задыхалась, слова у нее как бы не поспевали за мыслями.

— Найджел! По-моему, я нашла его! Я хочу сказать, что знаю теперь, кто, должно быть, взял его... Ну, ты знаешь откуда — из шкафа, из-под платков. Я хочу сказать, что только один человек...

Голос оборвался.

— Пат! Алло! Ты где? Кто это был?

— Я не могу сейчас это сказать... Позднее. Ты сейчас приедешь?

Найджел держал трубку так, чтобы и полицейский, и инспектор могли отчетливо слышать разговор. В ответ на вопросительный взгляд Найджела инспектор кивнул.

— Скажите ей, что мы едем немедленно, — сказал он.

— Мы сейчас же приедем, — сказал Найджел. — Через минуту будем!

На Хикори-роуд ехали стремительно, в полном молчании. Шарп прикидывал про себя, не наступил ли наконец переломный момент в ходе расследования. Есть ли у Патриции Лейн четкие свидетельства или опять только догадки? Ясно одно: она вспомнила что-то такое, что кажется ей очень важным. Вероятно, она звонила из холла и поэтому остерегалась говорить прямо.

Найджел своим ключом открыл входную дверь пансионата, и они вошли. Сквозь отворенную дверь гостиной Шарп заметил взъерошенную рыжую голову склонившегося над книгами Леонарда Бейтсона.

Найджел первым поднялся по лестнице и прошел по коридору к комнате Пат. Он коротко постучал в дверь и вошел.

— Эй, Пат! А вот и...

Голос у него оборвался. Не двигаясь с места, он издал странный, капающий звук и умолк. Заглянув ему через плечо, Шарп увидел Патрицию Лейн безжизненно лежащей на полу.

— Нет! — сказал Найджел высоким голосом. — Нет! Нет! Нет!..

— Да, мистер Чэпмен. Она мертва.

— Нет! Нет!.. Только не Пат!.. Милая глупая Пат!.. Как?..

— Вот этим.

Оружие было простое и всегда под рукой. Мраморное пресс-папье, засунутое в шерстяной носок.

— Ее ударили по затылку. Очень эффективное оружие. Если это вас хоть немного утешит, мистер Чэпмен, скажу, что она вряд ли даже поняла, что случилось.

Весь дрожа, Найджел сел на кровать. Он с трудом произнес:

— Это мой носок... Она собиралась его починить... О господи Боже ты мой! Она хотела его заштопать!..

И он заплакал. Он рыдал, как ребенок, — бурно и неужержимо.

Шарп продолжал размышлять.

— Это совершил кто-то, кого она хорошо знала. Убийца взял носок и тут же сунул туда пресс-папье. Вы знаете это пресс-папье, мистер Чэпмен?

Найджел, все еще всхлипывая, взглянул на пресс-папье.

— Пат всегда держала его у себя на столе. «Лев из лондерна». — Он закрыл лицо руками. — Пат... О Пат!.. Что я буду без тебя делать...

Внезапно он распрямился, откинув назад спутанные светлые волосы.

— Я убью того, кто это сделал! Я убью его! Я прикончу эту свинью!

— Успокойтесь, мистер Чэпмен. Да, да, я понимаю ваши чувства. Грязная работа.

Произнося утешительные слова, инспектор Шарп вывел Чэпмена из комнаты. Затем вернулся туда один. Он склонился к мертвой девушке и очень осторожно вытащил что-то из ее руки.

Джеронимо затравленно переводил взгляд с одного лица на другое, по щекам у него градом катился пот.

— Ничего не видеть, ничего не слышать, говорить честно. Не знать совсем ничего. Я был с Марией в кухне. Я включить плиту и заниматься сыром...

Шарп прервал этот отчет.

— Вас никто не обвиняет. Нам только надо кое-что уточнить. Кто входил и выходил из дома за последний час?

— Я не знаю... Как я могу знать? В это время дня люди заходят и выходят часто.

— Кто находился в доме с шести часов до нашего прибытия, до шести тридцати пяти?

— Все, кроме мистера Найджела, миссис Хаббард и мисс Хобхаус.

— Когда они вышли?

— Мисс Хаббард — она выходит перед чаем, еще не вернуться.

— Дальше.

— Мистер Найджел выходит около пол часа назад, около шести, — очень печальны. Он вернуться с вами...

— Это верно, дальше.

— Мисс Валери... Она выходит в шесть часов. Сигнал времени — пи-пи-пи. Одета для коктейля, очень красивая, еще не вернуться.

— Все остальные здесь?

— Да, сэр, все здесь.

Шарп взглянул на запись в своем блокноте. Там было отмечено время, когда позвонила Патриция, — шесть часов восемь минут, совершенно точно.

— Значит, все были здесь, в доме? Никто не возвратился за это время?

— Только мисс Салли. Она ходить с письмом к почтовому ящику и вернуться...

— Вы помните точно, когда она вернулась?

— Она приходит, — Джеронимо нахмурился, — когда еще передавать новости.

— Выходит, после шести?

— Да, сэр.

Шарп мрачно улыбнулся. Поле деятельности открывалось широкое. Исключить можно было только Найджела Чэпмена, Валери Хобхаус и миссис Хаббард. Предстояли долгие, изнурительные допросы.

И все же задача должна быть решена.

Атмосфера в комнате миссис Хаббард была угрюмая. Сама миссис Хаббард, не сняв верхней одежды, с испуганным лицом, присела на софе. Шарп и сержант Кобб устроились за маленьким столиком.

— Думаю, что она звонила отсюда, — сказал Шарп. — Шесть часов восемь минут... около этого времени множество людей входило и выходило из гостиной, но никто не видел и не слышал, чтобы в холле говорили по телефону. Патриция Лейн приходит сюда позвонить по телефону, она пот-

рывается тем, что вдруг вспомнила. В тот момент, когда она разговаривает, дверь открывается и кто-то заглядывает или заходит. Патриция закружится и вешает трубку. Почему? Из-за того, что вошедший как раз и был тем, чье имя она хотела назвать? Или она просто поосторожничала? Возможно и то и другое. Лично я склоняюсь к первому предположению.

Миссис Хаббард возбужденно закивала головой.

— Кто бы это ни был, он мог проследить, как она шла сюда, и подслушивать у дверей.

Лицо Шарпа помрачнело еще сильнее.

— Хорошо, мистер Акибомбо, — смирясь, произнес инспектор Шарп. — Давайте послушаем, пожалуйста, что вы хотели бы нам сообщить.

Акибомбо устроился на предложенном ему стуле.

— Видите ли, дело в том, что меня иногда беспокоит желудок.

— Вот как!..

— Болит живот. Так это называет мисс Салли. Но я вовсе не болею, меня то есть не тошнит.

Инспектор Шарп едва сдерживал смех, выслушивая все эти медицинские подробности.

— Да, понятно, — сказал он. — Очень сочувствую.

— Это, наверное, из-за непривычной пищи. Я чувствую, что у меня полно здесь. — Акибомбо точно показал, где именно. — Тогда я говорю себе: мало мяса и слишком много того, что вы называете углеводами. Тогда я пью таблетку соды с мятой, а иногда — желудочный порошок. В общем, неважно, что именно, все равно начинается... ну, пучит живот и выходит воздух — вот так. — Акибомбо громко и очень реалистично рыгнул. — После этого, — он снова ангельски улыбнулся, — я чувствую себя гораздо лучше, намного лучше.

Лицо инспектора медленно наливалось кровью. Миссис Хаббард начальственным голосом заявила:

— Мы все поняли относительно этого. Теперь переходим к следующей части...

— Да, конечно. Так вот, я говорю, что это случилось со мною в начале прошлой недели... Не помню точно, в какой день. Очень вкусные макароны, я съел много и почувствовал очень плохо. Я попробовал готовиться к занятиям с моим профессором, но очень трудно думать, когда так полно здесь. — Акибомбо снова точно отметил место. — Это было после ужина в гостиной, там была только Элизабет, и я сказал ей: «У тебя есть сода или желудочный порошок, у меня кончились?» И она сказала: «Нет. Но, — сказала она, — я видела что-то у Патриции в шкафу, когда клала на место носовой платок, который она мне одолжила. Я сейчас принесу, — сказала она. — Пат не станет возражать». И вот она поднялась на второй этаж и вернулась с бутылочкой соды. Там оставалось очень мало, на самом доньшке, почти пусто. Я поблагодарил ее, пошел в ванную комнату, высыпал почти все, около чайной ложки, в воду, размешал и выпил.

— Чайную ложку? О, господи! Чайную ложку!..

Инспектор устался на Акибомбо как зачарованный. Сержант Кобб подался вперед. Миссис Хаббард пробормотала:

— Распутин!

— Значит, вы проглотили чайную ложку морфия?

— Конечно! Я думал, что это сода.

— Да, да... Не могу только понять: как вы ухитряетесь еще сидеть здесь, перед нами...

— Но потом, после этого, я заболел, я по-настоящему заболел. В желудке не давило, а болело. Адская боль!

— Распутин! — повторила миссис Хаббард. — Ему давали яд несколько раз, все больше и больше, но не могли его отравить.

Акибомбо продолжил:

— Поэтому назавтра, когда мне полегчало, я отнес бутылочку с остатками порошка аптекарю и попросил сказать, что я выпил такое, отчего мне было так плохо.

— И он?..

— И он сказал, чтобы я заглянул попозже. А когда я пришел попозже, он сказал: «Неудивительно! Это не натрия бикарбонат, это борная кислота. Ею можно промывать глаза, это так, но если вы выпьете чайную ложку, то вам станет плохо».

— Борная? — инспектор недоуменно уставился на Акибомбо. — Но каким образом борная кислота попала в эту бутылочку? А что тогда случилось с морфием? — И он тяжело вздохнул. — Ну и случай! Все перепуталось...

— И я стал думать, пожалуйста, — продолжал Акибомбо.

— И вы стали думать, — сказал Шарп. — И о чем же вы думали?

— Я стал думать о мисс Селии и о ее смерти и о том, как кто-то после ее смерти зашел к ней в комнату и оставил там пустую бутылочку из-под морфия и кусочек бумаги, где она написала, что убила себя сама...

Акибомбо остановился, инспектор кивнул головой.

— И тогда я спросил себя: кто это мог сделать? И я подумал, что для девушки это было бы просто, а для парня не так просто, потому что ему надо было бы спуститься по лестнице в своей части дома, подняться по лестнице в этой части, а кто-нибудь мог проснуться и услышать. Тогда я стал думать дальше и сказал себе: предположим, что это кто-то из нашего дома, но его комната по соседству с комнатой мисс Селии, только она в другой части дома... Вы понимаете? У него за окном есть балкон, у нее за окном — тоже балкон, и она спит с открытым окном, потому что это полезно. Поэтому если он высок, силен, как атлет, он может перепрыгнуть туда.

— Комната рядом с комнатой Селии в другой части дома... — произнесла миссис Хаббард.

— Минуточку, это комната Найджела и... и... Лена Бейтсона, — сказал инспектор. Он повертел в пальцах бумажный пакетик. — Лен Бейтсон...

— Он очень хороший, да, — грустно сказал Акибомбо. — Но психологически нельзя понять, что скрывается под внешней оболочкой. Это так, не правда ли? Это современная теория. Мистер Чандра Лал очень сердился, когда его борная пропала, а потом, когда я его спросил, он сказал, что ему стало известно, что ее взял Лен Бейтсон...

Окончание на стр. 53

Вы принесли щенка домой

Ведет рубрику Наталья Мальнева, студентка МВА имени К. И. Скрябина

Ваш маленький друг еще только осваивается и устраивается на новом месте, а уже возникло множество вопросов, и один из первых — чем же его кормить. Тем, кто приобрел щенка в клубе, несколько легче: им выдают небольшие пособия по уходу и кормлению. Хотя, к сожалению, нередко написаны они непрофессионально, а заводчики переписывают или перепечатывают их, порой не вдумываясь в даваемые советы и рекомендации, которые могут оказаться не только бесполезными, но и вредными.

Прежде всего это касается кормления и начальной дрессировки. Так, например, у некоторых собаководов-любителей распространено мнение, что собаки вполне могут питаться тем же, чем и мы. Видимо, они забывают о том, что собака — не всеядное, а плотоядное животное. И в ее рационе обязательно должны быть мясо, рыба в сочетании с кисломолочными продуктами, овощами

(кроме картофеля и бобовых) — и все это к тому же в сыром виде. Чего только не услышишь порой от «всезнающих знатоков» во дворах и на площадке — что от сырого мяса собаки «звереют», что оно ими не усваивается и т. д.

А кто-то с гордостью рассказывает о том, что его пес, дескать, питается только «геркулесом», запаренным на бульоне, и вот, поглядите, какой вымахал здоровенный и упитанный. Увы, это лишь видимость здоровья, к тому же лишь до поры до времени. Не секрет, что большинство городских собак страдают конъюнктивитом, и чем только их не лечат: капли каплют, мази закладывают, даже прибегают к весьма болезненной операции прижигания ляписом — все безрезультатно. А дело в простом — в неправильном питании. То же самое можно сказать и о причине различных кожных заболеваний — экземах, дерматите. Ну и, конечно, неверное или недостаточное кормление неизбежно отражается на внутренних органах — сколько встречается собак, еще молодых, но с гастритами, язвами желудка, энтеритами и гепатитами...

Век собачий, если заду-

маться, и так короток, а мы сокращаем его еще больше. Ведь, нарушая работу внутренних органов, таких, как печень, почки, желудок, мы нарушаем весь процесс нормальной жизнедеятельности организма, правильный обмен веществ, а это, в свою очередь, сказывается на сердце — и так далее, по цепочке. Эти разрушительные процессы не быстротечны, к тому же собака не может рассказать о своих недомоганиях, и чаще всего хозяева спохватываются слишком поздно.

Тут и начинает всплывать в памяти — вот как-то раз собака вдруг загрустила и отказалась от пищи, как-то раз рвота была, да вроде прошло потом... А ведь совсем недавно этот же хозяин не без хвастовства рассказывал на ежевечерних собачьих «гулянках», что его питомец съедал за день ведро каши или супа из отбросов и остатков со стола. И пусть такие владельцы собак не обижаются, но подобной пищей вообще-то кормят только поросят.

Мне могут резонно возразить — вот, рассуждаете о собачьем рационе, когда самим есть нечего. Думаю, что в таком случае просто не нужно заводить собаку — она ведь не виновата в том, что ей необходимо есть мясо, а вы не в состоянии ее им обеспечить. Впрочем, этот вопрос, на мой взгляд, спорный — в сотнях хозяйств на бойнях в мусорных ямах гниют тонны остатков от убоя: головы, конечности и т. д. Знаю, что многие хозяйства рады были бы от них избавиться, нужно только грамотно организовать доставку и продажу мясоотходов. Ряд клубов собаководства в последнее время пошли по этому пути и таким образом решили хотя бы частично проблему обеспечения своих подопечных мясом. Словом, неразрешимых трудностей не бывает.

Заканчивая короткий разговор о кормлении, хочу посоветовать: прежде чем дать что-то собаке, подумайте, могла бы она найти это в природе и насколько ей это будет полезно.

Вопросы из нашей почты

На первую публикацию «Питомника «Ст.М.» пришли сотни писем, и в каждом из них вопросы, просьбы, пожелания. Ответить на все — невозможно, и поэтому мы решили, что будем отбирать наиболее часто встречающиеся вопросы и давать необходимые, на наш взгляд, разъяснения.

— Что делать при обнаружении первых симптомов заболевания у собаки?

— В таких ситуациях желательно сразу же обращаться к квалифицированному специалисту. Самолечением ни в коем случае не заниматься. Не нужно испытывать на своей собаке все те методы лечения, которые вам рекомендуют соседи или знакомые собаководы. Многие из них, вылечив при помощи врача свою собаку от какой-то болезни, нередко считают, что они уже корифеи в этой области. А надо помнить, что большинство инфекционных заболеваний протекают очень похоже, с одинаковыми симптомами. Самолечением вы только ухудшите ситуацию, возможно, даже на время приостановите развитие болезни, как бы загнав ее вглубь, приглушив внешние проявления. А, значит, врачу в дальнейшем сложнее будет определить и распознать по этой смазанной картине истинные причины и формы заболевания, и соответственно — назначить лечение.

В одной из последующих публикаций мы подробнее остановимся на проблемах различных заболеваний, их предупреждения путем прививок и вакцинации.

Лабри, или пиренейская овчарка

Что за чудо эти пастушечьи собаки! Их уму, самоотверженности и преданности не перестают удивляться даже сами хозяева, которые, казалось бы, могли ко всему привыкнуть, изо дня в день наблюдая своих любимцев за работой...

Лабри, или малая пиренейская овчарка (просим не путать эту породу с так называемым пиренейцем, который по крайней мере в два раза крупнее, чем лабри, и внешне не имеет с ним

Характерные особенности лабри:

1. Собака, способная жить вне дома

2. Спасатель в горах

3. Пастух овец

ничего общего), — очень древняя порода, выведенная во Франции в результате произвольного скрещивания разных местных типов собак. Официальные стандарты были зафиксированы лишь в 1936 году, в то время, когда популярность лабри переросла границы пиренейских пастбищ и собаку все чаще стали заводить в крупных городах. С тех пор разведение этой породы неуклонно идет по нарастающей,

и сейчас можно смело сказать, что пиренейский малыш (вес собак едва достигает 8—12 килограммов, а рост колеблется в пределах от 38 до 48 сантиметров) прочно входит в десятку пород, пользующихся во Франции наибольшим спросом.

Лабри достаточно неприхотливы, стойко переносят холод, голод и прочие житейские неурядицы и, как правило, относятся к окружающей действитель-

ности с неподражаемым оптимизмом. Возможно, суровый климат высокогорья, в котором веками воспитывались пиренейские овчарки, надежно закалял их характер и боевой дух.

Конечно же, лабри по-прежнему остаются прежде всего рабочей собакой пастухов. Это поистине идеальный помощник — совершенно неагрессивный, но на редкость сообразительный и исполнительный. Изумительная интуиция, неутомимая подвижность и, главное, столь редко теперь встречающаяся даже у людей, повышенная ответственность за свой конкретный участок работы — словом, настоящая находка для человека, понимающего толк в пастушьих собаках.

Но стоп — хватит восторгов, пора поговорить и о возможных пороках и недостатках породы, связанных, правда, исключительно с неверным или недостаточным воспитанием щенков. Прежде всего — эгоизм, наиболее часто проявляющийся, разумеется, у городских, домашних собак. Юный лабри, если ему вовремя (до трех месяцев) не указать его истинного места в доме, непременно попытается занять одну из самых верхних ступенек в семейной иерархии. И, с неподдельной преданностью прислушиваясь к каждому слову «вожака стаи» — своего хозяина, может буквально ни в грош не ставить всех прочих чад и домочадцев.

Нередко лабри бывают очень ревнивы и искренне страдают, когда им приходится делить с кем-то еще своего единственного властелина. Причем природная смекалка позволяет порой изощренно мстить своим соперникам и конкурентам. Так что, заведя в доме малую пиренейскую овчарку, приложите все силы к правильному, достаточно строгому воспитанию щенка, особенно в первый год его жизни.

И если это вам удастся, то впоследствии можете смело вознаградить своего любимца всей недополученной им в детстве порцией ласки, нежности и даже баловства — он уже не испортится. Живут лабри, как правило, 12—15 лет, так что у вас вполне хватит времени на то, чтобы вдоволь насладиться его добрым, покладистым нравом, деликатностью и тактом.

Тайны руки

Под этой рубрикой в 1992 году мы познакоим читателей с книгой проф. Ю. Кестлера «Полный курс хиромантии».

Хиромантия помогает познавать индивидуума изнутри. Наверное, любому из нас хоть раз приходилось сталкиваться с гадалками и поражаться их проницательности. По линиям руки они способны сделать заключения о свойствах характера и, основываясь на этом, даже предугадать судьбу.

Ни на чем не настаивая, мы считаем, что молодому человеку знание самого себя интересно и полезно. Кто знает, может быть, именно хиромантия приведет многих из вас к лучшему пониманию самих себя, подтолкнет к серьезным книгам по психологии, физиологии, философии.

Сам же курс хиромантии, мы надеемся, будет вам и некоторым развлечением в часы досуга.

В следующем номере мы публикуем беседу с известным современным хиромантом Владимиром Финогеевым, а с № 11 с. г. начинаем цикл «Тайны руки», который перейдет и на 1992 год.

Он и она

Хотите узнать, насколько вы привлекательны? Тогда вам непременно нужно заполнить тест, который мы будем публиковать в начале следующего года.

Ответив на вопросы, вы сможете составить совершенно точное представление о том, насколько вы чувственны, уверены в себе, контактны, способны к сочувствию, а также как ваш внешний облик действует на окружающих. Ибо сексуальная привлекательность вовсе не зависит только от красоты, нужно обладать еще и нечто таким, что будет производить намного большее впечатление, привораживая, как говорили в прежние времена, к себе. Вот это нечто вы и сможете открыть в себе с помощью теста и тех советов, которые вам будут даны.

Взаимоотношения между мужчиной и женщиной складываются из всевозможных нюансов. Расписать каждый из них, конечно, невозможно. Но есть общая канва, в которой вы уже сами можете стать творцом. Было бы только желание.

Итак, 1992 год не за горами, а значит, в скором будущем вы сможете решить очень многие проблемы (если они есть) в вашей сексуальной жизни.

Рок-энциклопедия

Впервые в нашей стране издается четырехтомная (!) Рок-энциклопедия. Она включает около 100 тысяч имен. Практически это полный и универсальный свод, содержащий информацию обо всех известных и мимолетно промелькнувших на рок-небосводе музыкантах, певцах, группах.

Все четыре тома выйдут в течение одного — 1992 года. Так что наши читатели будут освобождены от томительного ожидания, когда публикации растягиваются на длительный срок.

О том, как стать обладателем четырехтомной энциклопедии объемом в 1500 (полторы тысячи!) страниц, мы расскажем в № 1 за 1992 год.

Но в одном, правда, можем вас уверить и отчасти успокоить уже сейчас — все оформившие годовую подписку на «Студенческий меридиан» на 1992 г. получают право на беспрепятственное приобретение уникальной в мировой практике Рок-энциклопедии.

Не упустите свой шанс!

Подписной индекс журнала 70932.

Агата Кристи

Хикори-дикори-док

Продолжение. Начало на стр. 10

— Морфий взяли из шкафа Найджеда и подменили борной кислотой, а потом Патриция Лейн заглянула туда и подменила борную содой, полагая, что подменяет морфий, а на самом деле это была борная кислота... Да-а... Понятно...

— Я вам помог, правда? — вежливо спросил Акикомбо.

— Да, действительно, мы вам очень благодарны... Смотрите только — никому ни слова!

— Нет, сэр, я буду очень осторожен.

Мистер Акикомбо вежливо поклонился и вышел из комнаты.

— Лен Бейтсон, — произнесла миссис Хаббард упавшим голосом. — Нет! Не может быть! Да, он вспыхивая, но он всегда казался таким милым.

— Такими же казались многие преступники, — заметил Шарп.

Он аккуратно развернул свой бумажный пакет. Миссис Хаббард, повинувшись его жесту, наклонилась, чтобы взглянуть... На белой бумаге четко выделялись два рыжих вьющихся волоска.

— О боже! — выдохнула миссис Хаббард.

— Да, — рассудительно произнес Шарп. — Опыт научил меня, что убийца всегда делает хотя бы одну ошибку.

— Но ведь это превосходно, мой друг, — с восторгом заявил Эркюль Пуаро. — Как ясно, как замечательно ясно!

— Даже это?

Инспектор показал Пуаро те же два рыжих волоска, что и миссис Хаббард. Пуаро почти слово в слово повторил реплику самого инспектора:

— Ну да, конечно, — сказал он. — Как это говорить в радиопьесах? Одна умышленная ошибка. Кстати, мой друг, насчет остального — все решено?

— Да, пробный шар запускаем завтра.

— Вы идете сами?

— Нет, по плану я действую на Хикори-руд, 26. Там займется Кобб.

— Что ж, пожелаем ему удачи.

— Будем надеяться на лучшее, — сказал Шарп.

— Пустить пыль в глаза — это они умеют, — сказал сержант Кобб. Со смешанным чувством восхищения и досады он разглядывал витрину заведения «Сабрина Фэйр». Там на фоне так называемой «зеленой полупрозрачной волны» — стоящего бешеных денег произведения мастеров-стеклодувов — возлежала сама Сабрина, облаченная в маленькие элегантные панталоны и окруженная множеством изящных тюбиков и флакончиков. Кроме панталон, ее одежду составляла разнообразная, довольно грубая бижутерия.

Сержант Кобб решительно вступил в заведение, сопровождаемый детективом Мак-Креем. На фоне роскошного интерьера «Сабрины Фэйр» сержант и его спутник выглядели как пресловутые слоны в посудной лавке.

Грациозное существо в оранжевом облачении подплыло к ним, едва касаясь ногами пола. Сержант Кобб произнес: «Доброе утро, мадам!» — и предъявил свои верительные грамоты. Изящное существо будто ветром сдуло. Вскоре появилась величественная герцогиня, чьи голубовато-седые волосы и гладкие щеки наглядно свидетельствовали об успешной борьбе с возрастом и увяданием. Испытующие стальные глаза твердо встретили тяжелый взгляд сержанта Кобба.

— Я — миссис Льюкас, хозяйка этого заведения, — сказала герцогиня. — Моя компаньонка, мисс Хобхаус, сегодня отсутствует. Ваш ордер на обыск — это, разумеется, произвол, — продолжала миссис Льюкас. — Вот это — личный кабинет мисс Хобхаус. Я искренне надеюсь, что вам не понадобится, э-э... беспокоить наших клиентов.

— Полагаю, что вам не следует слишком волноваться по этому поводу, — сказал Кобб. — То, что нам нужно, вряд ли находится в других помещениях.

Он деликатно подождал, пока хозяйка покинет кабинет, и огляделся. Узкие окна выходили на задний двор. Стены были окрашены в бледно-серый цвет, на полу лежали два хороших персидских коврика. Кобб перевел глаза с маленького стенового сейфа на большой письменный стол.

— В сейфе едва ли, — сказал сержант. — Слишком очевидно...

Спустя четверть часа и сейф, и письменный стол раскрыли свои секреты.

Освободив ящики стола от содержимого и разложив все вынутое в аккуратные кучки, сержант Кобб принялся теперь вытаскивать сами ящики, переворачивая их вверх дном. Наконец он с удовлетворением воскликнул:

— Вот тебе, парень, и пожалуйста.

К задней части дна одного из ящиков липкой лентой были прикреплены с полдюжины небольших темно-голубых книжечек с позолоченными надписями.

— Паспорта, — сказал Кобб. — Выданы министером иностранных дел ее величества королевы, благослови, Господи, его доверчивое сердце...

Мак-Крей придвинулся поближе, с интересом

разглядывая, как Кобб открыл паспорта и принял-ся сравнивать вклеенные туда фотографии.

— Даже не скажешь, что это одна и та же женщина, верно? — заметил Мак-Крей.

Паспорта были выданы на имя миссис да Сильва, мисс Ирены Френч, миссис Ольги Коун, мисс Нины Ле Месюрье, миссис Глэдис Томас и мисс Мойры ОНил. Все фотографии представляли молодую темноволосую женщину в возрасте от двадцати пяти до сорока лет.

— Все зависит от прически, — сказал Кобб. — Распущенные волосы, завивка, стрижка под мальчика и тому подобное. Как Ольга Коун она что-то делала со своим носом, как миссис Томас — подкладывала шарики под щеки... А вот и еще два паспорта — иностранные: мадам Махмуди из Алжира, Шейла Donovan из Ирландии. Держу пари, на каждое имя у нее есть счет в банке!

— Что-то очень уж все запутано, как ты думаешь?

— Приходится запутывать, парень. Заработать деньги контрабандой — еще куда ни шло. А вот объяснить, откуда у тебя эти деньги — черта с два! Уверен, что маленький игровой клуб придуман как раз для этого. Денежный выигрыш — вот единственный вид доходов, который налоговому инспектору не по зубам. А львиная доля добычи наверняка припрятана в банках Алжира,

Франции и Ирландии. И вот представь себе, в один прекрасный день один из этих хитрых паспортов лежит у нее на Хикори-роуд и попадается на глаза этой глупышке Селии...

— Да, мисс Хобхаус придумала здорово, — сказал инспектор Шарп. В его голосе прозвучало почти что отеческое восхищение. Он держал в руках паспорта, тасуя их, словно карточную колоду. — Сложная штука — эти финансы, — продолжал он. — Нам пришлось бы потратить уйму времени, петляя от одного банка к другому. Да, она здорово запутала свои финансовые следы. Уверен, что еще пара лет — и она бы вышла из игры, уехала за границу и жила бы себе благополучно на нажитые средства. Размах был не очень большой: ввоз контрабандой алмазов, сапфиров и прочего, вывоз краденых ценностей, доставка наркотиков — только и всего. Но организация великолепная. Она выезжала за границу то под своим, то под каким-то чужим именем, к тому же не слишком часто, а контрабанду провозили, сами того не подозревая, совсем другие люди. За рубежом у нее были агенты, подменявшие рюкзаки в нужный момент. Да, задумано было блестяще. И нам понадобился мсье Пуаро, чтобы докопаться до этого. Ловко у нее получилось с этими психологическими кражами, на

которые она натолкнула бедную мисс Остин... Вы ведь почти сразу раскусили все это, мсье Пуаро, не так ли?

— Ее погубила жадность, — сказал Пуаро. — Она соблазнилась прекрасным бриллиантом из кольца Патриции Лейн. С ее стороны это было очень глупо, потому что сразу наводило на мысль о том, что она не новичок в торговле драгоценными камнями. Да, это действительно заставило меня присмотреться к Валери Хобхаус. Она очень умна, несмотря на этот промах, она не растерялась. Во всем призналась и объяснила все самым наилучшим образом.

— Но убийство... — сказала миссис Хаббард. — Хладнокровное убийство!.. Мне не верится даже сейчас...

Инспектор Шарп помрачнел.

— Мы пока что не имеем оснований обвинять ее в убийстве Селии Остин, — сказал он. — Мы схватили ее за руку на контрабанде, это факт. С этим нет никаких трудностей. А вот с убийством — последнее. Прокурору не за что зацепиться. Конечно, она, видимо, знала о пари Найджела и о том, что у него есть морфий, но конкретных улик у нас нет. Да и потом, надо помнить и о двух других смертях. Она, конечно, могла отравить миссис Николетис, но, с другой стороны, никак не могла убить Патрицию Лейн. Наоборот, она чуть ли не единственная вне всяких подозрений. Джеронимо уверен, что она ушла из дома в шесть часов. Он упрямо на этом настаивает. Уж не знаю, может, она его подкупила...

— Нет, — сказал Пуаро, качая головой, — она его не подкупала.

— У нас есть еще показания аптекаря из здешней аптеки. Той, что за углом. Он знает ее в лицо и уверен, что она зашла в аптеку в пять минут седьмого и купила пудру и аспирин. И еще позвонила по телефону. Из аптеки она вышла в четверть седьмого и тут же взяла стоявшее на улице такси.

— Так ведь это чудесно! — Пуаро приподнялся на стуле. — Я имею в виду, что она действительно звонила из аптеки.

Инспектор Шарп с досадой посмотрел на него.

— Послушайте, мсье Пуаро. Давайте возьмем известные факты. В шесть часов восемь минут Патриция Лейн еще жива и звонит из этой комнаты в полицию. Вы согласны с этим?

— Сомневаюсь.

— Надеюсь, вы не сомневаетесь, что звонок в полицию все-таки был? И не предполагаете, что я, и мой сержант, и полицейский Най, и наконец Найджел Чэпмен стали жертвами массовой галлюцинации?

— Разумеется, нет. Звонок действительно был. Могу даже предположить, откуда он был: из телефонной кабины в аптеке.

Инспектор Шарп даже рот открыл на мгновение.

— Вы имеете в виду, что звонила Валери Хобхаус? Что она выдала себя за Патрицию Лейн, а сама Патриция Лейн была уже мертва?

— Да, именно это я и хочу сказать.

Инспектор немного помолчал, потом сильно стукнул кулаком по столу.

— Я не верю этому. Голос... я сам его слышал...

— Вы слышали его, верно. Женский голос — взволнованный, прерывающийся. Но вы не настоль-

ко хорошо знали голос Патриции Лейн, чтобы наверняка распознать его.

— Я-то, возможно, и нет. Но ведь здесь же был и Найджел Чэпмен, который и говорил с ней. Вы не убедите меня, что она могла обмануть Найджела Чэпмена! Он наверняка определил бы, что это говорит не Пат.

— Да, — согласился Пуаро. — Найджел Чэпмен это определил бы. Найджел Чэпмен прекрасно знал, что это была не Патриция. Кто мог это знать лучше его, если это именно он убил ее ударом по затылку незадолго до этого.

Прошло несколько мгновений, прежде чем инспектор снова обрел дар речи.

— Найджел Чэпмен? Найджел Чэпмен?.. Но ведь когда мы нашли ее мертвой, он плакал... Он рыдал, как ребенок!

— Могу себе представить, — произнес Пуаро. — Полагаю, что он был привязан к этой девушке больше, чем к кому-нибудь другому... И все-таки это не спасло ей жизнь, когда он понял, что она угрожает его интересам. Все это время Найджел Чэпмен представлялся мне наиболее вероятной фигурой. У кого был морфий? У Найджела Чэпмена. У кого достаточно ума, пусть неглубокого, но изворотливого, у кого хватает дерзости, чтобы замыслить и осуществить план мошенничества и убийства? У Найджела Чэпмена. Кто нам известен и жестокостью, и тщеславием? Найджел Чэпмен. У него есть все приметы убийцы, невероятное тщеславие, язвительность, растущее безрассудство, побуждавшее его привлекать к себе внимание всеми доступными способами, как, скажем, в случае с использованием зеленых чернил для остроумной двойной маскировки. Наконец, этот его просчет — он совершил глупейшую ошибку, сунув в руку мертвой Патриции волосы Лена Бейтсона. Не сообразил, что Патриция убита ударом сзади сверху вниз и никак не смогла бы схватить своего палача за волосы. Все они одинаковы, эти убийцы, все они восторгаются собственным умом, надеются на собственное обаяние... А он ведь обаятелен, этот Найджел, как испорченный ребенок, который так и не повзрослел. Который ценит на свете одно-единственное: себя и свои собственные прихоти.

— Вы должны осознать свое положение, мисс Хобхаус. Я уже предупредил вас...

Валери Хобхаус прервала его:

— Я знаю, что делаю. Вы предупредили меня, что все мои показания могут быть использованы как улики против меня. Я готова к этому. Вы обвиняете меня в контрабанде. У меня нет никаких надежд. Это означает годы и годы тюрьмы.

— Чистосердечное признание может вам помочь, но я не имею права вам что-нибудь обещать или как-то облегчить вашу участь.

— Об этом я не забочусь. Уж лучше сразу свести счеты с жизнью, чем заживо гнить за решеткой. Я хочу сделать заявление. Меня можно назвать соучастником, но я не убийца. Я никогда не стремилась убивать и не хотела этого. Я не такая дура. Единственное, чего я хочу, — это чтобы в деле Найджела не было никаких неясностей...

Селия знала слишком много, но я бы с этим как-нибудь управлялась. Найджел не оставил мне для этого времени. Он вызвал ее на свидание, сказал, что собирается признаться в том, что унич-

тожил рюкзак и залил чернилами бумаги, а потом подсыпал Селии морфий.

К нему попало письмо Селии к миссис Хаббард, и он вырвал оттуда нужный абзац, наставляющий на мысль о самоубийстве. Он оставил этот клочок бумаги и пузырек из-под морфия возле ее кровати. Теперь я понимаю, что ему потребовалось очень мало времени, чтобы замыслить это убийство. Потом он пришел ко мне и все рассказал. Ради собственного спасения я вынуждена была стать его соучастницей.

То же самое, по-видимому, произошло и с миссис Ник. Он узнал, что она пьет, и решил, что она становится ненадежной. Он встретил ее где-то по пути домой и отравил ее. В разговоре со мной он отрицал это, но я уверена, что это его рук дело. А потом пришла очередь Пат. Он поднялся ко мне в комнату и рассказал о том, что произошло. Он сказал мне, что я должна сделать, чтобы у нас обоих было твердое алиби. К этому времени я уже полностью запуталась в его сетях, у меня не было другого выхода... Думаю, что если бы вы меня не схватили, я бы постаралась уехать куда-нибудь подальше за границу и начать там новую жизнь. Но вы меня схватили... И теперь я думаю только об одном — о том, чтобы этот жестокий обаятельный дьявол был повешен...

Инспектор Шарп глубоко вздохнул. Все шло блестяще, ему сопутствовала невероятная удача. Однако кое-что его удивляло.

— Боюсь, что я не совсем понимаю вас... — начал было Шарп. Но Валери тут же его прервала:

— Вам нечего понимать. У меня есть причина... В разговор вступил Эркуль Пуаро.

— Миссис Николетис? — тихо спросил он.

У девушки перехватило дыхание.

— Она... — продолжал Пуаро. — Она была вашей матерью, так?

— Да, — сказала Валери Хобхаус. — Она была моя мать...

Эркуль Пуаро закончил подписывать письма, перепечатанные мисс Лемон.

— Превосходно! — без улыбки заметил он. — Ни единой ошибки.

Мисс Лемон слегка переменялась в лице.

— Надеюсь, я не так уж часто делаю ошибки, — произнесла она.

— Не так часто. И все же случается... Кстати, как поживает ваша сестра?

— Собирается в круиз, мсье Пуаро. По Скандинавии.

— Вот как! — отозвался Эркуль Пуаро.

Он внезапно подумал: «А что, если... тоже отправиться в круиз?...» Нет, морские путешествия не для него...

Часы позади него пробили час. Пуаро продекламировал:

— Только ударило час —

Мышка в буфет забралась.

Но кошка подкралась и — скок!..

Хикори-дикори-док...

— Что вы сказали, мсье Пуаро?

— Ничего особенного, — ответил Эркуль Пуаро.

Перевод с английского Бориса Косенкова

А Н О Н С

«СТ. М.» — 92

Наш «Студенческий меридиан» в 1992 году останется тем же современным журналом для молодых людей, которым в этой жизни важно буквально все, для которых нет запретных тем и интересов.

Мы останемся верны всем нашим популярным рубрикам и в то же время откроем новые. Об одной из них — «Что есть красота?» мы уже рассказывали читателям, когда приглашали к разговору на эту тему.

Из серьезных намерений главных два: во-первых, продолжение знакомства читателей с арифметикой Касаткина; во-вторых, серия публикаций о крупнейших вузах США и Европы и о том, как все же поступить туда.

Конечно, для учебы за рубежом нужны деньги (об этом в

рубрике «Как делают деньги») и... английский. Вот почему на новом качественном витке мы продолжим цикл «Английский — без переводчика».

Наши публикации помогут вам приблизиться к тайнам магов, экстрасенсов и инопланетян.

Наши практикумы, а они каждый год расширяются, помогут вам в решении тех проблем, с которыми вы сталкиваетесь постоянно в учебе и жизни. Непременно будет продолжена традиция проведения конкурсов и тестов.

Надеемся, что вы с тем же вниманием будете знакомиться с антологией любовной прозы и поэзии, которую мы помещаем в разделе «Любовь и муза».

Постоянный читатель «Ст. М.» уже заметил нашу страсть к различным совершенно неожиданным затеям. Эта страсть в нас не угасла, вас ждут

сюрпризы и в 1992 году. Но молчок, далее ни слова, иначе ничего не выйдет...

И, конечно же, вы получите еще несколько спецвыпусков «Ст.М.», и первый из них — посвященный профессиональному спорту. Затем... Впрочем, мы не можем раскрывать сейчас все наши секреты. Увы, конкуренты не дремлют.

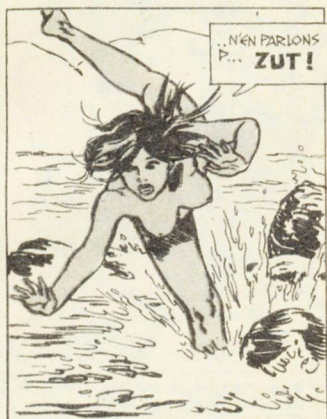
В «Библиотеке «Ст.М.» вы получите книги Ури Геллера, Маши Калининой, «Битлз» (полный текст), профессора Мака-Иова Ригго, а также Антологию-I студенческого юмора.

Кроме того, напоминаем, что редакционный портфель всегда открыт для интересных предложений, которые мы стремимся тут же осуществить.

Подписчик, ты понял? Мы ждем и твои предложения.

Наш индекс — 70932.

ЭПОКСИ

— Лучше не говорить... черт!

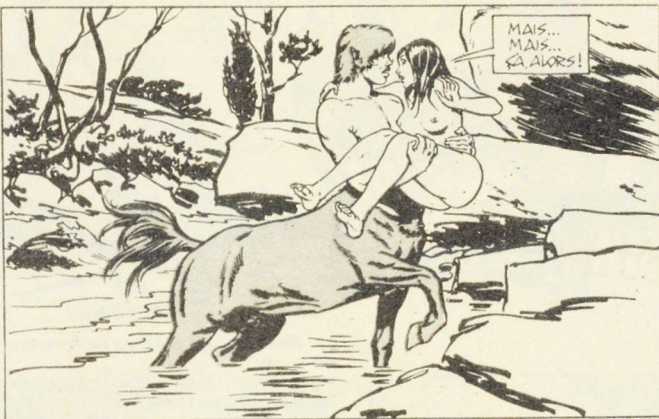
— Спасите...

— Спешу!

— Ну вот держитесь крепче.
К счастью, я оказался
поблизости, а?

— Но... Но... Вот это да!

— Всегда думала, что
кентавры — миф.

— Миф? Странные мысли?
Кстати, а что такое миф? А, понял...

— Вы не считаете меня красивым,
не так ли?

POURTANT ON DIT
QUE J'AI UN JOLI
POITRAIL ET LE
JARRRET SOLIDE, ET...

MAIS VOUS ÊTES
TRÈS BEAU
VOYONS ET AUS-
SI TRÈS GENTIL...

C'EST
VRAI ?

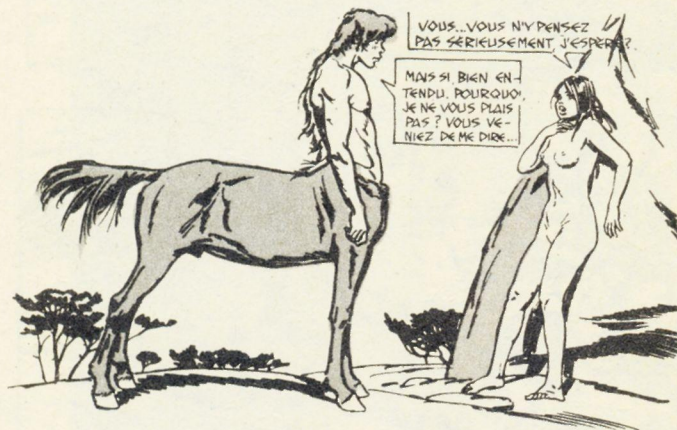
JE M'APPELLE FURAL ET, VOUS AUSSI, JE
VOUS TROUVE TRÈS BELLE. D'AILLEURS
JE VOUS AI TOUT DE SUITE DESIRÉE
DES QUE JE...
LÀ... LÂCHEZ-MOI
IMMÉDIATEMENT !

— Однако, говорят, у меня краси-
вая грудь и быстрые копыта и...

— Да нет, вы красивы и к тому
же любезны.
— Это правда?

— Меня зовут Фураль, и я тоже
нахожу вас прекрасной. Я
возжелал вас, как только
увидел...

— Отпустите меня немедленно!

VOUS... VOUS N'Y PENSEZ
PAS SÉRIEUSEMENT J'ESPÈRE ?

MAIS SI BIEN EN-
TENDU, POURQUOI
JE NE VOUS PLAIS
PAS ? VOUS VE-
NIEZ DE ME DIRE...

D'ACCORD, MAIS COMMENT ?... ET PUIS ZUT !
ON NE ME PREND PAS COMME ÇA, UN
POINT C'EST TOUT.

AH ? BON ! MAIS JE
TROUVE QUE VOUS
AVEZ DE DRÔLES
DE MOEURS.

— Надеюсь, вы всерьез не думаете
об этом?
— Еще как думаю. Разве я вам не
правильно? Вы только что сказали...

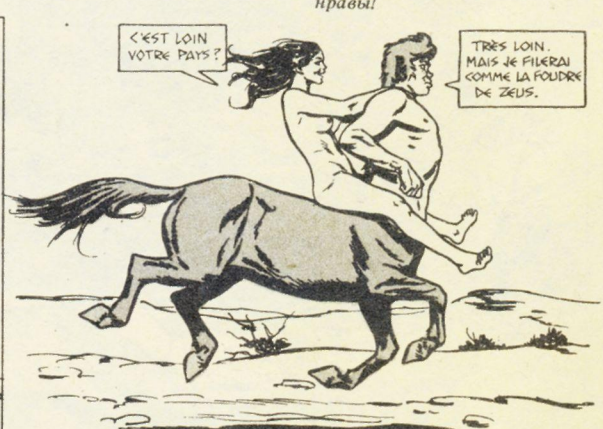
— Да, но каким образом? Впро-
чем, мною так не обладают... и
точка!

— Неужели? Ну и странные у вас
правы!

JE POURRAIS ÊTRE
DIRE AUTANT.
MAIS OUBLIONS
CE DÉTAIL ET
EMMENEZ-MOI
D'ICI, AU LIEU DE
TRÉPIGNER
SUR PLACE.

VOUS VOULEZ ?
SAUTEZ SUR MON
DOS ET JE VOUS
CONDUIS DANS
MON PAYS.

C'EST LOIN
VOTRE PAYS ?

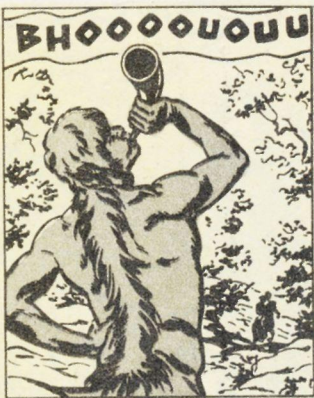
TRÈS LOIN.
MAIS JE FILERAI
COMME LA Foudre
DE ZEUS.

— Могла бы сказать то же, но
забудем, увезите меня отсюда.
Мне надоело болтаться на этом
берегу.

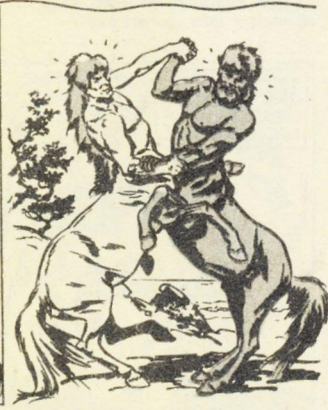
— Вы согласны? Прыгайте мне
на спину, я отвезу вас к себе
в страну.

— А ваша страна далеко?
— Очень далеко, но я понесусь
как молния Зевса.

TANT MIEUX,
CAR SI TON
COEUR EST
GENTIL, TES
REINS SONT
DURS, FURAL.

Н О У О У О У В Н О У О У О У У У У

— Смотрите, кого он привез!

— Привет, Фюраль.

— Ой, какие миленькие!

CHIRON!

AS-TU PERDU L'ESPRIT
POUR AMENER UNE
MORTELLE PARMI NOUS?

CAR TU N'IGNORES PAS QUEL
DOIT ÊTRE MAINTENANT SON
SORT. QUANT À TOI, J'ACCEPTÉ
DE PARDONNER À TA
JEUNESSE, MAIS À LA
PROCHAÎNE ERREUR...

— Хирон!

— Ты лишился разума, если
привел к нам смертную?

— Ибо ты знаешь, каковой будет
ее участь. Тебя я извиню по
молодости лет, но еще одна
ошибка...

...К ТЕ FAIS TRAN-
CHER LES JARRETS
PAR LES CEN-
TAU-
RES DE BRONZE!

SI DE PEUX...
TAIS-TOI!

FURIAL EST-CE
LA QUE TU
M'AVAIS PROMIS?

— ...и я перережу тебе сухожи-
лия с помощью бронзовых
кентавров!

— Если можно...
— Заткнись!

— Фюраль, ты обещал другое.

NON!

FURAL!

TU TE DIS PHILOSOPHE
CHIRON, MAIS TU
N'ES QU'UN TYRAN.

— Нет!
— Фюраль!

— Ты называешь себя философом,
Хирон. А действуешь, как тиран.

— Ко мне!

— Схватите его! И убейте!

— Ха! Ха! Эти тяжеловесы скачут как ослы.

— Клянусь кровью Ареса, я пропал!

Продолжение следует

Ален Доремье

ВАНА

Фантастический рассказ

О, как прекрасно закончить жизнь до смерти так, чтобы не осталось ничего, как умереть.

Пьер Шарден

Пролог

(Последний фрагмент дневника Словика)

Однажды я расскажу о тебе, мое дитя-женщина, моя женщина-звереныш. Я поведаю все о тебе, Сильв, ночь моя, мой пенный океан, глина моя, из которой так легко лепить твой образ.

Сильв, когда я произношу твоё имя, с шипением умирающее у меня на устах, я вспоминаю блеск летнего дня, журчащий среди камней ручеек, Сильв — имя леса. Сильв — мое растение, я люблю твою пахнущую прелой землей шевелюру, и в запахе этом все ароматы подлеска. Сильв с привкусом земли после дождя, я возлежу на тебе, как на ковре из листьев, я соединяюсь с тобой, как со всеми четырьмя стихиями.

Могу ли я жить в мире, где нет тебя? В мире, где от тебя останется лишь воспоминание? Будут ли пробуждения от прикосновения твоего холодного языка в ожидании того мгновения, когда твоё тело примет меня, как вода, и я утону в твоём объятии, превратившись в обитателя бездны. Но постель моя остается пустой, простыни не хранят твоего тепла, а сердце одинокой птицей трепещет в груди. И ждут меня бессонные ночи с тяжелым забытием перед восходом солнца.

Друзья зовут меня присоединиться к их играм и празднествам, к утонченным радостям Домов Удовольствия. Но что мне их удовольствия? Я одинок и призываю тебя, без тебя я засохну, как растение без воды. И я поведаю о тебе, ибо это единственная возможность бросить вызов времени, я поведаю о тебе и о нашей жизни, мое дитя, мой звереныш, частичка моего безумия, мой мир иной.

Словик не любил то общество, в котором жил. Но не сразу осознал это. В этом обществе никто не задавал вопросов самому себе. Впрочем, и Словик пришел к этому случайно. Долгое время он жил словно в коконе, свитом вокруг него тем обществом, к которому принадлежал. Ему не приходило в голову, что в коконе живут лишь личинки. Но однажды что-то щелкнуло в его голове. Когда Словик исполнилось двадцать пять лет, он стал задумываться о жизни. Поводом послужил один из кризисов безволия, которые временами обрушиваются на людей, несмотря на гипновнушение и усилия психогидов. У Словика выявили «депрессивные» черты — древний психологический сбой, почти не существовавший в эту эпоху. Ему прописали эйфоризанты, в несколько дней поднявшие его тонус. Но за краткий период недомогания Словик начал задумываться. И после выздоровления не забыл своих раз-

думий, сделав для себя главный вывод, — жить скучно.

Друзья перестали понимать его. Даже Мико, самый близкий из них. Иногда Словик не хотелось никого видеть, он запирался дома и проводил время в музыкальной комнате. Когда музыка надоедала, он садился в реактомобиль и на полной скорости гонял по верхним трассам, что давало ему какое-то ощущение свободы и полноты жизни.

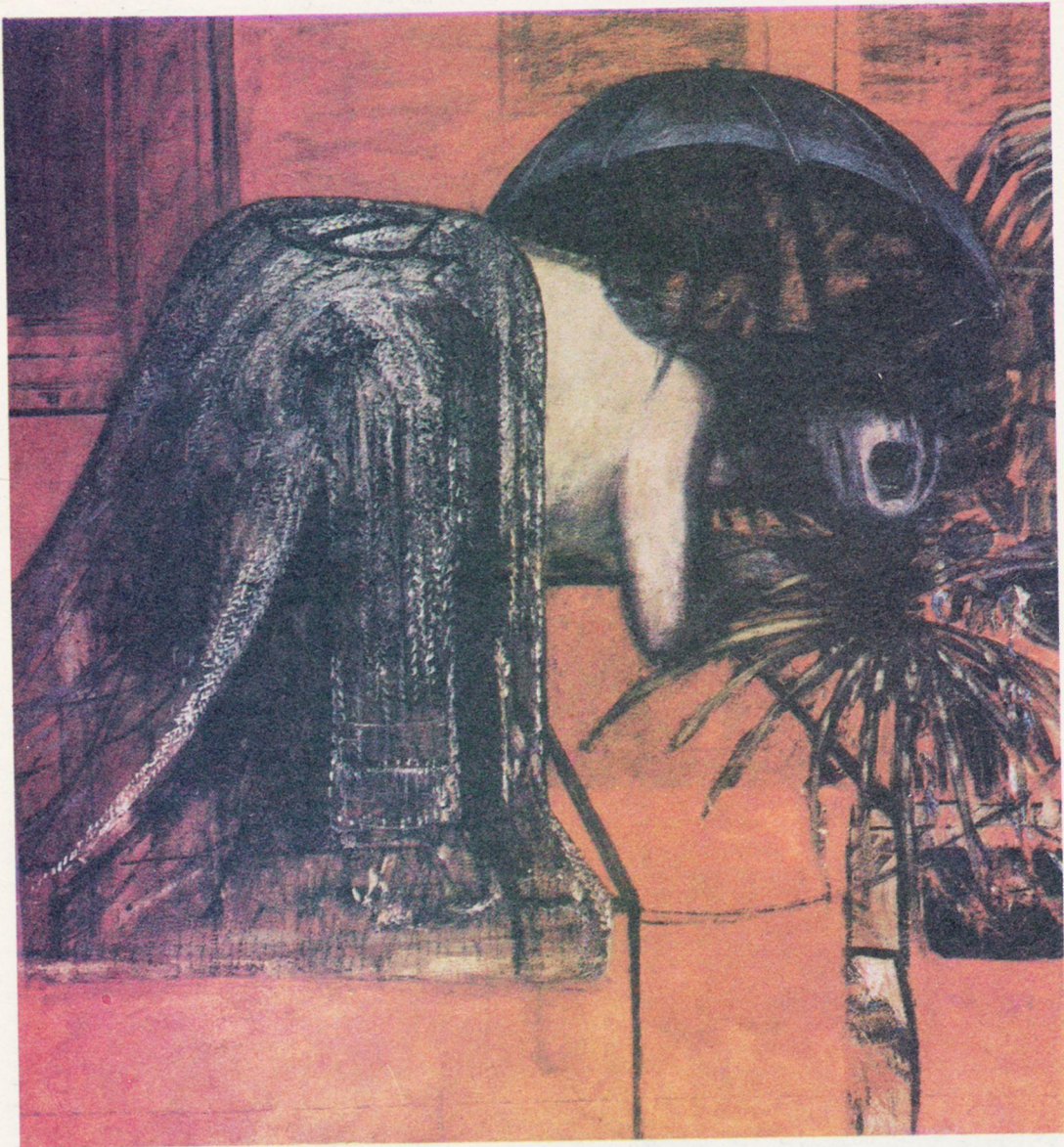
Неприятности Словика были связаны с невозможностью добиться желаемого. Хотя он и сам не знал, чего желает. У него было все: он мог удовлетворить любой каприз, любое желание. Он не знал, счастлив он или нет. Вообще понятие счастья встречалось только в исторических произведениях, посвященных Древнему Времени. Теперь «несчастных» не было, а смысл слов «счастье» и «любовь» безнадежно устарел. Вместо них использовались новые слова «комфорт» и «удовольствие». Словик пользовался абсолютным комфортом, а источников удовольствия было не счесть. И все же ему частенько хотелось очутиться в XX веке, когда все было до примитивности просто. Правда, ему советовали не верить легендам, ибо на самом деле то была эпоха кровавого безумия и варварства. И все же для Словика XX век стал символом прежнего мира, мира, когда Земля была еще Землей. После Ужасных Лет человек покончил с войнами, приручил все источники энергии, начал путешествовать в космосе, встретил множество иных форм жизни, а планету превратил в огромный сад. Жизнь людей стала сплошным развлечением, беззаботным досугом. Но Словик пресытился ею.

Словик жил в Новом Париже, Великом Городе, в квартале, где еще остались редчайшие экземпляры многовековых деревьев, остатки леса Фонтен-бло.

В те времена, когда Словик был еще беззаботным человеком, он вместе с друзьями развлекался в Домах Удовольствия. Такие дома существовали на планете повсеместно, но не могли сравниться с новопарижскими по утонченности наслаждений. Дома были возведены в ранг государственных институтов и представляли вершину цивилизации, исповедующей гедонизм.

Достигнув возраста, когда закон давал ему право посещения Домов Удовольствия, Словик стал их завсегдатаем. И всегда рядом с ним был его ближайший друг Мико, неввысокий смуглокожий брюнет. Он не был красавцем, но пользовался у женщин величайшим успехом.

Отношения между мужчинами и женщинами регулировались негласным кодексом. После Ужасных Лет планета пережила эру сверхрождаемости. Население Земли неимоверно выросло, а

Фрэнсис Бэкон. «Эскиз фигуры-II». 1945—1946 гг.

новых планет для расселения еще не было. Противозачаточные средства не помогли людям справиться с проблемой, пришлось пойти на крайние меры, чтобы ограничить рождаемость. Обычное сожителство двух полов (в древности оно называлось «браком») было запрещено законом и сурово пресекалось, что привело к изменению нравов. Для предотвращения возможности нового демографического взрыва нещадной цензуре подвергалось любое упоминание об акте воспроизводства. Потребность в последнем постепенно сошла на нет, вместо него появились новые виды утонченных наслаждений. Химические методы размножения покончили с практикой совокупления — любовный акт стал постыдным пороком, которым втайне

занимались редчайшие его поклонники. Колонизация планет навсегда отвела угрозу перенаселения, но новые обычаи устояли. Мужчины и женщины продолжали жить поодиночке, не создавая семьи и объединяясь только ради чувственных игр, из которых был исключен любовный акт. Люди же рождались в генетических лабораториях.

Дома Удовольствия сузили границы общения между полами. Любой мужчина и любая женщина могли найти в них себе партнера по вкусу. Пансионерами Домов были лучшие представители людской породы, а потому поиски на стороне стали ненужными. В компании с Мико и прочими друзьями Словик вкусил наслаждение в объятиях женщин, чья красота ни в чем не уступала их искус-

Фрэнсис Бэкон. «Лежащая фигура». 1969 г.

ству. Их набирали по конкурсу, три года обучали самым ухищренным ласкам и вручали диплом, дающий право использовать свои таланты. В ново-парижских Домах работали самые высокооплачиваемые куртизанки.

Входя в Дом Удовольствия, посетитель попадал в иной мир. В огромных круглых залах первого этажа с прозрачными куполами стояли тысячи зеркал, умножавших огни и искажавших перспективу. В воздухе звенело эхо — смех, приглушенные голоса, музыка. В расслабителях возлежали любители сигарет с шотлом (он вызывал невероятные видения) и кобيرا (он дробил сознание, создавая впечатления множества проживаемых одновременно жизней). Но Словик с друзьями оставались здесь редко — их тянуло вверх, к женщинам. Им принадлежала вся ночь, ее бесконечные нежные часы.

Дома долго были для Словика символом жизни. Но разочарование коснулось и их. Теперь погружаясь в море ночных радостей, он сохранял частичку трезвости, и ему казалось, что он задыхается. Тысячи удовольствий оглушали его, вызвали головокружение. Иногда усилием воли он вырывался из разгула трехмерных видений, из объятий смеющихся женщин с шелковистой кожей, спрыгивал с кроватей, предназначенных для улады, бросал друзей и уходил бродить по городу, наслаждаясь свежим ночным воздухом.

Как-то Мико пригласил Словика на праздник к их общему приятелю Хунио. Там Словик встретил Лорну.

Лорна с ее огромными зелеными глазами была прекрасна. Ниспадающие до талии волосы ее были окрашены во все цвета радуги от синего до розового. Темно-фиолетовые тени на веках и такого же цвета губная помада подчеркивали невероятную бледность кожи. Полупрозрачная красная туника не скрывала прелестей тела. Грудь с позолоченными сосками была раскрашена зелеными и синими спиралями, а низ живота от пупка до бедер был разорван пурпурными арабесками.

Лорна сказала Словiku, что празднует свое пятнадцатилетие. Отныне она становится Свободной Гражданкой и получала право поступать в жизни согласно собственным желаниям. По обычаю, до наступления ночи она должна была пройти ритуал сексуализации. В приапическом храме ее уложат на возвышение, служитель оросит молоком ее губы и лобок, начертит на ее животе знаки мужского и женского начала, проткнет серебряной иглой ее запястье и слижет выступившую кровь. Затем Лорна удалится с юношей-избранником, которому символически отдаст свою девственность.

Лорна весь вечер не отпускала Словика от себя, а когда наступила долгожданная минута, она попросила его сопровождать ее, чтобы провести ночь вместе.

Геликар доставил их в ближайший храм, а после церемонии посвящения унес их на запад. У моря они были к концу ночи. Они танцевали при свете заходящей луны, купались на заре и валялись на пустынном пляже в лучах восходящего солнца. Лорна со смехом извлекала из волос хрустальные гребни, ее сияющее лицо было обращено к Словiku. Он обнял ее. И впервые ощутил чувство любви.

С тех пор они не расставались. В компании Лорны Словик забыл о терзающих его вопросах. Ему показалось, что он получил нужный ответ. Он ходил вместе с ней в Дома Удовольствия и совсем забыл о других женщинах.

Хотя Мико радовался исцелению Словика, его удивляло постоянство приятеля. Обычай продолжительных связей и уединения вдвоем давно вышел из моды. Доброе правило гласило: делись или меняйся.

Несмотря на всеобщее осуждение, он продолжал встречаться с Лорной. Он уединялся с ней в крохотных круглых комнатах, функционально приспособленных к удовольствию. Из скрытых динамиков доносились возбуждающие либидо звуки, запахи-афродизиаки сочились из невидимых отверстий, в воздухе плавали рельефные и подвижные эротические образы. Посетителю предоставлялся полный набор средств, чтобы вызвать в теле рефлекс удовольствия вплоть до боли.

Утром, покидая ложе, Лорна со смехом созерцала в зеркале свое помятое лицо, потеки телесного грима на коже. Словик потягивался в лучах искусственного солнца.

Именно от Мико Словик впервые услышал о Ванах. Однажды друзья столкнулись у дверей Дома Удовольствия. «Тебя не видеть, все прячешься с Лорной. И даже не в курсе последних новостей». И рассказал, что отныне Дома располагают исключительном аттракционом — привезенными на землю Ванами. Словик слушал рассеянно, он ждал Лорну. Но Мико схватил его за рукав и затащил в бар. Он захлебывался от возбуждения, рассказывая о Ванах.

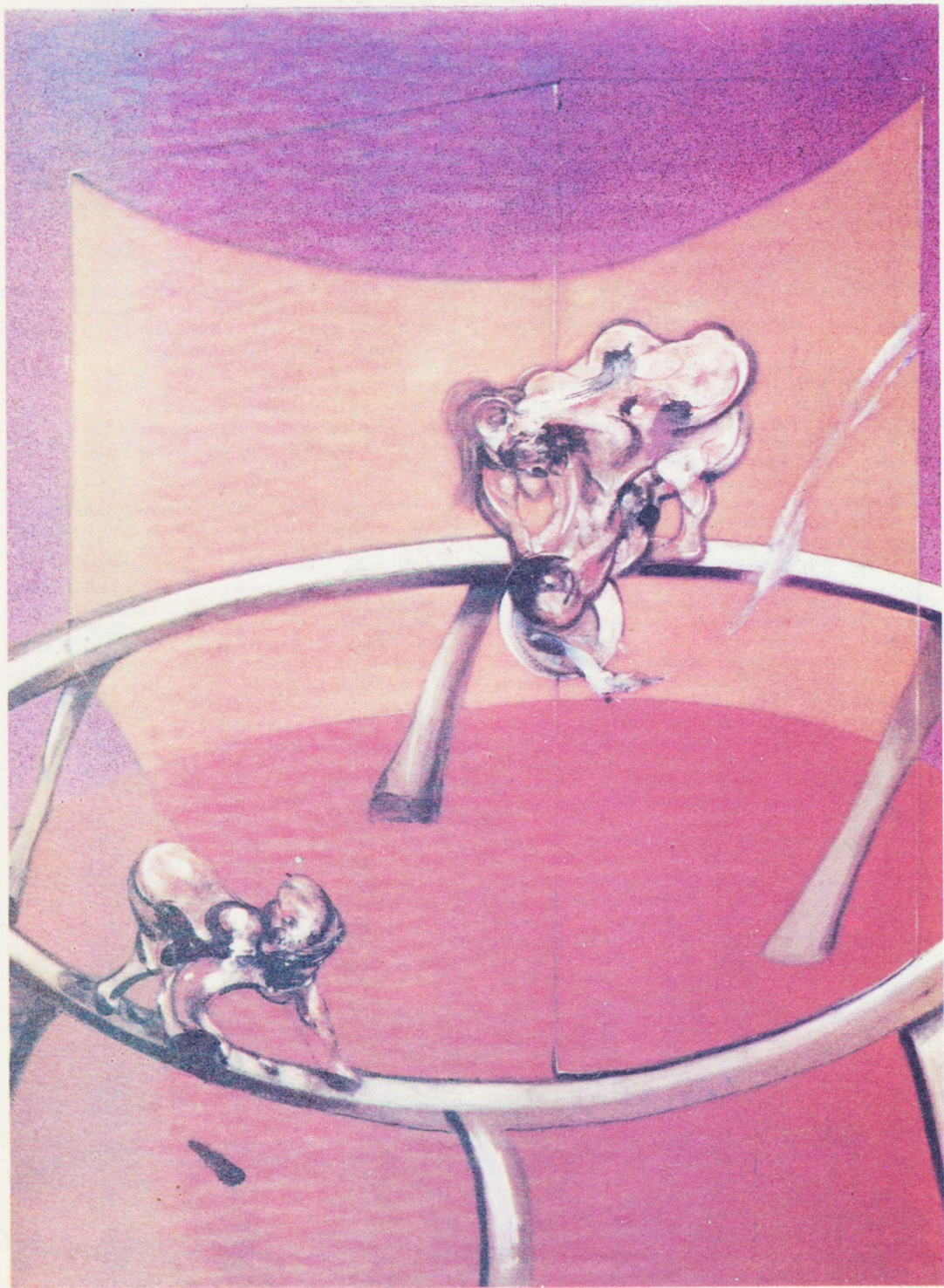
Это была последняя из форм жизни, открытая в космосе. Одна из экспедиций доставила несколько экземпляров с родной планеты. Странные слухи о них заставили нескольких богачей приобрести эти раритеты. Спрос на них на рынке рос в связи с их необычайными возможностями.

Акклиматизация внеземных форм жизни производилась по строжайшим правилам. Психологи устанавливали отсутствие разума, биологи — болезнетворных организмов. Ваны удовлетворяли обоим условиям. Но их физиологические особенности вначале держались в тайне. Было известно лишь то, что они были человекоподобными животными. Ваны были лишены разума и языка. А обликом почти не отличались от земных женщин. Мико показал Словiku фотографию — в крохотном голографическом кубе таилось изображение пленительно прекрасной женщины.

Биологи экспедиции изучили эту расу самок, размножавшихся партеногенезом. Самцов не обнаружили вовсе. Назвали их по крику — протяжному напеву двух звуков Ва-на. Они жили растительной жизнью и не испугались, когда появились люди. Один из членов экипажа первым пал жертвой их притягательности, которую позже испытывали на себе земляне. Ваны оказались удивительно подходящими для сексуальных игр.

Они легко акклиматизировались на Земле и питались только растениями. Они легко поддавались дрессировке и были послушными. Их появление в Домах Удовольствия произвело фурор, и Мико сказал, что реальность превзошла все ожидания.

Выслушав друга, Словик покачал головой: «Зачем настоящим женщинам менять на них?» Мико

Фрэнсис Бэкон. «Женщина, выплескивающая ведро воды, и бессильный ребенок на четвереньках. На основе фотографии Мьюбриджа». 1965 г.

усмехнулся: «Они, как наркотик. Раз отведал, тянет вновь». Мико попытался увлечь Словика к Ванам, но тут появилась Лорна, и они уединились в своей комнате. Тело Лорны было столь же аппетитно, а избобрательность в области новых ласк не знала границ. Однако впервые они показались Словiku пресными. Лаская Лорну, он то и дело вспоминал голографию, показанную ему Мико.

Как-то придя вместе с Лорной в Дом Удовольствия, Словик заметил в полумраке зала Мико, возлежавшего на диване вместе с двумя существами — их оранжевая кожа просвечивала сквозь обволакивающие тело волосы. Этих существ в зале было много, и в воздухе висел запах мускуса.

И вдруг стал свидетелем возмутительного зрелища. Мико, как зверь, на его глазах вдруг начал совокупляться с одной из Ван. Он исполнял постыдный акт, акт воспроизводства, осуждавшийся обществом вот уже несколько веков. Словик покосился на Лорну — та зажмурилась и отвернулась. Он хотел увести ее, но Мико окликнул их. Он высвободился из объятий Ваны и бесцеремонно оттолкнул ее, потом с наглым видом подошел к влюбленным. «Видал? — спросил он. — Все еще не хочешь попробовать?» Словик схватил Лорну за руку. «Она может присоединиться к нам, — продолжил Мико. — Есть Ваны, приученные для удовлетворения женщин». Словик высказал свое отвращение к только что совершенному Мико акту.

— Вот еще? — удивился Мико. — Это — животные. С ними не обращаются, как с женщинами. А кроме того, получаешь несравненное удовольствие.

Запрет на акт воспроизводства не относился к Ванам. Они были стерильны.

— И все же это отклонение, аномалия, — настаивал Словик.

Мико возразил, что этим грешат многие, а Ваны специально предназначены для наслаждения. Он схватил Словика за руку и заставил коснуться одной из Ван. Словик отдернул ее, едва дотронувшись до эластичной, чуть шершавой кожи. Ему показалось, что он обжегся. Мико расхохотался:

— Ну и мотайте отсюда. Если хочешь, общайся с земными девицами. Мне они отвратительны с их бледной кожей и женским запахом.

Прошло несколько дней. Он приехал на свидание с Лорной с опозданием и не нашел ее. Он уже собрался уходить, когда заметил, что она выходит из лифта. Он бросился к ней, но она сомнамбулой проскользнула мимо. Словик окликнул ее, она остановилась и уставилась на него, словно не узнавая.

Потом нехотя сказала, что часом раньше встретила Мико, тот напоил ее кобиром, увлек ее к Ванам и принудил ее к тому же акту, что и с Ванами. Словик в ужасе отступил. Лорна промямлила:

— То, что он сделал со мной, ужасно. Мне стыдно.

И пошла прочь.

Словик отправился на поиски Мико и нашел его в компании нескольких Ван.

— Зачем ты это сделал?

— Не знаю. Может, чтобы оторвать тебя от нее. Когда отведаешь Ван, поймешь все.

Одна из Ван лежала возле него и, полузакрыв глаза, терлась о его плечо. У Словика закружилась голова. Воздух давил на плечи. Он рухнул на диван. Мико подсел ближе и шепнул:

— Через некоторое время все обзаведется Ванами. Они — величайшее открытие в области удовольствий за многие века. Скоро каждый будет иметь в доме свою Вану. Отныне можешь получать наслаждение днем и ночью. Экономисты считают, что торговля Ванами приведет к спаду деятельности Домов Удовольствий.

Мико сказал, что у него есть друг, который может помочь достать Вану вне очереди. Словик, глянув на сидевшее у его ног существо, без раздумий согласился.

Через несколько недель Словiku доставили Вану. Ее внесли в дом в специальной клетке, накрытой чехлом, чтобы не привлекать нескромных взглядов прохожих.

Когда грузчики ушли, Словик подошел к клетке. Он резким жестом сорвал чехол. Вана сидела, забившись в угол. Словик замер. Она была прекраснее, чем он ожидал. Все Ваны походили друг на друга, говорил Мико. Значит, и эта была такой же. Но прежде Словик видел их в полутьме Дома Удовольствий, стараясь не рассматривать их пристально. Теперь он видел Вану в ярком дневном свете — ее обольстительный облик привлек Словика в смущение.

Особенно его потрясли цвет кожи и запах. Чуть шероховатая кожа была шафранной и играла перламутровыми блисками. Запах Ван, тонкий и цепкий, напоминал смесь ароматов мускуса, янтаря, свежей земли и мертвых листьев после дождя.

Словик с опасением открыл клетку, хотя грузчики утверждали, что бояться нечего — все Ваны были безобидны. Он протянул руку к ней, она отпрянула, потом разрешила погладить себя. Он ощутил под этой кожей биение жизни, волны ее доходили до самой поверхности.

Вана вскинула глаза и посмотрела на него. Словик замер словно в шоке — огромный зрачок на светло-бирюзовом фоне, взгляд затягивал в свою глубину. Самым странным было отсутствие какого-либо человеческого выражения — гладкая вода без малейшей ряби.

Словик оставил дверцу клетки открытой. Через некоторое время Вана встала и потянулась. Потом мелкими шажочками выбралась из клетки. Она была среднего роста с довольно длинными конечностями; крохотные ступни и запястья выглядели хрупкими. Ее тело было телом женщины, но обрамлявшие личико волосы больше походили на мех. Ее сложению могла позавидовать любая женщина, а тончайшая талия подчеркивала широкие бедра. Высокие и развитые груди с очень темными сосками выглядели великоватыми на довольно узкой грудной клетке.

Лицо ее было по-звериному прекрасно и источало очарование. Головка на тонкой длинной шее походила на цветок на гибком стебле. Покачивая бедрами и переступая с ноги на ногу, она склонив голову набок, смотрела на Словика словно в ожидании ласки. И Словик понял, почему весь мир охотился за Ванами.

Вначале его смущал ее безмятежный взгляд и бесстрашие в незнакомой обстановке. Она села на диван и ждалась в комок, не спуская с него взгляда. Словик ощущал смятение. Ему казалось, что его холодно оценивают. Наконец он сбросил оцепенение и решил накормить существо. Рекомендовалось начать приручение, давая есть с руки. Вана взяла ми-

ску, поднесла ко рту и принялась есть, ловко орудуя языком, насытившись, Вана облизалась и вытерла губы о плечо. Потом поднялась, подошла к Словику и потерлась щекой о его шею.

Он неуверенно протянул руку и погладил ее. Вначале надо было приучить ее поглаживаниями. Но он не смог удержаться от новых ласк. Ладони Словика заскользили по шелковистым округлостям тела, замершего в его объятиях. Ни с одной женщиной Земли, даже с Лорной, он не испытывал подобных эмоций. Хотя Вана просто позволяла себя ласкать. Но простое прикосновение к таинственному и уже близкому телу подсказывало Словику, что его ждут удивительные ощущения.

Вдруг Вана вырвалась и снова села на диван. Словик растерялся. Он заказал дикарку, хотя обычно потребители требовали дрессированных животных, могущих дать немедленное удовлетворение. Ему хотелось самому воспитать свою Вану. Теперь он сожалел об этом. Мужчина с Земли и животное в женском облике с иной планеты смотрели друг на друга. Словик налил стаканчик спиртного и разом проглотил его. Легкое опьянение сняло напряжение. Он внимательно рассматривал Вану, оценивая каждую деталь ее тела. Словик выпил еще стаканчик и решил угостить Вану. Он с трудом влил ей в рот глоток, но она выплюнула противную жидкость. Словик встал перед ней на колени и схватил за руки. Она не сопротивлялась. Он поцеловал ей ладони, затем его губы коснулись бедер и поднялись к животу. Он целовал ее быстрыми нежными поцелуями, и Вана наклонилась. Мех ее коснулся его щеки. Ее кошачья мордочка была совсем рядом. Губы Ваны раскрылись, у нее было горячее дыхание. Он закрыл глаза, их губы соприкоснулись; Вана втянула его губы в себя словно зрелый плод, из которого надо было высосать весь сок до последней капли, чтобы потом отбросить мякоть. Словик подумал, что врожденный дар Ван не требует никакой дрессуры.

Он назвал Вану лесным именем Сильв, поскольку запах ее был запахом леса. Она так и не научилась откликаться на новое имя. Но женщина-зверек была очаровательна — от нее было легко потерять голову.

Словик не стал ее тревожить в первую ночь. Утром он выделил ей комнату, где разместил подстилку, наладил туалет и оборудовал бассейн — Ваны были невероятными чистюлями и любили плескаться в воде. Существо быстро привыкло к нему, спокойно разгуливало по квартире, ело из его рук, потягивалось, оттопыривая аккуратный задок, и терлось о него, когда он гладил его. Словика покорили природная грация ее движений и осанка.

Вечером второго дня он взял Вану к себе в постель. Она не сопротивлялась и быстро поняла, что он от нее хочет. Хотя Ваны и не были разумными существами, но обладали врожденным инстинктом в той области, в которой покорили земных мужчин. Стоило ей узнать какой-нибудь жест или малейшее движение, она тут же усваивала их и развивала. Только теперь упоенный Словик понял, чем расположили к себе мужчин Ваны. Никакие удовольствия не могли сравниться с медленным и неотвратимым погружением в бездну, с перехлестывающей через край полнотой чувств, с растворением в непереносимом счастье.

Иногда он в изнеможении засыпал рядом с неу-

томимой Ваной. А когда просыпался, ощущал рядом горячую и согласную плоть подруги-зверьки. Он протягивал руку и касался ее. Она со стоном прижималась к нему. Он вновь обнимал ее и снова погружался в опустошительное наслаждение. Ему казалось, что Вана окружает его, превращаясь во тьму во всепоглощающий рот. И наконец, однажды, забыв о постыдности своего поведения, соединился с ней, и этот еще неведомый ему акт пробудил в нем странное ощущение нежности и уюта.

Он привык ежевечерне приводить к себе в постель Сильв и часами развлекался с ней. Затем отводил ее на подстилку. Однажды, сраженный сном, забыл о ней, и она проспала с ним до утра. Проснувшись, он обрадовался ее соседству и нежно соединился с ней. Он перестал отсылать ее на место и привык вдыхать по утрам ее запах перегоя и мускуса.

Как-то его навестил Мико и был шокирован, узнав о поведении Словика: «Ты обходишься с ней, как с человеком!»

В другой раз, проснувшись, он не нашел рядом Сильв. Она спала на своей подстилке, свернувшись в комочек. Он разбудил ее поглаживанием. Она открыла бездонные глаза, и у него не осталось сил поднять ее и увести к себе. Она лениво потянулась, и Словик, охваченный внезапным желанием, упал на пропитанную ее запахом подстилку. Тело Сильв открылось навстречу ему.

(Фрагмент из дневника Словика)

Утром я смотрел, как она спит. Дыхание у нее более частое и отрывистое, чем у людей. Рот приоткрыт, губы не скрывают мелких острых зубов. Ее шевелюра (можно ли сказать шевелюра?) облегает голову, прикрывая плечи, спускается на грудь (следовало бы сказать *сосцы*, но предпочитаю слова, более подходящие для описания женщины). Волосы у нее плотные, жестковатые, не распадаются на пряди, как у землянок. Кожа цвета рыжей осенней листвы, вспыхивающей на свету соломенными отблесками.

Она спит на боку, сжавшись в комочек. Руки ее вытянуты, и ладони открыты. Бледно-фиолетовые ноготки, острые, как когти, часто ранят мне кожу. На ней надолго остаются коричневатые рубцы. Я люблю совершенным женским телом, в мельчайших деталях соответствующим человеческим канонам красоты, если не считать цвета и шероховатости кожи.

Они наделены врожденным искусством дарить наслаждение. Откуда? Их планета не знает отношения между полами. Какой каприз природы привел к появлению этой расы? Мико прав, они преобразуют нравы Земли, вводя новые формы наслаждения. Каждый мужчина получит свою Вану, и на планете произойдет окончательный разрыв между полами. Что станет с отверженными женщинами? Быть может, им повезет найти зверей-самцов, чтобы получить свою долю наслаждения?

Словно чувствуя, что я думаю о ней, Сильв открывает глаза и поворачивается ко мне. Грудь ее отгнаны сосками, глаза превращаются в щелки. Если бы она умела улыбаться? Неумение улыбаться самая нечеловеческая черта Ван. Глаза ее притягивают меня. Сильв — мой любимый зверь, моя четверглапая подруга. Я подхожу ближе, ее грудь вздымается чаще. Я буквально падаю на нее и тут же то ну, погружаюсь в вечные волны безграничного океана. Мне кажется, что я ныряю в источник жизни, в

матку вселенной, когда проникаю в волны ее плоти. Мысли мои теряют связность, я кусаю тугое тело, глаза закрываются, я утыкаюсь лицом в ее плечо и вскрикиваю: «Сильв! Сильв!», как дитя, знающее только это имя.

Правила требовали держать Ван взперти и на цепи в течение дня. Они были предназначены для ночных утех, их освобождали перед сном, получали от них наслаждение и отправляли обратно в клетку. Словик никогда так не поступал, ему претило запереть ее и тем более сажать на цепь. А после того обладания ею на подстилке часто оставался у нее на всю ночь. И больше никогда не отсылал ее после любви — ему казалось невозможным спать раздельно.

Вскоре ему стало мало ночей. Он стал искать ее общества и днем. Вместо того, чтобы уходить по делам, он слонялся по комнате Сильв, а потом подходил к ней...

Он порвал с друзьями и перестал посещать Дома Удовольствий. Как-то явился Мико и попросил одолжить Вану на вечер, как это было принято среди друзей. Словик возмущился и сквозь зубы процедил отказ. Мико был поражен и с ужасом в голосе произнес:

— Да ты *околдован* этим животным! Ты просто сошел с ума.

Когда Мико ушел, он подошел к Сильв и обнял ее, бормоча: «Ты не животное! Ты не животное!»

Чем требовательнее, тем чище становилась его страсть к Сильв. Словик понял, что означает древнее слово «счастье». Он часами сидел с Ваной, не страдая от того, что не может с ней говорить. По утрам он купал и причесывал ее. Вечерами засыпал в ее объятиях, вдыхая мускусный запах. А ночью зажигал свет и любовался спящей Сильв.

Однажды Сильв заболела, и он испугался, что она умрет. Сутками он сидел у ее изголовья. Глаза ее потускнели. Словик гладил ее как ребенка. Потом она выздоровела, глаза ее снова засверкали.

Наступило лето. Парижане разъехались, и башни опустели. Через широко открытые окна врывались потоки солнца. Словик и Сильв нежились в его лучах. Он привык ходить обнаженным, как Вана. Тело его побронзовело и стало сочетаться с цветом тела Сильв.

Однажды на террасе он почувствовал сильное головокружение и тут же отпрыгнул от перил, боясь потерять равновесие. Его конечности словно налились ледяной водой. Он прижался к стене, чтобы прийти в себя.

Недомогание повторилось в последующие дни. Вначале Словик не обращал на них внимания, но приступы повторялись все чаще. Тело его охватывала невероятная слабость. Он ложился, а Сильв садилась рядом и не спускала с него глаз. Как-то утром он не смог встать с постели. Чтобы развлечься, он включил телевизор. Он давно не слушал новостей и вдруг узнал то, что было известно всей планете.

Он смотрел на экран и слушал диктора. Тот говорил о Ванах. Эти существа занесли на Землю споры смерти. Ученые спохватились, когда владельцы Ван подхватили неведомую смертельную болезнь. Они умирали один за другим. Во время обследования биологи не смогли выявить вирус, вызывающий смерть людей.

Вирус передается во время плотского акта, что

ставило потребителей Ван в особо опасное положение! Но ученым уже удалось создать противоядие.

Эпидемия началась в Америке, распространилась на Европу. Власти приняли решение — владельцы Ван должны были передать их в Службу Гигиены для массового уничтожения, а сами явиться в специализированные больницы, чтобы отвести угрозу от своей жизни.

Словик выключил телевизор и долго лежал в неподвижности. Лицо его было бесстрастным. Когда он встал, пол ушел у него из-под ног. Он ощутил невероятную слабость. Пот градом катил с него.

Сильв спала на диване. Словик подошел к ней и долго смотрел на нее. Он дрожал, как в лихорадке. Потом наклонился и коснулся ее кожи. Она открыла глаза. «Сильв, моя малышка Сильв!» — прошептал он и улегся рядом с ней.

Они явились ночью. Они были в темных одеждах, стальных касках и кожаных сапогах. На плащах желтел трезубец Бригады Нравов. Они взломали дверь квартиры Словика и ворвались в комнату, где он спал вместе с Ваной. Они схватили Сильв, сковали ей щиколотки цепью. Словик рыдал, заламывая руки. Один из пришедших вслух читал распоряжение властей. Словик обвинялся в незаконном содержании Ваны. Был выдан ордер на обыск и конфискацию Ваны для передачи ее в центр по уничтожению.

Словик на коленях умолял не разлучать его с Сильв. С ее уходом исчезал *смысл жизни*. Он цеплялся за Сильв, за ее ноги, за ее талию...

Они увели Сильв, оставив Словика предписание явиться в ближайшую больницу. «Чем быстрее пойдете, тем больше шансов выкрутиться», — сказал один из служителей.

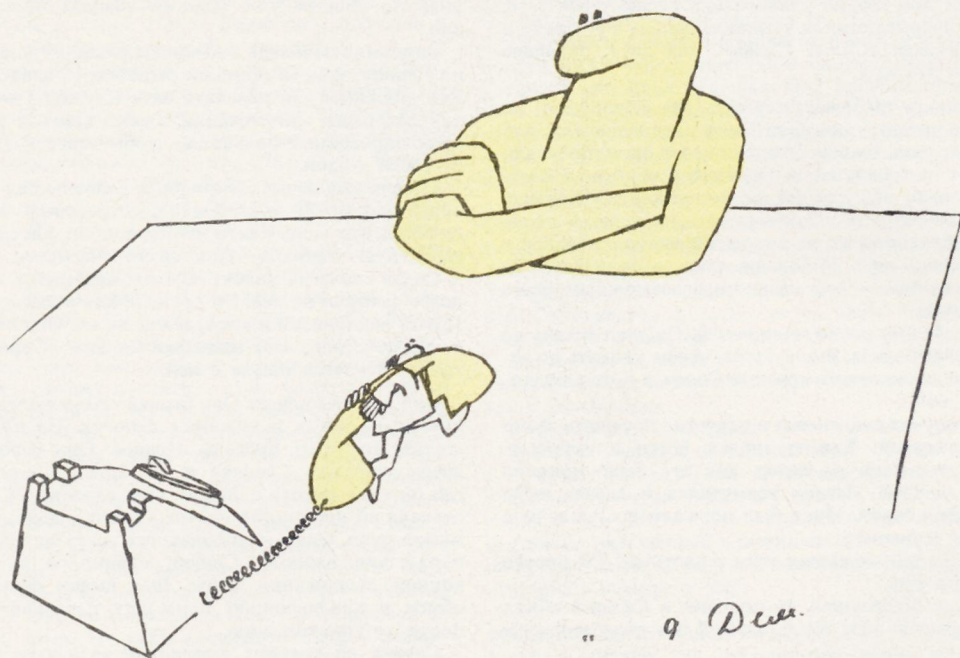
Они ушли, а Словик долго бесцельно бродил по опустевшей квартире. Мир потерял запах и цвет. Осталась пустая раковина, в которую по ошибке заключили Словика.

Он рухнул на постель, вдыхая идущий от простынь запах Сильв, обнимая ее призрак. Он закусил губы, застонал. Оцененные все больше охватывало его. Он не знал, сможет ли подняться. Силы уходили. Он скользил в царство сна, похожее на бездну с гладкими стенами. Однажды он шевельнулся, пытаясь отползти от провала. Потом опрокинулся на спину и камнем полетел в пропасть, в бездонный бархатный колодец.

Перевод с французского Аркадия Григорьева

Внимание! Внимание! Внимание!

Мы обращаемся к вам с просьбой помочь Александру Черневскому — лидеру группы «ГПД». Он болен болезнью Бехтерева, а операция ему могут сделать только в Германии. Стоит она 60 тысяч марок. Деньги можно перевести по счетам: валютный счет — 70400001/002 Внешэкономбанк СССР МФО 805012, с обязательной пометкой — для лечения А. Черневского; рублевый счет — 806161400 РКЦ при ГУ Центрального банка г. Новосибирска, получатель кооперативный банк «Восток» для фирмы V-фильм МФО 224024, с пометкой — для лечения А. Черневского. Контактные телефоны: в Новосибирске — 23-84-34, в Москве — 215-78-29.

ЗАГАДКА ОСТАЕТСЯ ЗАГАДКОЙ

Секреты успеха Ури Геллера

Путь навверх по служебной лестнице

Каждый человек, даже не слишком честолюбивый, втайне мечтает доказать, что он ничем не хуже своего начальника и вполне мог бы занять его место. Кто бы вы ни были — юная машинистка или секретарша, только что поступившая на службу, или малооплачиваемый молодой служащий, — вам не обойтись без применения ПСИ-сил для достижения успеха. Могу дать несколько советов о том, как ими лучше воспользоваться.

Для начала при помощи техники релаксации и медитации, о которой мы уже не раз говорили, попытайтесь мысленно представить себе все, что окружает вас на работе, и, главное, вспомнить всех людей, занимаю-

щих на вашей службе ключевые посты. Попробуйте посмотреть на все с точки зрения стороннего наблюдателя и дать объективную оценку своим способностям и способностям ваших коллег. Припомните все последние события, происходившие на работе, и отметьте, какие сильные и слабые стороны вашей натуры проявились в них, какова вообще была роль каждого члена коллектива в той или иной ситуации.

Не будьте к себе слишком снисходительны и откровенно признайтесь в том, какое место было отведено вам в каждом конкретном случае другими и на какое место вы при этом хотели бы претендовать. А теперь разверните стол вашего начальника лицом к себе и представьте себя на его месте. Поглядите на всю картину его глазами — какую оценку вы можете дать себе, как работнику? Какими видятся ва-

ши возможности и перспективы? Подобным же образом постарайтесь посмотреть на себя и глазами других коллег по работе.

Затем тщательно проанализируйте деятельность своего непосредственного шефа. Это может занять несколько дней или даже недель, но, поверьте, ваши усилия не пропадут даром. Используйте любую возможность для того, чтобы досконально изучить его характер, манеры, привычки... В конце концов вам будет казаться, что вы в состоянии угадывать даже его потаенные мысли. Если это действительно так, значит, вы достигли поставленной цели. А теперь проверьте себя: попытайтесь представить, как поведет себя ваш шеф в той или иной заданной ситуации. Настройтесь на его образ мыслей и попытайтесь отреагировать на какое-то конкретное событие так, как мог бы, по вашему мнению, отреагировать он.

Если вы попали в точку и подобные «совпадения» в принятии решений войдут у вас в привычку, то, уверяю, это не пройдет незамеченным. Ведь вы наверняка помните известную шутку о том, что начальник всегда прав! И еще о том, что в

Продолжение. Начало в № 1—3, 5, 6 с.г.

каждой шутке есть доля правды.

Руководители, разумеется, встречаются самые разные. Если ваш босс принадлежит к типу диктаторов, если он безжалостно эксплуатирует подчиненных, не заботясь об улучшении их положения, то у вас есть несколько вариантов поведения по отношению к нему. Предположим, вы не в восторге от работы, не слишком дорожите занимаемым местом и не видите возможности для профессионального роста — само собой напрашивается решение подыскать что-нибудь более подходящее и не заниматься более слепым исполнением сумасбродных распоряжений. Худшее из того, что вы можете предпочесть в подобной ситуации, — сдаться на милость победителя и позволить подавить свою индивидуальность.

Но, допустим, вы все же хотите остаться на своей работе, любите ее и надеетесь на продвижение по служебной лестнице, тогда вам, безусловно, пригодятся все накопленные сведения и знания о собственном начальнике для того, чтобы добиться желаемых перемен в расстановке сил.

Дайте понять руководству, что вы обладаете чувством собственного достоинства, цените свой труд и хотели бы быть уверенными в том, что все сто процентов вложенных вами сил и старания пошли на пользу делу, а не на ветер. С таким требованием трудно не согласиться. Затем скажите, что, по всей видимости, вы могли бы приносить больше пользы в том случае, если бы ваши способности более рационально использовались — предложите вариант, который был бы наиболее предпочтительным. Очень важно правильно выбрать время для подобного разговора — постарайтесь застать шефа в хорошем расположении духа, не слишком занятого текущими делами. Подойдите к нему после обеденного перерыва, в самом начале или в конце трудового дня, давая понять, что не хотели бы тратить на болтовню драгоценное рабочее время. При соблюдении всех этих условий очень велика вероятность того, что вам удастся «приручить» своего начальника. Поверьте, это всем пойдет на пользу, а вам особенно!

Если руководитель обращается с вами как с вещью, недостойной особого внимания, если он

смотрит на вас как на пустое место или, в лучшем случае, как на часть окружающей обстановки — он, безусловно, совершает роковую ошибку, и вы тотчас же должны этим воспользоваться. Разумеется, не очень приятно ощущать, что к тебе относятся как к «винтику», но нужно преодолеть это ощущение прежде всего именно в себе. Вы — не «винтик» и не робот, вы — человек, личность и, следовательно, способны придумать, спланировать и осуществить все необходимое для того, чтобы выйти из создавшегося положения.

Наиболее эффективный способ здесь, пожалуй, продемонстрировать профессиональное мастерство так, чтобы ни у кого не осталось сомнений — без вас не обойтись! Установите добрые, товарищеские отношения с коллегами, хорошо, если они также оценят ваши способности. Добейтесь того, чтобы вас считали действительно незаменимым работником. И когда в этой мысли утвердится все, в том числе и шеф, — можете сказать ему все, что думаете по поводу его отношения к подчиненным вообще и к вам лично. Скажите, что намерены подыскать себе другую ра-

РЕКЛАМА

Поработаем в... Германии?

Нам не нужны кандидаты наук и даже доктора. Нам нужны столяры, кузнецы, слесари, пекари, сельскохозяйственные рабочие, бетонщики, модельщики, механики, резчики по дереву, садовники, повара и даже настройщики пианино.

В киевскую фирму «Майстры» обратились деловые партнеры из объединенной Германии с конкретными предложениями по стажировке наших специалистов на немецких предприятиях.

Планируемый срок стажировки — от 3 до 18 месяцев.

Вам обеспечены за счет немецкой стороны:

- проживание в комфортабельных гостиницах;
- превосходное питание;

— медицинское страхование;

— и, естественно, месячная зарплата в 600 марок.

Ваш путь на немецкий рынок труда по конкурсному отбору несложен: нужно заполнить анкету, затем будет сформирован компьютерный банк данных, затем — предварительный анкетный отбор претендентов и, наконец, — конкурс и определение выезжающих на стажировку и оформление выездных документов.

Вы заинтересовались? Тогда заполните и вышлите анкету (см. на обороте) с указанием даты и номера почтового перевода по адресу: 252109, Киев, 109, а/я № 284/9, для фирмы «Майстры». Очередной тур-набор — с 1 сентября по 31 декабря.

Оплата услуг только в рублях. Почтовый перевод на сум-

му 49 руб. 35 коп. (президентский налог учтен!) высылайте на наш р/с 161002/345026 Демосбанк в Киевском облуправлении Госбанка СССР, МФО 321024.

Подобный конкурсный отбор проводится впервые. Но уже ведутся переговоры с деловыми людьми в Германии и других странах о наборе на работу по самым различным специальностям. Фирма «Майстры» будет проводить конкурсы регулярно. Что касается нынешнего, то все его участники получат письменные ответы, результаты конкурса будут объявлены в прессе, по радио и телевидению.

Все вопросы вы можете уточнить по киевским телефонам 224-69-92 (с. 15.00 до 18.00), 224-16-08 (с. 9.00 до 18.00).

боту, на которой сумеют оценить не только ваши профессиональные, но и человеческие качества. Угроза потери хорошего, в чем-то даже незаменимого работника едва ли оставит равнодушным любого начальника, тем более если она возникнет в тот момент, когда ваше участие в общем деле особенно необходимо.

Не бойтесь сказать «нет» своему шефу, будьте вежливы, но непреклонны. «Винтик» не способен сказать «нет», а человек всегда должен быть готов к этому, и если начальство предъявляет к вам немислимые требования или взваливает на вас непосильные нагрузки — откажитесь и обязательно объясните причину своего отказа. Помните, что аргументированный отказ всегда вызывает большее уважение, чем взятые, но невыполненные обязательства.

Овладев в совершенстве каким-то видом работы, достигнув своеобразного «потолка», никогда не соглашайтесь продолжать топтаться на месте. Изучайте другие, более сложные и ответственные объемы деятельности, чтобы всегда быть готовым перешагнуть на следующую ступеньку. Не бойтесь браться за принципиально новую работу только из-за того, что вы с ней незнакомы. Никто не застрахован от ошибок в период обучения, но

зато, расширив сферу своей профессиональной подготовленности, вы имеете значительно больше оснований на то, чтобы потребовать более удобные и приемлемые для вас условия работы и даже повышения в должности.

И еще несколько универсальных советов:

— Сохраняйте уважительный тон в разговоре со своим начальником, но не заискивайте перед ним. Вы должны чувствовать себя на равных.

— Не позволяйте втягивать себя в излишние споры и тем более дразни. Отстаивайте свою собственную точку зрения и подкрепляйте ее веской аргументацией. Никогда не просите прощения и снисхождения.

— Не бойтесь принимать решения. Не имеет значения, на каком уровне вы действуете, — берите инициативу в свои руки смелее.

— Не становитесь рабом своей работы. Выполняйте ее хорошо и эффективно, не допускайте ущемления ваших личных, семейных и социальных интересов.

— Не совершайте необдуманных, чересчур поспешных поступков — послушайте прежде, что хотят сказать по этому поводу другие, в том числе и руководители.

— Если вы находите свою работу слишком нервной и изматывающей, то либо смените ее, либо сумейте настоять на том, что вам необходимы какие-то паузы и перерывы в течение рабочего процесса для того, чтобы он стал более эффективным.

— Никогда не беритесь за сверхсрочную и сложную работу лишь потому, что не можете, как вам кажется, от нее отказаться.

— На работе нельзя скучать. Если вы почувствовали, что вам становится скучно на службе, — поищите новую работу или попросите, чтобы вам дали более сложное и интересное задание.

— Не забывайте о релаксации и сеансах медитации. Постоянно продолжайте изучать окружающих вас людей, в том числе и начальство.

— Ставьте перед собой цель и добивайтесь ее.

— Чем больше союзников у вас среди коллег — тем лучше. Никогда не забывайте, что продвижение по службе — это своего рода азартная игра: чем выше ставки, тем она интереснее. Все остальное зависит только от вас. Желаю удачи!

*Перевод с английского
Владимира Толстого*

Продолжение следует

АНКЕТА специалиста, желающего выехать в Германию на стажировку

Фамилия	Имя
Отчество	Пол
Возраст	
Семейное положение	холост, женат, замужем (ненужное зачеркнуть)
Количество детей	
Образование	среднее, ср. спец., высшее, незак. ср., незак. высш. (ненужное зачеркнуть)
Профессия	
Разряд	
Стаж работы	
Адрес	
Телефон	

Почтовый перевод на сумму 49 руб. 35 коп. отправлен на р/с 161002/345026 в Демосбанк в Киевском
облуправлении Госбанка СССР, МФО 321024 №

дата

Убедительная просьба писать разборчиво.

Фирма «Майстры»

В поисках правды о себе и близких мы изучаем гороскопы, обращаемся за советом к гадалкам и астрологам. А между тем... оказывается, что многие тайны мы можем открыть сами, пользуясь (обязательно с фантазией и юмором) ясным, простым и, конечно же, таинственным языком расцветок. Воспользуйтесь каталогом цветов, которые мы публикуем для вас. И если ваш любимый цвет ..., то ... Далее выводы делайте сами.

Цветы не лгут

Красный цвет означает активность, страсть и стремление покорять. Эта жажда вечно неудовлетворена.

Если для вас важен красный цвет, то значит, вы любите командовать и быть на первом месте. У вас много шансов к тому, чтобы в своем окружении занять, позицию руководителя, если не возобладаст эгоизм.

Вы чаще чувствуете огромное желание действовать, чем усталость, а самой главной целью является полное использование жизненных возможностей и удовлетворение всех желаний.

К любимым занятиям относятся прежде всего те, что связаны с активностью и борьбой. Желание завоевывать означает также — в случае «красных» мужчин — стремление подчинять других, использовать их в своих целях (добрых и злых). Красный — цвет господства — руководил начинаниями многих самых разных людей. Всех их объединяло желание повелевать и мания величия.

Темно-зеленый цвет — это умиротворение, покой, стабильность и... деньги. Также цвет природы, архитектуры и всевозможных конструкций. Темно-зеленый означает духовное богатство (и не только). Иногда является свидетельством неприятия иных мнений, кроме своих. Упрямство и замкнутость в собственном мире могут также послужить причиной эгоизма.

Если вы любите темно-зеленый цвет, то ваш эстетизм и изысканность наверняка позволяют вам достигнуть богатства (как духовного, так, впрочем, и

материального). Однако много проблем вам может создать неспособность к терпимости и снисходительности. Вам следует быть более гибким.

Если темно-зеленый цвет окрашивает ваш характер, то, несомненно, вы будете в состоянии обеспечить своим близким чувство безопасности. Хотя иногда, когда ваши сексуальные желания не находят удовлетворения, проявляете беспокойство и напряженность.

Светло-серый цвет предполагает ум, а также многообразие и разносторонность. Интеллектуальное восприятие мира и проблем, быстроту мышления. «Светло-серый» человек не переносит ограничений и барьеров, даже если это самоограничения. Он имеет тенденцию обходить и избегать трудности, рассеян и не может сосредоточиться только на одном деле.

Если вы выбираете светло-серый цвет, то это означает потребность в переменах, поиске новых задач, окружения. Вы отдаляете от себя все, связанное со скукой, однако стараетесь все же владеть своими нервами. Тем более что у вас достаточно слабое здоровье, вы плохо переносите шум, жару и другие неудобства.

«Светло-серого» человека можно упрекнуть в недостатке теплоты или глубины, но, в сущности, это просто застенчивость.

Голубой цвет — это мечты, романтичность, сон, а также чувство безопасности и... материнство. Голубой — цвет чувств. Мать — фигура, играющая самую главную роль в детстве и

взрослой жизни сторонников голубого цвета. Если случилось так, что вы не получили достаточно в детстве материнского тепла, то, в отличие от других, будете всю жизнь ощущать это. «Голубой» человек не может жить в уединении. Он много отдает и одновременно жаждет удержать.

Светлая лазурь — цвет женственности, терпеливости, чуткости. Если вам особенно нравится именно он, то значит вы ищете покоя и семейного тепла, хотя любите также далекие путешествия.

Но все же больше вы цените покой и традиции. Одним словом, все то, что связывает и сближает людей. Правда, иногда это может быть даже политика.

Желтый цвет — цвет творчества и любви. Подобный солнечный цвет олицетворяется с божественностью, теплом, лучезарностью, славой и жизнеспособностью. Он позволяет сконцентрировать волю и направить ее на свершение великих дел. Желтый одновременно цвет сердца. Озаряет своим «светом» духовную и материальную жизнь.

Раз ваш выбор пал на желтый цвет, то вы щедрый, а по натуре созидатель и постоянно стремитесь к счастью. В вашей жизни много исключительных и радостных мгновений. Вы чувствительны и подвластны эмоциям, но из-за этого зачастую чрезмерно восприимчивы и легкоранимы.

Своим «огнем» вы хотите делиться с другими, за что окружающие относятся к вам с симпатией и уважением, но часто вы можете почувствовать плохо скрываемую зависть.

Хотя вы щедрый и великодушный, но должны использовать всю свою интеллигентность, чтобы не впасть в конформизм. Одной из ваших целей является стремление принадлежать к элите и высшему обществу.

Перевод с польского Ирины Парфеновой

Окончание в следующем номере

Под редакцией Анатолия Карпова

Не расставляя фигур

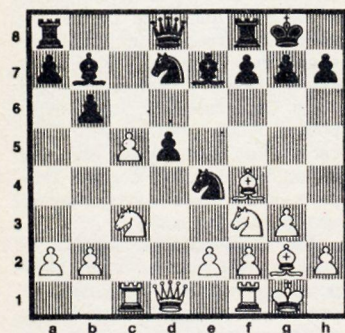
Семьдесят лет исполнилось замечательному советскому шахматисту, экс-чемпиону мира Василию Васильевичу Смыслову. Он и сейчас, демонстрируя поразительное спортивное долголетие, продолжает успешно выступать в турнирах. Но все же мы решили предложить вам разыграть великолепную партию, состоявшуюся двадцать лет назад.

В. УЛЬМАН —
В. СМЫСЛОВ

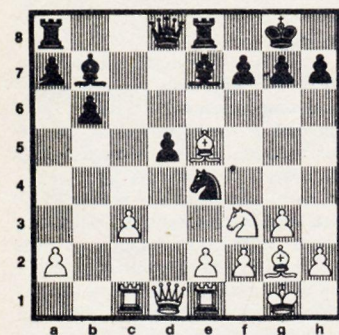
Москва, 1971

Новоиндийская защита

1. c4 Kf6 2. Kc3 e6 3. Kf3 b6 4. g3 Cb7 5. Cg2 Ce7 6. 0—0—0 7. d4 Ke4 8. Cd2 d5 9. cd ed 10. Lc1 Kd7 11. Cf4 c5 12. dc.

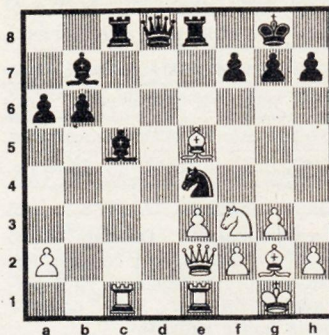

12...K:c3! 13. bc K:c5 14. Ce5 Le8 15. Le1 Ke4.

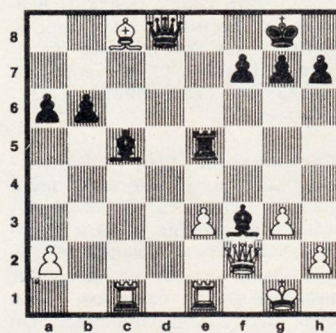

16. Фа4 а6 17. с4 Сс5 18. е3 (после 18. Сd4 С:d4 19. К:d4 dc у черных все равно перевес, но не по-

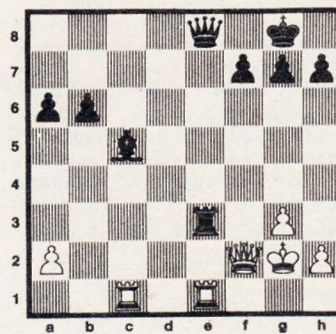
лучилось бы такой красоты...) 18...dc 19. Ф:c4 Лс8 20. Фе2.

20...K:f2! 21. Ф:f2 C:f3 22. Ch3 Le5! 23. C:c8.

23...Cc6! 24. Ch3 Фе8 25. Cg2 Le3! 26. Kph1 C:g2+ 27. Kp:g2.

27...Фe4+ 28. Kph3 Фе6+ 29. Kpg2 Фd5+ 30. Kph3 Le6!, и белые сдались.

Этот поединок удостоен отличия — признан лучшим за полугодие в югославском «Информаторе».

Решение конкурсных заданий (окончание)

№ 22 (Р. Мэттьюз): 1. Фd1 (прозит 2. Фh5+) 1...Le2 2. Лc7 Л:c7 (С:c7) 3. Kf4x (Сc4x); 1...Ce2 2. Ce7 Л:c7 (С:c7) 3. Kf4x (Лc5x); 1...Ke2 2. Kc7+ Л:c7 (С:c7) 3. Le5x (Лc5x).

№ 23 (А. Лобъсов): 1. Фе2 (угроза 2. b4 и 3. Kb3x) 1... Cg2 2. Kd8 Lf8 3. Фе3x; 1...f3 2. Фа6 Фе7 3. K:f3x; 1...Lf7 2. Kf3+ Cf3 3. Фе3x; 1...Ф:e7 (Фe6) 2. Фе3+fe 3. Kf3x.

№ 24 (Л. Куббель): 1. Фе6 K:f2 2. Фd6+ Kp:d4 3. Ф:d4x!; 1...Kpd4 2. Ce3+ Kpc3 3. Фе8x!; 1...Cc3 2. Cd6+ Kp:d4 3. Фg4x!

№ 25 (Г. Каспарян): 1. Cf4 Kg7 2. Ld5! Л:c4 3. Cg5+ Kpg6 4. Л:d3 Kf5! 5. K:f5 Л:c5 6. Kg7! Ld5 7. Ld2!! с выигрышем.

№ 26 (А. Троицкий): 1. g6! Лc3+ 2. Kpb2! Kp:g6 3. K:d5; 2... Лh3 3. g7 Л:h2+ 4. Kpel Лg2 5. g8Ф Л:g8 6. K:g8 с выигрышем.

№ 27 (Г. Надареишвили): 1. Le1+! Kpd6 2. le5 Ld2 3. Ca1! (3. Сс3? — 3...Ld3! 4. Ca1 Ла3 5. Cb2 Лb3! 6. Ld5+ Kpe6! 7. Ld2 Лh3 8. Le2+ Kpd6 9. Le5 Лb3! с позиционной ничьей) 3...Ла2 4. Ld5+!!Kpe6 5. Cg7! Kp:d5 6. Cf7+; 5...Ла8+ 6. Kph7 Kp:d5 7. Cf3 с выигрышем.

Завершая публикацию решений, мы благодарим всех, кто принял участие в конкурсе. Ваши письма продолжают приходить...

Ведет профессор Мак-Иов Риго

Болит? — Помоги себе сам

Лечим инфаркт

2. Защищаем сердце

10

На втором этапе мы уже не занимаемся симптомами (они сведены к минимуму и практически не беспокоят), а приводим 1) к безопасному минимуму энергетику всего тела и 2) к норме — энергетическую ситуацию в области сердца.

Как важно не затягивать с этой работой, покажем на следующем примере.

Вы уже знаете, что у здоровых и энергетически полноценных людей инфарктов не бывает. Главная предпосылка инфаркта — резкое нарушение энергетического равновесия в теле, и чаще всего — падение общего энергетического уровня до минимума — глубокая астенция. Она не приходит вдруг, она результат хронических процессов; человек привыкает к этому состоянию и обычно не осознает, сколь оно критическое.

И вот представьте: он плотно поел; настолько плотно, что вся свободная энергия (которой едва хватало на поддержание привычного образа) вынужденно сосредоточена организмом в области желудка — обеспечивает переваривание пищи. И вдруг — внешняя (социальная, психологическая) стрессовая ситуация.

(Я не случайно уточнил: внешняя. Ведь если вы чем-то отравитесь, либо в крови разгуляется сильная инфекция — это тоже стресс для организма, но стресс внутренний).

Внешний стресс опасен всегда, если 1) человек не умеет его встречать (первый принцип: заниматься конкретным делом; второй: заставить себя думать о чем-то другом, вызывающем положительные эмоции), либо 2) у него энергетичес-

кий дефицит. Свободная энергия позволяет смягчить удар; она принимает удар, как на подушку. Когда у человека много энергии, ему нет нужды концентрироваться для конкретных усилий, чтобы принять стресс; это происходит само по себе. Но чем энергии меньше — тем подушка пожже — тем удар чувствительней. В нашем же случае этой энергии практически нет совсем; все, что было, сосредоточено в области желудка; человек беззащитен. (Желание поспать после еды свидетельствует, что вы 1) перележали и 2) далеки от энергетической нормы; поэтому организм создает ситуацию, когда мозг отгорожен сном от возможных стрессов, которые вам просто не на что принять).

Теперь вы представляете, что произойдет при стрессе: по тому самому каналу, которым сердце пользовалось для предупредительных звонков, в обратном направлении — из мозга — на него обрушивается информационный удар, сопровождаемый волной отрицательных эмоций. Заслониться от удара нечем; он приходится по живому; сердце зажимается — реагирует спазмом... Тут и без эмболов беды не оберешься.

(Я специально не раскрываю и даже не упоминаю биохимию этих процессов и их эндокринный хребет. Мы сразу договорились рассматривать наши проблемы в одном-единственном — энергетическом — аспекте. Этого, впрочем, достаточно, чтобы разорвать порочный круг любой болезни).

11

Живописуя эту картинку, я не стремился вас запугать. Мне только хотелось, чтоб вы поняли, как важно жить разумно, жить в соответствии с природой, способствуя, а не препятствуя жизнедеятельности тела.

Жить, прислушиваясь к телу и в согласии с ним.

Жить так, чтобы именно жить, а не существовать.

12

Момент перехода от программы-минимум ко второму этапу зависит только от вас самих. От вашего самочувствия. От вашей решимости. От времени, которым располагаете, в которое хотели бы уложиться. Накопец — от вашей энергии.

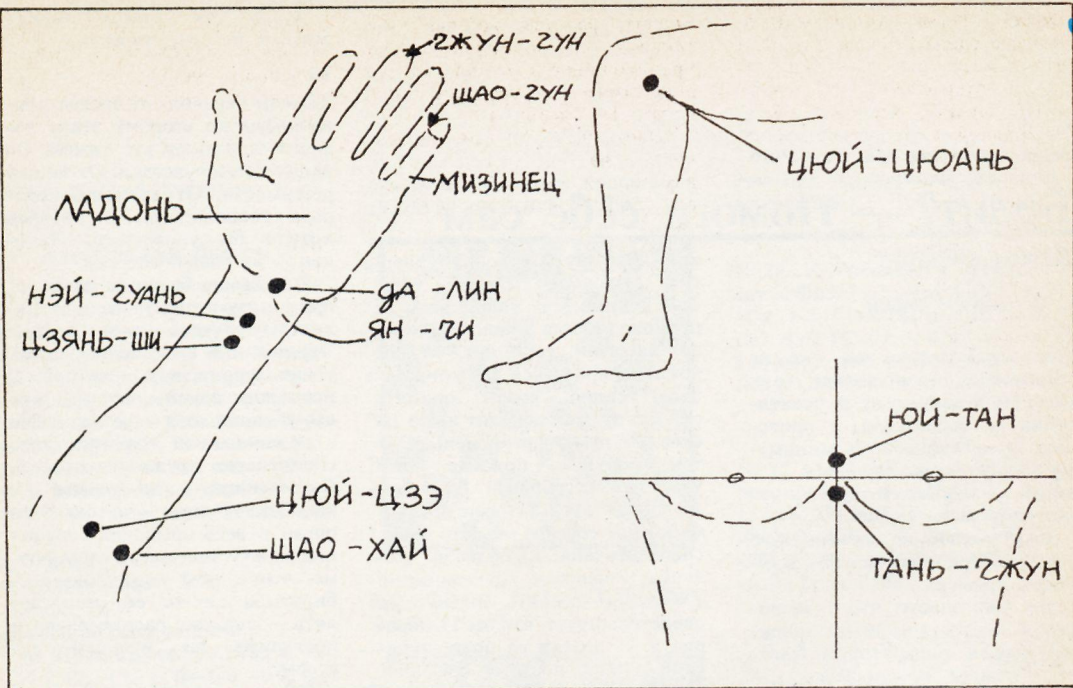
Как бы ни были вы слабы — программу-минимум одним заходом вы исполните всегда. Это важно и с психологической точки зрения, и с лечебной. С психологической потому, что вы убедились: я еще способен к полноценной работе; дело сдвинулось; худшее позади. С лечебной — потому что не какой-то участок, не какой-то орган — весь организм получил поддержку, причем в такой форме, что с нею не нужно разбираться, как-то ее распределять — она уже распределена и поступила по нужным адресам.

Но пусть вас не смущает желание именно целостной, завершенной работы. Это — идеал. Если же ставить вопрос принципиально, то дело не в завершенности работы, а в работе вообще. Важна сама работа. На сколько хватит сил. Нетрудно представить, как тяжело больному, ослабленному, разуверившемуся человеку собраться с духом и заняться лечебной. Но если преодолел свою инерцию, если смог — это уже победа.

Поэтому запомните: даже если вы поработаете на одной, на двух точках (в особенности, если они сами подают голос, просят заняться ими) — уже хорошо. Даже одна минута **ПРАВИЛЬНОЙ** лечебной работы принесет вашему телу облегчение. Маленькое? Пусть это вас не смущает. Быть может, от этой чайной ложки работы зависит ваша жизнь. Быть может, именно она остановит опускание вашей чаши весов.

Старая истина: десять тысяч шагов начинаются с одного шага — первого. Без него не пройдем и остальных. Его за вас никто не сделает. Как, впрочем, и второго, и третьего, и последнего.

И все-таки старайтесь не ограничиться одной-двумя точками — полная программа, даже если она минимальная, значи-

тельно действенной. И дело не в количестве точек; полная программа рождает новое качество вашей работы. А ведь мы уже давно договорились: в лечебе «как» имеет приоритет над «что».

Так вот — о переходе ко второму этапу.

В принципе, если программа-минимум исполняется вами без труда, можно тут же приступить к следующей. Есть силы — работайте. И все же я порекомендовал бы вам прежде подумать. Одно дело, если область сердца вас не тревожит и ваши намерения не идут дальше профилактики. Но если вы хорошо знакомы с неприятными симптомами... Поймите! — программа-минимум не только ликвидирует симптомы, она и восстанавливает энергетическое равновесие, и снимает с вас психический гнет, и прибавляет сил. Еще раз повторю: дело не в количестве работы, дело прежде всего в ее качестве. Значит, если вы хорошо знакомы с симптомами, но при этом без труда проскочили программу-минимум — не сомневайтесь: вы работали несосредоточенно. Некачественно. Схалтурили.

Ваша болезнь проявилась бы-

стро, быть может, даже в один день. Но накапливалась она годами. Ее корни глубоки. Ваш организм давно выбился из нормальной колеи и уже привычно катит по колее, набитой болезнью. Не сталкивайте его силой на прежнюю колею; не попускайте его; не создавайте ему новой экстремальной ситуации. Помогите ему вернуться к норме — и он сам найдет верную дорогу.

Не торопите его.

Помните: сколько в нем сейчас энергии — столько вашей работы он способен переварить.

Лучше сделать меньше, но чтобы сделанное хорошо усвоилось, чем нагрузить организм непосильной работой, от которой у него возникнет несварение.

13

Но вот вы решили, что вполне созрели для работы по второй программе. Что вы должны понимать в ней, чтобы работать осознанно, а не вслепую?

1) Работа на руках имеет целью привести к норме перикард, а значит, и застраховать сердце от каких бы то ни было сложностей.

2) Энергетика тела будет приведена к безопасному минимуму

с помощью популярной на Востоке системы «малая инь». Разумеется, не всей системы, а только противоастенической ее части, и все же знакомство с «малой инью» состоится — а это уже важно.

Начнем с короткой атаки — покалываем точки ногтем (как рекомендовал коллега Шин):

шао-чун (9—V) — на мизинце, чуть ниже внутреннего угла ногтя;

чжун-чун (9—IX) — на подушечке среднего пальца, отступив на 0,3 мм от вершины ногтя.

Вы уже знаете, что цель атаки — пробить канал, чтобы информация и энергетическая волна не задерживались на воспаленных участках. Эти точки хороши для скорой помощи (они стимулируют работу сердца), для снятия психозов и депрессивных состояний. Их функция — мобилизующая. Колоть не менее 50 раз каждую точку; желательно — 100.

Затем — да-лин (7—IX). Она на запястье — со стороны ладони — посреди складки. Ее основные терапевтические цели те же: перикард, психика и астенция. Но нам она более интересна другим: 1) успокаивающим воздействием на всю

систему перикарда (что необходимо сделать после атаки) и тем, что 2) именно в этой точке мы открываем соединительный канал к парному — X — меридиану. Уравновесив их, мы резко ускорим процесс выздоровления. Работать не менее 3 минут.

Ян-чи (4—X) — она тоже на запястье, тоже посреди складки, но с противоположной — наружной стороны. Сейчас она важна для вас лишь тем, что включает в работу X меридиан. После того как вы ее «пробили» (ощутили боль), работать не менее минуты.

Затем — известная вам по 1-й программе нэй-гуань (6—IX) — на 2,5 см выше да-лин.

Затем — цзянь-ши (5—IX) — выше нэй-гуань на 1,5 см.

Терапевтические ее функции те же, и быть бы ей на вторых ролях обычной вспомогательной точкой, если бы она не была узловым пунктом, соединяющим три меридиана, идущих из груди в руку: легких — I, перикарда — IX, сердца — V.

Значит, работая на ней, мы можем контролировать все происходящие в грудной клетке энергетические процессы. Работать 1—2 минуты.

Шао-хай (3—V) вам уже знакома — на локтевой складке с внутренней стороны, там, где она упирается в локтевой сустав.

Цюй-цзэ (3—IX) — посреди локтевой складки. Терапевтические функции те же. Ее особенность: она станет вашей главной точкой опоры (на руках) при борьбе с астенией. Уточняя: в «малую инь» входят и чжун-чун, и да-лин, и цзянь-ши, но именно цюй-цзэ — в системе «малая инь» — радикальней всего поможет вам восстановить энергетику тела. Работать 3 минуты.

Далее — известные по 1-й программе

тань-чжун (17—XIV) — посреди груди, чуть ниже линии между сосками;

юй-тан (18—XIV) — выше тань-чжун на 2 см.

Кстати, юй-тан — соединительная точка «малой инь».

Наконец — цюй-цюань (8—XII) — с внутренней стороны коленного сустава, посреди его. О ее терапевтических функциях мы скажем позже — в 3-й программе; сейчас же она интересна тем, что входит в «малую инь» и радикально способствует восстановлению энергетики тела. Работать не менее 3 минут.

Напоминаю противоастеническую триаду «малой инь»: 1) цюй-цзэ, 2) юй-тан, 3) цюй-цюань. Ее можно прорабатывать отдельно, независимо от остальных частей программы.

Вторую программу лучше всего работать перед сном. Сперва на правой руке, затем на левой. Если же у вас не хватает для работы по полной программе времени или сил — работайте первое время день на одной руке, день — на другой. Но точки на груди и ногах прорабатывайте всякий раз обязательно.

Продолжение следует

РЕКЛАМА

Гороскоп для двоих

Мы подготовили очередную книгу нашей библиотеки. На этот раз — сборник гороскопов. И предлагаем именно ее лишь потому, что нам захотелось внести хоть какое-то разнообразие в ваши будни, подчас не очень радостные. Надеемся, вы понимаете, что не стоит безоговорочно верить и следовать всему тому, что вы узнаете из гороскопов. Подобное чтение, как правило, достигает иной цели — способствует размышлениям о своих привычках, чертах характера. Что-то наверняка вы примете с улыбкой, над чем-то откровенно рассмеетесь (уже хорошо), что-то отметете напрочь, решив, что к вам это ни с какого бока не подходит, а над чем-то, возможно, задумаетесь и возьмете на учет, чтобы в дальнейшем как-то скорректировать

поведение или образ жизни.

Счастья вы вряд ли с помощью гороскопов достигнете, но уж что совершенно точно — развлечь ими своих друзей наверняка сможете. Только учтите — друзья должны обладать чувством юмора, иначе обид не оберетесь.

В общем, пользуйтесь по своему усмотрению. Лишь бы в охотку да в радость.

Какие-то из глав вам будут уже знакомы, так как мы их публиковали в журнале. Но иные вы прочтете в первый раз. Итак, многие из вас, кто приобретет сборник гороскопов, наконец решит проблему, которую вы ставили перед нами, обращаясь с просьбой об издании отдельной книгой опубликованных материалов этой рубрики.

А теперь об условиях приобретения сборника. Объединение «Простор», учитывая ва-

ши пожелания, на этот раз удовлетворит все без ограничения заявки читателей.

Очередной том «Библиотеки «Ст. М.» вам, как и прежде, доставит «Книга — почтой». Сборник (стоимость его 7 руб.) выкупите, получив уведомление, на нашем почтовом отделении. Там же дополнительно оплатите накладные расходы по оформлению заказа и пересылке книги (согласно тарифам министерства связи).

Обращаем внимание и на то, что отрезной талон-заявку (см. на обороте), точно и разборчиво заполнив его, нужно отправить по адресу: 125015, Москва, Новодмитровская ул., д. 5а, редакция журнала «Студенческий меридиан» с пометкой на конверте — «Гороскоп для двоих». Это ускорит обработку почты и доставку вам популярного сборника.

«Поп-лексикон» Артема Троицкого

Новая работа Троицкого вышла в Москве тиражом всего двести тысяч экземпляров и интересна тем, что предназначается прежде всего новому поколению музыкантов и молодых фанатов, имеющих разные представления о развитии нашей рок-музыки.

Троицкий — «двуликий Янус», критик-посредник между советской и западной стороной, известный как автор энциклопедии советского рока и пропагандист нашего рока на Западе. У него всегда две задачи: информация (отсюда — о нашей музыке) и просвещение (здесь). С ним невозможно спорить, поскольку он сам ни с кем не спорит,

а констатирует малоизвестные и очевидные факты. Он весьма осторожен в их оценке.

Открытый выход корифеев советского рока на орбиту сопровождался комментариями в периодике Артема Троицкого. Два материала, «Метаморфозы советской рок-музыки» (на русском языке опубликовано в журнале «Румба», перепечатка из

английского журнала «Лисинер») и последующая статья «Русский рок на рандеву» («Литературная газета»), стали бестселлерами, так же, как книги Артема Троицкого на русском и на английском.

Общеизвестно, что сам он не любитель вести политику в роке и всегда скорее запаздывает, чем забегает вперед в оценке, однако вопреки, а может быть, благодаря этому выводы, которые делает Троицкий (которые скорее получаются у Троицкого, чем он их делает), тем не менее обладают способностью вызывать легкий шок у той и у другой половины нашей «тусовки». Так, например, одна половина шумно радуется выходу широко известного в наших кругах западного диска БГ, а другая половина воротит от него нос, и вот появляется статья Троицкого, которая разумна и далека от скандала, и никто решительно не может понять, на чьей он стороне, и одна половина заключает: «О-о, этот хитрый Троицкий», а другая, агрессивно настроенная по-

ГОРОСКОП

ДЛЯ
ДВОИХ

БИБЛИОТЕКА «СТ. М.»

Заявка на книгу

Название — Гороскоп для двоих. Сборник

Фамилия _____

Имя, отчество _____

Почтовый индекс _____

адрес _____

Личная подпись _____

Дата отправления заявки _____

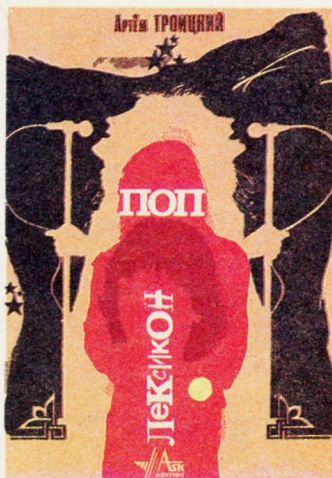
Вырезать и отправить по адресу: 125015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, редакция журнала «Студенческий меридиан».

ловина заявляет, что «Троицкий такое же дерьмо, как и Гребенщиков», спор на этом заканчивается. Однако он потому не может продолжаться, что Троицкий расставил все точки над «и» и спорить больше не о чем, и все в душе ждали от него именно этого.

Троицкий недостаточно «критик», так как основное в его текстах все-таки — информация, Троицкий недостаточно «журналист», так как не страдает злободневностью, и потому его работы обречены лечь на наши книжные полки, а не сгинуть в мусоре бумажных газет. Дальше речь пойдет о его новой книге.

Она носит, казалось бы, несовременное название (почему-то не «Рок-лексикон», а «Поп», хотя с другим названием книга бы пошла лучше), что совершенно в духе Троицкого. Поверхностному читателю может показаться, что «конъюнктурщик» Троицкий (Троицкого всегда обвиняют в конъюнктуре, даже когда он напечатал прекрасную статью о Саше Башлачеве), убедившись в том, что советский рок зашел в тупик, поспешил перейти в противоположный поп-лагерь. Услышав от своих друзей о бесповоротном предательстве Артема, попросите у них почитать «Поп-лексикон». Вам покажется, что в книге, которая называется «Поп-лексикон», речь на самом деле идет о вашем любимом роке.

Что думает по этому поводу Артем Троицкий? «Советский рок не умирает, а скорее меняет форму. Одна задача выполнена, другая — еще впереди. Никто не знает, каков следующий этап», — писал он в 1989 году и не прибавил к этому ни слова. Что он добавил к этому через год? На первый взгляд он не делает никакого нового прогноза. Однако выпускает новую книгу, «книгу определений», и определяет «рок» как «главную молодежную ветвь поп-музыки». Зачем-то напоминает, что термин «рок-музыка» утвердился в конце 60-х как противопоставляемый термину «поп-музыка». Монолитное до сих пор, музыкаль-

ное движение раскололось на коммерческий «поп-рок» и «подпольную» (андеграунд), нонконформистскую рок-музыку. Время, впрочем, показало всю условность этого деления: многие «подпольные» группы становились вполне массовыми. «Рок — социокультурное явление, — говорит Троицкий. — Сам термин (как производное от рок-н-ролла), несомненно, устарел, и возможно, нуждается в замене. Скажем, в музыке «новой волны» элементов фанка или реггей ничуть не меньше, чем собственно рока». Троицкий не отказывается от этого термина. «Это создает видимость преемственности и намечает историческую ретроспективу». Одновременно он подбирает другую альтернативу термину «поп-музыка» — «андеграунд». Это независимая, некоммерческая музыка. «В Советском Союзе этот термин имеет особый смысл, поскольку вся рок-музыка до 1980 года у нас в стране была андеграундом».

Иными словами, Артем Троицкий выводит закономерность развития рока — от субкультуры к господствующему развлечению. И, главное, он реабилитирует для массового читателя оба понятия: «андеграунд» и «поп-музыка». «Поп-музыка» для него не ругательная кличка, прямо вытекающая из понятия «массовой культуры». Это всего лишь «музыка, максимально задействованная в каналах средств массовых коммуникаций». Таким образом он концентрирует внимание на средствах массовой информации: от них во многом зависит судьба молодежной музыки. От них зависит и триумф нашего рока. И если еще два с половиной года назад Артем Троицкий не знал, как относиться к тому, что «новаторские руководители рок-групп превратились в любимцев презираемых ими средств массовой информации», то сегодня он определенно ничего против этого не имеет.

Итак, от субкультуры к господствующему развлечению — из подполья к широкому признанию — перспектива развития молодежной культуры, в частности, рока. Можем ли мы согласиться с Артемом Троицким?

Ольга Адрова

Продолжение следует

Barry White:

«Я расскажу вам о любви...»

В ложной скромности его не упрекнешь. На традиционный вопрос журналистов «В чем секрет вашего успеха?» Бэрри Уайт отвечает: «Во мне. Я страшно талантлив». И ослепительно улыбается. Глаза его при этом так озорно искривляются, что не поймешь, шутит он или говорит серьезно.

Ему 47 лет, живет в Нью-Йорке, в районе Куинс. Любит жену, детей (их у него уже восемь), публику, но прежде всего — музыку. Питает известную слабость к роскоши. Не потому, что обыватель, а потому, что роскошь — черта его артистического имиджа. Кроме того, эту слабость он вполне может себе позволить: на сегодня в мире крутятся 123 с лишним миллиона его пластинок. За свои альбомы он получил 20 платиновых и 103 золотых диска, за синглы — 10 платиновых и 20 золотых. И это при том, что звездный час Бэрри Уайта давно позади.

Он родился 12 сентября 1944 года в техасском городке Галвестон, но вырос в Лос-Анджелесе, куда семья переехала, когда Бэрри не исполнилось и года. Мать его была профессиональным музыкантом, так что к музыке Бэрри приобщился буквально с рождения. В восемь лет его приняли в церковный хор, а через два года доверили играть на органе. В двенадцать Бэрри был уже хормейстером.

Подростком же он вошел в состав любительского ритм-энд-блюз-ансамбля «The Upfronts», где пел и играл на фортепьяно. Успеха группа не добилась, тем не менее Бэрри твердо решил посвятить себя рок-музыке. Он легко и изобретательно придумывал новые аранжировки широко известных шлягеров, а вскоре начал сочинять и удачные собственные композиции. В 1963 году дуэт «Bob and Earl» записал его песню «The Harlem Shuffle», и она попала в национальный хит-парад США.

Два года спустя такой же успех имела композиция «The Duck», на этот раз в исполнении Джеки Ли (Jackie Lee). К середине 60-х Бэрри Уайт был уже немалым авторитетом в музыкальных кругах как композитор, аранжировщик, звукорежиссер и менеджер.

В 1968 году по его инициативе образовалось вокальное женское трио, куда вошли сестры Линда и Глодин Джеймс (Linda & Glodean James) и Дайана Тэйлор (Diana Taylor). Глодин в дальнейшем стала его женой. С этим трио Бэрри задумал реализовать свои новаторские идеи в поп-музыке, однако крупного успеха добился только в 1972 году, когда сингл «Walking In The Rain With The One I Love» разошелся миллионным тиражом. Музыкальная концепция Бэрри Уайта к этому времени вполне оформилась, и он решил исполнять свои песни сам в сопровождении того же трио (Бэрри назвал его «Love Unlimited»). Первый же выпущенный сингл «I'm Gonna Love You Just A Little More, Baby», 26 мая 1973 года возглавил американский хит-парад по категории ритм-энд-блюз.

В записи пластинки участвовал сформированный Бэрри Уайтом оркестр «The Love Unlimited Orchestra», состоявший из сорока музыкантов. В дни, когда наибольших успехов на поп- и рок-сцене добивались ансамбли из четырех-пяти человек, это было необычно. Но певец и не собирался состязаться с теми, кто разрабатывал уже открытые пласты в музыке. Он шел новым путем, избрав в ка-

честве отправной точки оригинальный метод аранжировки и композиции, первопроходцем которого на рубеже 70-х годов был его коллега певец и композитор Айзек Хейс (Isaac Hayes). Метод заключался в изысканном сочетании скупой разговорной манеры пения с необычайно богатым по звучанию инструментальным аккомпанементом. Для этого ему и потребовался большой оркестр. Преобладавшие в нем струнные инструменты создавали прозрачную, невесомую музыкальную ткань, служившую идеальным фоном для низкого, раскатистого баритона Бэрри.

Полосу крупных удач продолжили синглы «Never, Never Gonna Give You Up», «Can't Get Enough Of Your Love, Baby», «You're The First, The Last, My Everything», «Let The Music Play».

Гипнотизирующее слушателя ритмичное повторение запоминающихся мелодических фраз в аккомпанементе, характерное для композиций Бэрри Уайта, как нельзя лучше соответствовало канонам музыки диско, так что певец без особых усилий завоевал и аудиторию дискотек второй половины 70-х. В дальнейшем он все реже выступал как солист и все чаще — как автор, аранжировщик и дирижер. Записанные его оркестром альбомы инструментальной музыки тоже имели огромный успех.

В 1989 году Бэрри Уайт впервые за долгое время совершил гастрольное турне и выпустил альбом «The Man Is Back». Возвращение певца восторженно приняли и старое, и новое поколения слушателей, что во многом объяснялось его верностью нестареющей и покоряющей все возрасты теме — теме любви.

«Чары любви так же необъяснимы, как чары музыки», — говорит Бэрри Уайт. — В своей музыке я стараюсь слить их воедино».

Павел Бондаровский
(«Астро Ньютон»)

Хотите поработать в Германии?
Киевская фирма «Майстры»
готова вам помочь.
Подробности на 71 странице
этого номера.